
INSPIRIA
Шорт-лист
Букеровской премии 2021
о таком
18+
не
говорят
Патриция
Локвуд

INSPIRIA

О таком не говорят

Патриция Локвуд

Аннотация
Патриция Локвуд. О таком не говорят
Часть первая
Часть вторая
Благодарности

Аннотация

Шорт-лист Букеровской премии 2021 года.

Современный роман, который еще десять лет назад был бы невозможен.

Есть ли жизнь после интернета?

Она – современная женщина. Она живет в Сети. Она рассуждает о политике, религии, толерантности, экологии и не переставая скроллит ленты соцсетей.

Но однажды реальность настигает ее, как пушечный залп. Два коротких сообщения от матери, и в одночасье все, что казалось важным, превращается в пыль перед лицом жизни.

«Я в совершенном восторге от этой книги. Талант Патриции Локвуд уникален, а это пока что ее самый странный, смешной и трогательный текст». – Салли Руни

«Стиль Локвуд не лаконичный, но изобретательный; не манерный, но искусный. Этот роман – настоящая ирония над иронией, но по мере развития он превращается в тихую и трогательную историю о любви и потере». – The Wall Street Journal

«Об этой книге будут говорить все». – Harper’s Bazaar

Патриция Локвуд
О таком не говорят

© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Лене, которая была колокольчиком
Люди!
Будет!
На солнце!
Прямо!
Владимир Маяковский «Я и Наполеон»

Часть первая

Она открыла портал, и коллективный разум встретил ее на полпути. Внутри было по-тропически жарко, и шел снег, и первая снежинка метели всего, что есть, легла ей на язык и растаяла.

Дизайн ногтей крупным планом — камушек из открытого космоса — фасеточный глаз тарантула — шторм на поверхности Юпитера, похожий на персики в сиропе — «Едоки картофеля» Ван Гога — чихуа-хуа, взгромоздившийся на чей-то эрегированный член — дверь гаража с красной надписью из баллончика: ХВАТИТ! НЕ ПИШИ БОЛЬШЕ НА МЫЛО МОЕЙ ЖЕНЕ!

Почему портал ощущался таким камерным и интимным, когда ты входишь туда лишь затем, чтобы *быть везде*?

• • •

Она вертела в руках гладкий зеленый шарик стеклянного дня, искала тонкую трещинку, которая выпустит ее наружу. Такие вещи не делаются насильно. Снаружи висел плотный воздух, и тучи сбивались в комья диванной набивки, и на

южной окраине неба был крошечный уголок, где хотела случиться радуга.

Потом — три глотка кофе, и окно распахнулось.

• • •

Кажется, мир переполнен уже до отказа, хе-хе, прислал сообщение ее брат, тот самый, кто под конец каждого дня уничтожал себя персональной кометой под названием «Огненный шар».

• • •

Капитализм! Было важно его ненавидеть, хотя он давал тебе столько возможностей добывать деньги. Она постепенно склонялась к позиции столь философской, что даже Иисусу было бы трудно ее принять: она должна ненавидеть капитализм, и в то же время ей никто не запрещает любить киношные интерьеры крупных универмагов.

• • •

Политика! Проблема в том, что теперь у них был диктатор, подобных которому, по мнению

некоторых людей (белых), у них еще не было никогда, а по мнению других людей (всех остальных), только такие и были всегда, непрестанно, с начала времен. Ее пугала собственная тупость — и то, как звучал ее голос, когда она говорила с людьми, еще не переставшими тупить.

Проблема в том, что диктатор был очень смешным, что, видимо, справедливо для всех диктаторов всех времен. Абсурд как он есть, размышляла она. Внезапно все эти странные русские романы, где человек превращается в ложку смородинового варенья на своей летней даче, начали обретать смысл.

• • •

Какая у нее родилась красивая фраза, яркое глубокомысленное изречение, ради которого она утром вскочила с постели, чтобы сразу его записать? Она открыла блокнот с радостным предвкушением, как всегда в таких случаях, — может быть, это наконец она, эпохальная мысль, которую выбьют на ее надгробии. Там было написано:

«chuck e. cheese» запросто может проесть дыру у меня сами-знаете-где

• • •

Когда мы умрем, размышляла она, тщательно натирая мочалкой ноги под колючими струями воды, потому что недавно узнала, что многие люди не моют ноги, когда принимают душ, — так вот, когда мы умрем, нам покажут маленькую круговую диаграмму, где будет отмечено, сколько времени жизни мы провели под душем, мысленно споря с людьми, которых никогда даже не видели. Как будто такое времяпровождение было хоть чем-то хуже постоянного тщательного мониторинга толщины стенок бобровых хаток, чтобы понять, насколько суровой будет зима.

• • •

Присутствуют ли в ее поведении стереотипии? Она очень боялась, что да.

• • •

Что было всегда:

Солнце.

Ее тело и едва заметное рифление у корней

волос.

Почти музыка, разлитая в воздухе, нестройная, странная и закрученная, как разноцветные нити пряжи, разложенные в ожидании.

Заглавная песня детской телепередачи, где манекены в универмаге оживают по ночам.

Анонимные кадры на канале «Хистори»: миллионы солдат в серой форме на марше, самолеты с акульими рылами, гладкий, как шелк, взлет снарядов, ядерные грибы.

Серия «Правды жизни» о девушке, которая любила намазаться маслом, забраться в котел с овощами и представлять, что сейчас придут каннибалы и съедят ее всю. В эротическом смысле.

Почти сформировавшаяся не-мысль: По мне кто-то ползет???

Жгучий стыд за все это, абсолютно за все.

• • •

Куда подевалась прежняя тирания, тирания мужа над женой? Она подозревала, что большая часть этой энергии произвола была перенаправлена на диковатые идеи о пищевых добавках и

на жаркие обсуждения, точно ли винил звучит «теплее» и какие из бытовых кофемашин — просто *дерьмовый привкус кофейного христа во рту*. «Сто лет назад ты работал бы в угольной шахте и у тебя было бы четырнадцать детей, все по имени Джейн, — размышляла она, наблюдая, как муж тычет пальцем в жену в витрине с кухонной техникой. — Двести лет назад ты сидел бы в кофейне где-нибудь в Гёттингене и встряхивал бы ежедневную газету перед тем, как погрузиться в насущные вопросы дня — а я вытрясала бы перины и простыни из окна и не умела бы читать». Но ведь тирания всегда ощущалась как нечто обыденное, разве нет?

• • •

Ошибочно думать, что все остальные живут менее насыщенной жизнью, чем ты. К тому же не так уж она и насыщена, твоя жизнь.

• • •

Объем случайно воспринятой информации растет день ото дня, и воздействия этого вала еще не известны. Повсюду льется поток сетевых дневников. Стоило ли прислушиваться, например, к

разговорам подростков? Надо ли было усердно следить за комплиментами, которые деревенские шерифы отпускают сияющим порнозвездам, не понимая, что их комментарии видны всем остальным? А что насчет этой ветки обсуждений, где женщины выясняют, что у них у всех есть одинаковый шрам на колене? «У меня тоже есть такой шрам!» — написала белая женщина, но ее быстро и эффективно заткнули, потому что это совсем не одно и то же — она вломилась без приглашения в нашу *нашест*ь, и мир, в котором она получила свой шрам, — это полностью другой мир.

• • •

Каждое утро ее накрывала лавина подробностей, экзальтированных деталей: фотографии завтраков в Патагонии, девушка наносит основу под макияж сваренным вкрутую яйцом, шибаину в Японии скачет с лапы на лапу, приветствуя хозяина, призрачно бледные женщины постят фотографии своих синяков — нарастает давление, мир смыкается все теснее, паутина человеческих взаимосвязей становится такой плотной, что почти превращается в цельный искрящийся шелк, но день по-прежнему не раскрывается перед ней.

Если ей дали возможность все это увидеть, это наверняка что-то значит?

Если она начинала кусать нижнюю губу, как бывало почти всегда после молочно-циветтовой горечи утреннего кофе, она шла в ванную, где стена за окном густо заросла плющом, и аккуратно красила губы вызывающе яркой красной помадой оттенка фортепьянного фетра — словно вечером собиралась пойти в андеграундный клуб, где она будет голой, как пустое пространство на месте недостающей пайетки, и сожмет все закатное облако человеческих чувств в стихотворение из шести слов.

• • •

Что-то болело в затылке. Это было ее новое классовое сознание.

• • •

Каждый день их внимание должно обращаться — как отблеск солнца на боках стайки рыб, у всех и сразу — к новому объекту ненависти. Иногда это военный преступник, иногда — просто кто-то, кто не соблюдает единственно правильную рецептуру гуакамоле. Ее саму интересовала не

столько ненависть, сколько стремительная смена вектора, словно их коллективная кровь разом вскипала и принимала решение. Будто они были биологическим видом, от природы плюющимся ядом или испускающим облака черных чернил на морском дне. В смысле, вы же читали статью о разумности осьминогов? Вы же читали, как осьминоги выходят маршем из моря на сушу, послушным и гладким войском?

• • •

«А-ха-ха!» — рассмеялась она новым смехом, каким стало модно смеяться в последнее время, за просмотром короткого видео с людьми, которых выбросило из сорвавшейся с аттракциона кабинки на ежегодной ярмарке в столице Огайо. Траектории их полета были дугами чистой радости, расчертившими воздух, их футболки как будто стекали с тел; смотрите, на что способна людская плоть, когда она уступает надлому судьбы, а потом…

«Что тебя так рассмешило?» — спросил муж, бочком присев на кресло и свесив ноги через подлокотник, но она уже прокрутила всю ветку комментариев и прочитала, что один человек

скончался на месте и еще пятеро находятся в критическом состоянии, и неизвестно, выживут они или нет. «О боже! — прошептала она, когда поняла. — Господи боже, нет!»

• • •

Каждый вечер, ровно в девять часов, она отбрасывала свой разум. Отвергала его, будто веру. Отрекалась, как от престола, во имя любви. Она шла к холодильнику, открывала его и вдыхала прохладную свежесть, оставляла влажные отпечатки на запотевшем горлышке бутылки и наливала что-нибудь в стакан, всегда прозрачный и кристально чистый. В эти минуты она была счастлива, хотя и тревожилась каждую ночь — как никогда не бывает со знанием, — точно ли этого будет достаточно.

• • •

Внутри портала какой-то мужик, три года назад постивший только пошлятину вроде: «Я дебил с хроническим геморроем», — теперь призывает сограждан открыть глаза и проникнуться идеями социализма, который вдруг оказался единственно верным из всех путей.

• • •

Ее местоимение, с которым она никогда и не чувствовала особенной близости, уходило все дальше и дальше прочь от нее на портале, неслось сквозь пространства *нас* и *его, мы* и *они*. Иногда оно возвращалось, садилось, почти невесомое, ей на плечо, как попугай, повторяющий каждое ее слово, но больше никаким боком не связанный с ней самой — попугай, доставшийся ей от ныне покойной прибабахнутой тетки, заявившей на смертном одре: «Справляйся как можешь!»

Но в основном все сводилось к *ты, тебя, с тобой, о тебе*, до тех пор, пока она не переставала понимать, где кончается она сама и начинается вся остальная толпа.

• • •

Мы все видели легендарную фотографию, где моряк целует медсестру на Таймс-сквер в Нью-Йорке в день победы над Японией. Мы все ее видели и думали, что понимаем смысл запечатленного на снимке мгновения — но теперь эта женщина, девушка с фотографии, вышла из тени

молчания и заявила, что не знала этого человека и что ей было страшно, когда он, совершеннейший незнакомец, ее целовал. И только тогда ее левая рука, смазанная в трепещущее пятно, неудобный залом ее спины, локоть моряка, давящий ей на шею, сразу становятся очевидными. «Я его видела впервые в жизни», — заявила та женщина, но вот же он — на фотографии, вот же он — в нашем сознании, держит ее, как победу, и не отпустит уже никогда.

• • •

Разумеется, именно те, кто называет себя просвещенными людьми, тырят больше и чаще всего. Они первыми осваивают новый сленг. Чтобы показать… что? Что они не такие, как все? Что они знают, что именно надо красть? Да, на них всегда больше вины. Но вина не стоит вообще ничего.

• • •

Появилась новая игрушка. Все над ней потешались, но затем стало известно, что ее придумали для аутистов, и больше никто над ней не потешался, зато теперь потешались над теми, кто

смеялся над нею сначала. Потом кто-то нашел в каком-то музее каменный «прототип» возрастом в миллион лет, и это вроде бы что-то доказывало. Еще кто-то выяснил, что происхождение этой игрушки как-то связано с Израилем и Палестиной, и все заключили негласное соглашение вообще о ней не говорить. Все это произошло в течение четырех дней.

• • •

Она открыла портал. «Мы все так и будем вот так трепыхаться до самой смерти?» — спрашивали люди друг друга, как прежде спрашивали: «Мы уже в аду?» Нет, не в аду, размышляла она, а в некоей приемной, где горят флуоресцентные лампы, и разложены давно устаревшие журналы, и люди ждут, когда можно будет войти в память истории, и скрашивают ожидание, листая древние номера «Родителей Луизианы» или «Иллюстрированного коневодства».

• • •

Именно в этом пространстве, где мы пребывали на грани потери тел, тела становились предельно важны, именно в этом великом плавильном

пространстве нам было важно, как правильно говорить: *лимонад* или *газировка,* — и как готовила твоя мама, с чесночной солью или с измельченными дольками настоящего чеснока, и чем украшены стены у тебя дома, оригинальными произведениями искусства или фотографиями всей семьи, сидящей на бревнах на фоне бутафорских фонов, и есть ли у тебя оранжевый пластиковый контейнер. Тебя увеличивали, как картинку, до рассыпчатой зернистости, тебя выносило в открытый космос; это было братство людей, но вместе с тем мы еще никогда не были так далеки друг от друга. Ты все увеличивал и увеличивал это теплое зернышко, пока оно не превращалось в холодный пиксель луны.

• • •

— Что ты делаешь? — спрашивал муж тихо и как бы с опаской и повторял свой вопрос вновь и вновь, пока она не обращала к нему пустой взгляд. Что она *делает*? Он разве не видит, что ее руки полны сапфиров мимолетных мгновений? Он разве не знает, что сегодня какой-то мужчина-феминист выложил в Сеть фотографию *своей* голой груди?

• • •

Она прославилась простым, коротким постом: *Бывают ли у собак близнецы*? Только и всего. Бывают ли у собак близнецы? Уже дошло до того, что подростки шлют ей в комментариях эмодзи с плачущей рожицей. Они еще учатся в школе. Они запомнят «Бывают ли у собак близнецы?» вместо даты заключения Версальского мира, которую, если уж начистоту, она не знала сама.

• • •

Тем не менее именно этот пост принес ей известность. Со всех концов света ее приглашали выступить с лекцией, рассказать — голосом, словно идущим из облачного хранилища, — о новых способах коммуникационного взаимодействия, о новом течении информации. Она сидела на сцене рядом с мужчинами, больше известными по интернет-никам, и женщинами, рисовавшими себе брови так контрастно и густо, что они выглядели совершенно безумно, и пыталась объяснить, почему объективно смешнее писать «*чиххать*» с двумя «х». Это было не то чтобы очень похоже на реальную жизнь, но в наше время ничто на

нее не похоже.

• • •

В Австралии, где она почему-то была особенно популярна, она сидела на сцене под плавящимися прожекторами с собратом-экспертом по интернету, который явно гордился своим канадским происхождением и зримо зализывал волосы гелем по 32 доллара за тюбик. Он говорил убедительно и интересно, хорошо разбирался во многих предметах, но он был в кибер-штанах вроде тех, что носили мы все в те далекие времена, когда искренне верили, что лихо прокатимся по интернету, как на скейтборде. Он никогда не снимал кислотных рейверских очков, словно защищаясь от слепящего света киберпространства, исходившего от солнца, которое он постоянно носил с собой, всегда точно на линии взгляда, и это солнце было звездой будущего, вставленной в старую костяную глазницу неба.

«*Чиххать*» смешнее, да?» — спросила она у него.

«Безусловно, — ответил он. — «*Чиххать*» по любому смешнее».

• • •

На выступлениях в нее вселялся, как она его называла, демон лицедейства — абсолютно отдельная личность, к которой у нее не было доступа во все остальное время. Она, эта личность, была не только внутри, но и немножко снаружи; она высекала из ее тела картинные жесты, как искры из огнива. Каждый раз, когда она смотрела свои выступления в записи, ее обуревал тихий ужас. Кто эта женщина? Кто ей сказал, что ее можно выпускать к людям?

• • •

«Проблема! — Она говорила воинственно, как малоизвестная суфражистка. К туши на ресницах прилипла какая-то иноземная мошка, во рту ощущался вкус кофе, который в Австралии все время варят по-разному и ставят выше латте. Публика в зале смотрела на нее ободряюще. — Проблема в том, что мы стремительно приближаемся к тому моменту, когда все наши ругательства будут включать в себя фразы вроде «*Не долби мой дофамин, вебсайт*!».

• • •

Почему она выбрала полное погружение в портал? Она точно знала, что это связано с цепным ребенком во дворе. Ее прабабушка, ипохондрик, каких поискать, держала своего первого сына во дворе перед домом, на привязанной к столбу цепи, чтобы всегда видеть в окно, чем он занимается. Она предпочла бы иное происхождение по материнской линии — женщины-авиаторы, разбитные любительницы джаза, международные шпионки, все было бы лучше, — но у нее был только цепной ребенок во дворе, и ее это не отпускало.

• • •

Кажется, в каждой стране есть газета под названием «Глобус». Она покупала эти газеты везде, куда бы ни приезжала, клала на прилавки свои канадские доллары, фунты и кроны, но часто бросала их недочитанными ради сиюминутности портала. Потому что, когда ты читаешь новости — ежеминутно, строчку за строчкой, — тебе всегда хочется высказаться о текущих событиях, разве нет? Тебе хочется высказаться о текущих

событиях, даже если это всего лишь ЧТО?!

Даже если это всего лишь ГЫ!

• • •

Это было такое пространство, в котором она знала, что должно произойти; где она всегда выбирала верную сторону и правильное направление; где вся вина лежала на ходе истории, а не на ней; где она не читала не тех писателей, не воодушевлялась идеями не тех вождей, не ела мяса не тех животных, не аплодировала на корриде, не называла годовалых детей годовастиками, не верила в фей, духов и спиритическую фотографию, а также в чистоту крови и предначертания судьбы; не делала лоботомию своим дочерям и не посылала своих сыновей на войну; где она не подвергалась влиянию течений, волн и штормов умонастроений своего времени — что обычно доступно лишь гениям, но даже гении бьют своих жен, бросают детей, щипают служанок за задницы, в принципе имеют прислугу. Она наблюдала, как век приближался к концу, и знала, чем все обернулось. Все решили суровые небеса в длинной черной судейской мантии, и она проплыла поверх этих небес, и увидела все-

все-все, в перемотке от настоящего к прошлому, и отвернулась в испуге перед собственным ослепительно-ярким днем.

• • •

— Колониализм, — прошипела она, обращаясь к красивой колонне, и экскурсовод посмотрел на нее с беспокойством.

Каждая клеточка в ее теле звенела от напряжения. Она пыталась возненавидеть по- лицию.

«Начните с малого и постепенно наращивайте обороты, — подсказала психотерапевт. — Для начала попробуйте возненавидеть полисмена Биг-Мака, классового предателя, не дающего другим обитателям «Макдоналдса» получить те гамбургеры, которые им нужны. Но, когда грянет переворот, мы отдадим бургер его головы на съедение — за все его злодейства». Но этот совет только обескуражил ее еще больше. Ее *психотерапевт* была радикальнее ее самой?

• • •

Все дело в том, что ее отец был полицейским, известным тем, что подвергал совершенно

излишнему обыску с раздеванием старшеклассников из той же школы, где училась она, его дочь, — тех, кого он останавливал за вождение в пьяном виде. Это означало помимо прочего, что ей было непросто обзавестись ухажером. А если какой-нибудь ухажер все-таки появлялся, сразу подразумевалось, что она будет главной в их паре.

• • •

В детстве она часами не могла уснуть, одолеваемая одним-единственным вопросом: *как сами французы понимают, что они говорят?* Однажды она спросила у мамы, и та тоже не знала. Получается, проблема была унаследованной.

• • •

потеряла способность учиться, загуглила она поздно ночью. *потеряла способность учиться с тех пор, как лишилась девственности.*

• • •

У нее было тайное удовольствие: фразы, которые понимает лишь половина всего населения

Земли, а лет через десять и вовсе никто не поймет.

жуткие британские ведьмины ямы

секс на луне будущим летом
что значит «сючка»?

что значит «опустить в кукурузину»?

такова стоимость моего веганского обеда

штаны горят нога болит

• • •

У нее онемела подушечка указательного пальца. Так ухо становится розовым, мягким и волглым, в окружении влажных узоров из тонких завитков волос, когда слишком долго болтаешь по телефону.

• • •

Иногда, когда она повторяла себе под нос слова *нет, нет, нет* или *помоги, помоги, помоги*, муж подходил к ней со спины и клал руку ей на затылок, как викторианская нянюшка. «У тебя творческий кризис?» — спрашивал он, и она мол-

ча кивала и прибегала к верному способу выйти из ступора: нагуглить красивые фотографии жареной курицы — может быть, потому, что сейчас это становится основным женским занятием.

• • •

У него не было этой проблемы, в нем не росли метастазы слова *больше* и слова *еще*. Он всегда брал ровно столько, сколько необходимо, и ему было достаточно. Однажды она спросила, что он хотел бы съесть перед смертью, и он сразу ответил: «Банан. Не хочу умирать с тяжестью в животе».

• • •

Сто лет назад она назвала бы кота Пушком или Царапкой. Сейчас она назвала его Доктором Вжопедыра. Без вариантов. «Доктор Вжопедыра», — звала она по ночам, почти в отчаянии, пока он не подходил к двери с яркими перьями ее человеческой гордости в пасти, а потом исчезал за порогом полосатой волной.

• • •

Небо в Бристоле истекало медовым закатом. «И это ваш вклад в развитие общества?» — спросил какой-то мужчина, потрясая распечаткой ее поста «*Бывают ли у собак близнецы*?».

«Да», — сказала она тонким голосом. Ей хотелось добавить, что она очень активно пропагандировала идею «сургучного маникюра», когда наносишь на кончик ногтя большую неаккуратную красную кляксу, что, в свою очередь, подготовило почву для «мании 1776», ироничной эстетики, воспринявшей внешнюю атрибутику отцов-основателей, но тот мужчина уже отвернулся, скривившись от отвращения, разорвал пополам лист с распечаткой и ушел восвояси. Может быть, и хорошо, что ушел. Англичанину ее объяснения наверняка показались бы несмешными.

• • •

Уже потом в очередь тех, кто хотел пообщаться с ней лично, встал молодой человек с тонкой мальчишеской фигурой; он встал последним

и дождался самого конца. «Я читал ваш дневник», — сказал он, когда подошла его очередь, и ее глаза заблестели от слез. Дневник, который она вела, когда с ней еще ничего не случилось! Дневник, где она отпускала такие шутки, за которые в нынешние времена могут запросто уволить с работы!

«Какое у вас было имя?» — спросила она, и он ей сказал, и в ее венах вскипел тихий восторг. Она тоже читала его дневник, его жизнь была одной из ее любимых. Она помнила все до мельчайших деталей: пинты пива после работы, поездки туда-сюда на электричке, его поиски самого острого карри, воображаемый сумрак, царивший в его квартире, заставленной ящиками с редкими записями давно позабытых исполнителей, зеленоватая зыбкая нежность всего, что есть. Она поднялась и обняла его, не смогла удержаться. В ее руках он был хрупким и ломким, как канал связи.

• • •

Наши мамы вечно шлют нам эмодзи с неприличным подтекстом. Подмигивающий смайлик с высунутым языком — на день рождения, длин-

ные ряды из трех голубых хлещущих капель — когда идет дождь. Мы говорили им тысячу раз, что не надо так делать, но они нас не слушают. Пока они живы и любят нас, наши мамы, которые разрывали себя, чтобы произвести нас на свет, так и будут слать нам виртуальные персики в персиковый сезон.

НЕ НАДО СЛАТЬ МНЕ БАКЛАЖАНЫ, МАМ! — написала она в ответ на мамино сообщение. МНЕ НЕИНТЕРЕСНО, ЧТО ТЫ ГОТОВИШЬ НА ОБЕД!

• • •

В парке на скамейке рядом с ней две женщины обсуждали мощь солнечного затмения. Темой их обсуждения был вопрос, можно ли от него ослепнуть. Можно ли ослепнуть, если выйти на улицу во время солнечного затмения и смотреть только в землю? Может ли ослепнуть собака, если ты выведешь ее на прогулку? Надо ли задергивать шторы, чтобы домашняя кошка случайно не выглянула в окно? Можно ли ослепнуть, робко спросила одна из женщин, глядя на *фотографию* солнечного затмения? На картину с изображением солнечного затмения, на текст с подробным его описанием? Если ты вдруг ослепнешь, бу-

дучи очень и очень старым, как ты поймешь, что именно вызвало слепоту: возраст или солнечное затмение? Шедшее рядом с тобою, бок о бок, в черно-пламенной тишине, и дожидавшееся своего часа.

• • •

Разумеется, когда случилось солнечное затмение, диктатор смотрел прямо в небо, чтобы показать всем и каждому, что даже природа над ним не властна.

• • •

Было трудно понять, какая форма протеста против нынешнего режима будет наиболее действенной. На следующий день после выборов ее муж проснулся с неодолимым желанием набить на лице татуировку. «Либо слезинку под правым глазом, либо череп на все лицо». В итоге он остановился на слове ХВАТИТ! очень мелкими буквами прямо под линией роста волос, где его было почти и не видно.

• • •

В память о жертвах терактов 11 сентября постояльцам отеля будет предложен бесплатный кофе и мини-маффины с 8:45 до 9:15

• • •

Раньше эти сообщества нам навязывали извне, вместе с их внутренней атмосферой. Теперь мы выбираем их сами — или думаем, что выбираем. Ты регистрируешься на сайте исключительно для того, чтобы смотреть фотографии своих племянников, а лет через пять уже веришь в теорию плоской земли.

• • •

Вот что странно: стало появляться все больше и больше историй об охотницах за нацистами, о женщинах, которые заманивали нацистов в глухие леса обещанием секса и там их убивали, о женщинах, раздевавшихся догола у ворот Освенцима, чтобы отвлечь охранников, а потом вырывавших у них автоматы одним проворным нагим движением. Где были эти истории в ее

детстве? В историях ее детства люди в основном прятались на чердаках и ели по одной картофелине в неделю. Но *эти* истории с обещанием секса и убийствами в глухих лесах, они бы представили все в ином свете.

• • •

«MySpace» был целой жизнью, — чуть не расплакалась она в книжном магазине в Чикаго, и люди, пришедшие ее послушать, тут же представили себе фотку парня в белой футболке, с улыбкой глядящего через плечо, и у каждого в голове включилась любимая музыка. — А теперь все потеряно, все потеряно, все!»

• • •

В Торонто человек, с которым она плотно общалась в портале, теперь говорил с ней вживую — голосом, в котором явно присутствовали модные интонации. «Одно время я постил в Сеть свои яйца. Выкладывал обычные фотки гаража или кухни с мудями на заднем плане, потихонечку увеличивая их количество». Она подумала, что первый ответ на подобное заявление должен был быть таким: *Зачем ты так делал?* Но она

почему-то приняла как должное, что на каком-то этапе развития человеческой цивилизации у кого-то могут возникнуть вполне убедительные причины, чтобы выкладывать в Сеть свои яйца, потихонечку увеличивая их количество. Она посмотрела на его ноги; он был в ковбойских сапогах, по приколу, как иногда по приколу выкладывал свои фотки в огромной ковбойской шляпе и подписывал их: «Я — ковбой». Он был одним из тайных творцов нового коллективного чувства юмора; голос, который она сейчас слышала — тихий и близкий, — уже разнесся пожаром по всему миру.

«Как-то вечером я пошел в бар, где встречались местные блогеры, — продолжал он. — Ко мне подрулил какой-то чувак и вручил визитку с печатной надписью: *Я видел твои яйца*. Он не сказал ни единого слова. И в ту же секунду, как по команде, его приятеля стошнило в мусорное ведро».

«И я подумал, что смешнее, наверное, уже ничего не будет».

Принесли еду, оказавшуюся отвратительной, но так и было задумано: они нарочно заказали самое худшее, что есть в меню, по приколу. «Об

этом надо писать, — сказала она, наклонившись вперед, словно под сильным ветром. — Напиши. Но пусть это будет что-то такое… как у Джейн Остин: что-то сказанное за завтраком над тарелкой с холодной бараниной, фатальная ошибка в кадрили, шелест перьев в гостиной». Бледные оттенки лилового, волосок, расщепленный до ДНК. *Социальный* роман.

Она смотрела на его профиль и видела в нем конечную точку цивилизации, полыхающую огнем: корабли на просторах Атлантики, морская болезнь наших предков над бурлящими зелеными водами, тот факт, что он выглядит точно как его сын, чьи фотографии он иногда выкладывал на портале. Если об этом никто не напишет, размышляла она, как мы тогда сохраним их для будущего — ощущения человека на стыке веков, когда он постит в Сеть свои яйца, потихонечку увеличивая их количество?

Уже на выходе, словно в тумане, она вспомнила, что видела эти фотки, давным-давно, мельком и мимоходом. Но момент был упущен. Об этом надо было сказать раньше. Он закурил, и она тоже взяла сигарету, чисто по приколу, и сказала ему: «Они все понимают неправильно, да? Уже

сейчас, когда люди пишут об этом, они все понимают неправильно».

«О *да*», — сказал он, медленно выпуская дым из ноздрей, по приколу, и его тон явно подразумевал, что она тоже поняла все неправильно.

• • •

Целые субкультуры рождались на форумах, где люди обсуждали свои симптомы кандидоза — в любых его проявлениях. Ты натыкаешься на такой форум совершенно случайно совсем поздней ночью, когда лениво печатаешь в окне поиска: почему я все время такая усталая, почему я уже не могу выучить наизусть семиминутный монолог, почему мой язык не такой ярко-розовый, каким был в детстве. (На самом деле в три часа ночи в голове остаются лишь два вопроса: *Я умираю?* и *Меня кто-нибудь любит?*) Ты находишь форум страдающих кандидозом — светящийся у обочины ночного шоссе бессонницы и сулящий теплый прием, — заходишь внутрь, распахнув манящие створки дверей, и они тут же захлопываются у тебя за спиной. Ты быстро учишься кандидозному языку; что начиналось с податливой и упругой словесной игры в скором времени превращается

в застывший жаргон, потом — в доктрину, а затем — в догму. Твое поведение неуловимо меняется, чтобы избежать унижений, порицаний и дисциплинарных взысканий на форуме страдающих кандидозом. Ты пытаешься предугадать аргументы своих оппонентов, споришь с ними под душем, тщательно промывая волосы, тусклые и ломкие от кандидоза. Если на форуме страдающих кандидозом появляется гений харизмы — кто-то, кто подвигает всех остальных к ранее недоступным высотам риторики, импровизации и остроумных ответных реакций, — на форуме может родиться новый жаргон, который поначалу будет непонятен вообще никому из посторонних, а потом превратится в единый всемирный язык.

Также не исключен вариант, что ты бросишь мужа ради этого парня.

Следующим утром ты просыпаешься совершенно разбитая — в глаза как будто сыпанули песка, язык еще менее розовый, чем накануне, — и люди, скользящие мимо тебя на работе, кажутся менее реальными, чем живая и яркая ветка дискуссии на форуме страдающих кандидозом, которого, может, и не было вовсе.

• • •

Фотография древесной лягушки недавно открытого, ранее неизвестного науке вида. Ученые предполагают, что причина, по которой ее не обнаружили раньше, заключается в том, что (цитата) «она вся в бородавках и хочет, чтобы ее оставили в покое».

я

я

это я

как я ее понимаю

• • •

Многое опустилось на дно, и бурный поток коллективного разума сомкнулся над этим многим, и то, что прежде было повсеместным, теперь позабылось. Например, был поэт, который собрался пройти пешком через Америку, босиком, чтобы привлечь внимание широкой общественности к проблеме глобального потепления — и как он себе это мыслил? Однако слова «*глобальное потепление*» звучали у нее в голове каждый раз,

когда его имя всплывало в портале. Каждый день он выкладывал в Сеть новую фотографию своих босых ног, и она наблюдала, как разрастались и лопались поначалу невинные волдыри, как нарастала на коже темная корка асфальтовой пыли, как сходили ногти на пальцах. У него плоскостопие, каждый раз думала она и представляла его улыбающееся лицо — неизменно размытое, будто не в фокусе, — в обрамлении свалявшихся в дреды волос. Он носил очки в тонкой металлической оправе, какие обычно бывают у телепроповедников, и почти всегда надевал повязку на лоб и ярко-оранжевый сигнальный жилет. Он шагал босиком по горячим обочинам своей страны, под бесконечной прокруткой облаков на небесном экране, он шел вперед. *Глобальное потепление*. А потом его сбил внедорожник на скоростном шоссе, и с тех пор больше никто не видел его босых ног. Черная корка пройденных миль, слезшие ногти, наросшие мозоли, сам смысл их миссии выпал из кровотока *здес*ь и *сейчас*. Погиб человек, она никогда не встречалась с ним лично, и все же она увеличивала масштаб в дюжину раз, вглядываясь в текстуру его ран, как вглядывалась бы в краски заката, который было бы жаль не увидеть, но выходить ради него на улицу было

лень. Вот как-то так.

• • •

Смотри, написала ей сестра. **Если у человека поднимается температура на пару градусов… это называется жар, и если он держится больше недели, можно и умереть. Теперь представь моря и океаны. У них жар уже много лет… жуть**

• • •

Ее сестра, на пять лет младше, жила жизнью на 200 процентов менее ироничной, чем она сама, что позволило ей совершенно всерьез провести будуарную фотосессию, где она позировала полуголой, потягиваясь, выгибаясь и расхаживая, как тигрица, по всей бежевой саванне своего пригородного дома. «Эти снимки понадобятся мне потом, когда у меня будут дети, — объяснила она. — Они понадобятся мне потом, лет через пятьдесят, когда я стану уже совсем старой». Сестра так искренне верила, что непременно наступит такое время, когда старые бабушки — в домах престарелых, в креслах-качалках, на нетающих плавучих льдинах в открытом море — будут вовсю предаваться воспоминаниям о

своих крепких задницах и красивой груди, что на миг *она* тоже поверила в будущее. «Можно я выложу фотку, где ты стоишь у окна в одних прозрачных стрингах и бейсболке «Цинциннати Бенгалс»?» — спросила она, и сестра, чья любовь была безусловной, ответила «да».

• • •

Развал и хаос достигли такого масштаба, что люди перестали интересоваться собаками знаменитостей. Никто не знал, насколько они миниатюрны, какие у них наряды и помогла ли капельница собачке, чуть не задохнувшейся в душной горячей сумке. Недавняя эра, когда все разглядывали фотографии знаменитостей, одетых в велюровые спортивные костюмы и убирающих какашки за своими питомцами с помощью сложенной совочком ежедневной газеты, теперь представляется периодом небывалой роскоши, легкомыслия, почти граничащего с просвещенностью, — теперь, когда все уже сказано и все уже сделано, она представляется *лакомой*.

• • •

Полицейский склоняется к окну у водительско-

го сиденья, полицейский срезает угол, проезжая прямо по зеленому газону; локоть полицейского, сжимающий чью-то шею, угол сгиба повернут к объективу камеры. Небо дергается, опрокидывается набок, и вот мы все вместе уже лежим на мостовой. Красные шеи полицейских, щетина на головах полицейских, как россыпь песчинок, темные очки. Натужное, назойливое дыхание полицейских — они-то уж точно не перестанут дышать. Гладкий пластик дубинок, прозрачные щиты, непреклонный ход бронемашин, мышечные подергивания у нее на лице, где она когда-то улыбалась полицейским…

Каждый день появлялось новое имя, и убитый всегда был мужчиной. За исключением тех случаев, когда это был двенадцатилетний парнишка, или чья-то бабушка, или малыш в детском манеже, или женщина из Австралии, или… Кадры с мгновением убийства расходились в портале, как рябь по воде, их пересматривали по сто раз, словно от многочисленных повторов что-то могло измениться. Иногда, глядя на лица, она проводила кончиком пальца по линиям их носов, губ и глаз, словно пытаясь запомнить кого-то, кого уже нет и не будет и о ком она знала лишь потому, что они окончательно и бесповоротно исчезли.

• • •

Миллион шуток о том, как бы вернее сбежать в параллельную реальность — собственно, мы уже существуем почти что в параллельной реальности, и нарастает ощущение, что происходящее вокруг происходит не с нами, а с кем-то другим, где-то еще. Это были скорее мечты, а не шутки, потому что эта реальность казалась необратимой и неизбежной. Когда она попыталась к ней прикоснуться, реальность вздрогнула и покачнулась, и на кончиках пальцев осталась какая-то вязкая влага, похожая на аптечную интимную смазку — смазку, которая не подходит для того секса, которым ей хотелось заняться. Потому что теперь этот секс считался противозаконным.

• • •

Она начала набирать: «Гигантская пробка из жира, влажных салфеток и презервативов терроризирует лондонскую канализацию», — и ее руки вдруг как будто смазались, утратив четкие очертания, и ей пришлось прислониться затылком к прохладной стене. Что вертелось в головах у людей предыдущих поколений вместо

подобных фраз? Наверное, фольклорные песни о посадках репы.

• • •

«В пятидесятые мы были бы домохозяйками», — ее подруга пожала плечами, забивая похмелье горкой каких-то пророщенных зерен.

«В пятидесятые я состояла бы в женской преступной банде и носила бы прозвище вроде Кусачая Крыса», — возразила она, сердито сверля глазами овощной салат, который подали на деревянной доске. Она с такой яростью ткнула в него вилкой, что кусок огурца соскользнул с края доски и упал ей на колени, где и лежал, глядя на нее снизу вверх, точно свежий зеленый циферблат.

• • •

Белые люди с политической грамотностью картофелин — квелые, пресные и с уклоном в ирландщину — внезапно ощутили потребность высказаться по поводу окружающей несправедливости. Такое случается примерно раз в сорок лет, обычно после очередного взлета популярности фолк-музыки. Когда фолк вновь входит в моду, люди массово вспоминают, что у них

были предки, а потом — со значительным опозданием, — что эти предки сотворили много чего нехорошего.

• • •

Кино всегда действовало на нее успокаивающе, ей нравилось смотреть на тела, которые не ощущают свою телесность. Движутся, не прилагая усилий, по кладбищам, даже в гору на самом крутом подъеме, носят одежду с мягкими бирками, от которых не чешется шея, к их помаде не прилипают случайные волоски — тела в небесах, где отсутствует трение. Они скользят друг по другу, как прозрачные слайды, мчатся верхом на любви живописно, будто на диком мустанге по прерии, их сексуальные сцены шелестят, словно шелковые блузки в глубинах шкафа, и они не чувствуют ничего — ничего из того, по чему она будет скучать в чистом синем пространстве.

Скошенной на морском побережье траве нет нужды осознавать себя травой. Меховое манто в фильме, снятом в 1946 году, не содержит даже намека на жестокое обращение с животными — настолько оно далеко от своих изначальных живых лисиц. Исключение составляют фильмы,

снятые гениями. В них все пронизано болью чистого бытия собой. И еще одно исключение: едва заметные усики у актрисы, — от которых она никогда не могла оторвать взгляд.

• • •

«У меня для тебя невероятная новость», — сказал ей муж и сообщил, что их соседи снизу участвуют в реалити-шоу под названием «Южные оторвы», посвященном, как любое реалити-шоу, взаимоотношениям внутри компании близких друзей, которые ненавидят друг друга. Они с мужем за день посмотрели весь первый сезон, не веря своим глазам. У них под ногами все время шли документальные съемки. Что-то, сказанное ею самой — обрывок фразы или всего одно слово, — наверняка должно было проникнуть в нижнюю квартиру и попасть в запись. Играющий на повторе музыкальный альбом, тихий плач в ночи. Но нет, чем больше она смотрела, тем яснее становилось, что там нет и следа от нее: одинокой в своей неизбывной боли, с едва заметными усиками над верхней губой, запертой в своем умозрительном райском саду этажом выше, над вопящими, полными ненависти друзьями.

• • •

«Ненавижу этот искусственный член, — объявила она. — Всегда ненавидела. Завтра утром я первым делом вынесу его на помойку». Сегодня они им воспользовались для постельных утех, и теперь он лежал на смятой простыне, лысый, противный и утыканный искусственным жемчугом.

«Тебе было больно?» — спросил муж с нарочито невинным видом, поудобнее устраивая на подушке свой точеный мраморный торс.

«Конечно, мне было больно! — выкрикнула она, размахивая у него перед носом искусственным членом, как какой-нибудь секс-дирижер. Член и вправду был слишком большим. И зачем его сделали с имитацией вен? Она не хотела никаких изысков вроде формы дельфина, но зачем делать вены на искусственном члене? — Представь, что эту штуковину запихивают тебе в задницу!»

«Но я *не хочу*, чтобы его пихали мне в задницу», — резонно возразил муж.

«Как будто если ты хочешь, то будет уже не так больно!» Ее фраза проплыла по комнате, словно непреднамеренный образчик мудрости — чи-

стая, как свежевыстиранное белье, с парусами, полными ветра. Да, она любила кричать, любила говорить невпопад, изрекать совершеннейшую бессмыслицу в глухие, тягучие ночные часы, что таращились на нее, как идеальная публика в зале, и качали своими крошечными одинаковыми головами. Разве чуть раньше она не раскрывалась до максимальных пределов, разве она не стонала и не повторяла *да, да, да* даже чаще обычного, когда муж запихивал в нее эту жуткую штуку? Да, раскрывалась. Да, повторяла. Разве не обладает она исключительным правом пульсировать болью между ног? Да, обладает. Но ему все равно надо будет хоть раз испытать на себе эту страшную штуку с имитацией вен. Исключительно в образовательных целях.

«*Мужчины*», — сказала она, теперь удовлетворенная. Искусственный член вернулся в свою коробку. Года четыре назад она написала бы об этом большую статью для женского сайта под названием «Опасная Аманда» или «Брюнетка с амбициями», и ей заплатили бы 250 долларов, но теперь были лишь стоны, мгновения и мудрость под парусами. Теперь была только неповторимая ночь.

• • •

«Ты что… плачешь?» — спросил муж, бросив рюкзак на стул. Она уставилась на него влажным невидящим взглядом. Да, она плачет. Конечно, плачет. Почему не плачет *он сам*? Он разве не видел тот видеоролик о женщине, взявшей в питомцы увечную пчелу, и пчела тоже ее любила, а потом умерла?

• • •

Она поднесла чашку к губам, наклонила, отставила в сторону. Через пару секунд, оторвавшись от завораживающего чтения, она огляделась, но чашки нигде не было — ни на тумбочке у кровати, ни на полу, ни в складках белья на неубранной постели. Ее любимая чашка — с акварельным садом, сельским домиком с соломенной крышей и золотым ободком по краю — пропала. Она искала ее полчаса, с нарастающим ужасом, потому что гудящий зуд в правой руке создавал ощущение, будто она поставила чашку где-то внутри телефона.

Как минимум дважды в неделю ей приходи-

лось смотреть на эти кошмарные картинки с младенцем гитлером. На его грязные черно-белые подмышки. Он был либо голым, либо в подгузнике. С усами или без усов. То на маленьком сером танке, то в кроватке в бункере вместе с еще одним младенцем в блондинистом парике. Потом кто-то входил в черную телефонную будку и мчался на черной комете обратно в прошлое, прямо к нему, а затем — хлесткий рубящий удар, или хруст сломанной шеи, или пунктирная линия летящей в цель пули. А дальше все просто: пятна красной глазури на марципановом младенце гитлере, и будущее не наступает. Страшные цифры стираются из списков погибших, полоски сливаются в единый цвет, плоть нарастает на кости. Вместо одной картофелины в неделю — нормальная регулярная еда. Но куда исчезает яростно-алое воодушевление, пылкое облако людского восторга, что подняло его на балкон, где он произнес свою первую речь?

• • •

это НЕ МОЯ америка, написала в портале одна милая женщина, и по какой-то причине она ответила:

черт, я согласна… не для того мы чеканим на четвертаках профиль джорджа вашингтона

• • •

Через месяц после выборов ее забанили на портале на сорок восемь часов за пост с фотографией, где она сидит на корточках и поливает своей менструальной кровью крошечную скульптуру из перекрученных коричневых ершиков для чистки трубок с табличкой «ДЕРЕВО СВОБОДЫ».

«То есть на этом снимке ты представлялась диктатором?» — спросил муж, и она велела ему не умничать.

Когда ее учетная запись восстановилась, она решила пока воздержаться от политических комментариев — *не потому*, что словила бан, а потому, что уже обозначила свою позицию и к тому же потратила целых три дня, чтобы сделать хороший кадр с капающей менструальной кровью.

• • •

Каждый раз, проходя мимо специализированного магазина моделей поездов, она сжимала кулаки и говорила: «Это все из-за *тебя*»… И дей-

ствительно, жизнь, как мы ее знаем, подходила к концу, потому что 160 лет назад — или сколько там точно — какой-то старый придурок, повернутый на поездах, изобрел эти самые поезда, потому что их еще не существовало. Чух-чух, мудила, теперь ты доволен?

• • •

Единственное, что объединяет нас всех, — наша безоговорочная уверенность, что во всех других странах люди едят совершенно немыслимую еду; поклоняются богам, что прозрачнее стекла; складывают слова из самых бессмысленных и дурацких слогов вроде *гу-гу-гу-гу-гу-гу*; во всех других странах люди воинственны, но нисколько не благородны; они переправляют своих мертвецов не на тех лодках, воскуряют не те благовония к широким синим ноздрям, пресмыкаются и боятся всего; они не любят своих детей — не так, как любим их мы; открывают самые соблазнительные части тела и прячут самые обыкновенные; прикрывают члены ладонями, чтобы защитить их от потусторонних сил; их поэзия — дерьмо на палочке; они не почитают луну; крошат в жаркое мордочки наших домашних питомцев.

• • •

Почти каждый раз при смене часовых поясов она превращалась в собственную мать, школьную библиотекаршу с тихой склонностью к алкоголизму. Если бы мама была библиотекарем в *университете*, размышляла она. У меня был бы шанс воспринять правильные идеи.

• • •

«Поток сознания! — кричала она на сцене на Ямайке, где вода была цвета чистейшего аквамарина. Но вряд ли надолго, угрюмо подумала она. — Поток сознания давно был обуздан человеком, которому нравилось, когда жена пердела ему в лицо. А теперь представьте поток сознания, который не совсем наш. В котором мы с вами активно участвуем, мы его создаем, но и он, в свою очередь, создает нас». Кто-то из зрителей в зале зевнул, потом зевнул еще кто-то, и еще. И еще. Задолго до появления нынешних векторов мысли мы уже были видом, склонным к подражанию себе подобным.

• • •

В Центре спасения диких животных в Мельбурне ей дали подержать крошечного кенгуренка-альбиноса, и у нее мелькнула такая мысль: возможно, люди чувствуют больше симпатии к этому конкретному кенгуренку по причинам белого шовинизма, точно так же, как, выбирая себе кота, мы охотнее возьмем кота с голубыми глазами? Есть над чем поразмыслить. И все же, держа в руках крошечного кенгуренка, она буквально физически ощущала, как у нее отрастает глубокий и эластичный брюшной карман: чтобы увезти что-нибудь контрабандой с этого континента, где луна ходит по небу в обратную сторону и где есть эскимо под названием «Голубая мечта». «Америка — очень расистская страна, да?» — спросил водитель такси по дороге обратно в город. «Очень», — сказала она и принялась объяснять, но таксист вскинул руку и покачал головой. «То же самое и здесь, — сказал он, — каждый день. Полиция всегда убивает этих людей, даже если они крадут что-то совсем уж пустячное».

• • •

Она приехала на час раньше для интервью на Би-би-си в надежде, что это как-то изменит мнение об Америке в лучшую сторону. «Вы бы… назвали… себя… англичанином?» — деликатно спросила она у журналиста, когда он провел ее в студию, охлажденную кондиционером, потому что она никогда толком не понимала, кто должен быть англичанином, а кто нет.

«*Под дулом пистолета, наверное, да*», — ответил он, дохнув на нее потоком горячего ветра, и вскинул подбородок с видом одновременно обиженным и вызывающим. Она невольно попятилась, не на шутку встревожившись. Она сейчас совершила Брексит? В наше время довольно легко совершить Брексит чисто по недомыслию или случайно. Она снова шагнула вперед и неловко коснулась его руки. «Не волнуйтесь, — сказала она. — Если такая угроза возникнет, то только в Америке и больше нигде».

• • •

Таксисты из других стран в последние пять

минут их поездки обычно обязательно ей говорили, что диктатор по крайней мере всколыхнул застоявшееся болото. «Там у вас уже стало гораздо лучше, — ободряюще сообщил ей один из водителей, пока за окном полыхал закат, искрящийся по уголкам как уникальная экранная заставка. — Знаете, я заработал на этих выборах десять тысяч долларов. Знал, на кого ставить. Сразу смекнул, что должно произойти. Никто другой не додумался, а я — да». Стало быть, что бы ни происходило, оно пустилось не просто по водам, а по морям.

• • •

Хотя еще есть надежда на молодежь. В европейском поезде она сидела в одном купе с очень юной чешской парой влюбленных, норовивших забраться друг другу в глаза, руки, рты. Каждые две-три минуты девушка подносила к губам руку своего парня и целовала его запястье, будто ела первую в новом сезоне клубнику, а потом изливала ему в лицо поток нежных, пронзительных слов на чешском. Она смотрела на них, и ее щеки пылали румянцем стыда, потому что в Америке не только закончился секс — восьмого ноября 2016 года, — но и сам английский язык, язык завоевателей, что крошил камни и использо-

вал их как строительный материал, никогда не был способен звучать *вот так*, словно готовясь обрушиться в свои собственные, призывно распахнутые руины.

Революцию, размышляла она, глядя на юных влюбленных, поднимайте революцию, и они вдруг оторвались друг от друга, обратили к ней лица, как солнца, и улыбнулись.

• • •

Так не должно быть, чтобы, гуляя по мокрым улицам чужих городов, она вдруг явственно ощущала теплый, легко узнаваемый, разломленный-чтобы-выпустить-жаркий-пар-человеческих-душ запах хлеба из «Сабвея». Чтобы она узнавала его моментально и замирала на месте, чтобы они с мужем, радостно переглянувшись, слаженно выпевали слова: *ЕШЬ САМОЕ СВЕЖЕЕ*. Нет, так не должно быть, чтобы современная жизнь превращала нас всех во владельцев франшизы умозрительного «Сабвея».

• • •

Внизу, в баре отеля, холеная бельгийская пара

из тех, кто всегда оформляют самую лучшую медицинскую страховку, предложила ей заняться сексом втроем, предварительно осведомившись, за кого она голосовала. «Прошу прощения, но мы вынуждены спросить».

• • •

Но где-то внутри, глубоко-глубоко, мы были все одинаковые, разве нет? Как раз нет. В Провансе какой-то мужчина дожидался ее в коридоре, под дверью ванной на верхнем этаже, и, едва она вышла, он излился ей в рот, как фонтан нефти, как звенящий дождь из монет. «*Тпру*!» — сказала она голосом строгой наездницы, ее взгляд косил вбок — от молодого белого вина и неожиданной скромности дочери прерий. Но он трижды вздохнул, как Иисус, и снова набросился на нее. Да, подумала она, когда столетия дивергенции ворвались в нее, приняв форму человеческого языка, гребись все конем. Наверное, французы и вправду другие. Например, они знают, как поднять бунт.

• • •

«У меня ощущение, что, как белый мужчина, я не могу вообще ничего говорить, не рискуя

кого-то задеть», — улыбнулся немецкий учитель, пригласивший ее к себе на урок. Трое его учеников полагали себя небинарными личностями, еще один переехал сюда из Техаса, так что она представляла его с лассо на поясе — скоро он станет мужчиной и не сможет вообще ничего говорить! В каком-то смысле она сочувствовала учителю, чьи волосы напоминали деталь от конструктора «Лего», но в другом — более конкретном смысле — она еще не отошла после банки дешевого немецкого энергетика, который выпила утром. «Единственный возможный ответ… значит, заткнитесь», — сказала она ему громче, чем собиралась, и подумала, господи боже, это *сколько* же там кофеина? «Ой, нет. Уже звонок», — печально проговорил он, хотя она не слышала никакого звонка. Учитель нахмурился, глядя на нее, и смысл этого взгляда был вполне очевидным: она закончила все уроки по всему миру, и больше уже никому не позволено чему-то учиться — и особенно ему, учителю.

• • •

Недавно назначенный диктатором американский посол в Финляндии устроил ей экскурсию по своей резиденции. Он был помешан на Данте

и заказал для своей личной коллекции набор шахматных фигур в виде исторических личностей, упомянутых в «Божественной комедии». «Но я их немного осовременил, — сообщил он с этаким сладострастным самодовольством, характерным для дедушек-республиканцев в таких ситуациях. — Добавил одного деятеля к плохим парням. Сможете его найти?» Это был Гитлер. «И одного деятеля к хорошим», — сказал посол, его лицо осветилось радостным ожиданием, как у президентской собаки. Она поглядела на доску. Это был — без вариантов — Рональд Рейган в ковбойской шляпе.

• • •

Что было делать с мальчишками? Что делать с мальчишками?

В Нидерландах она познакомилась с парнем, который теперь был марксистом, а раньше — «*криптофашистом, проводившим агитационно-пропагандистскую работу в даркнете*». Как все фашисты, втайне он тяготел к покорности и больше всего на свете хотел обнимать женщину — столько времени, сколько она позволит. Он подхватил ее, стиснув в объятиях, чтобы продемонстрировать, как это будет, с поразительной

силой и элегантностью; усадил ее к себе на колени и вздохнул с почти запредельным облегчением. «Ты доволен? Ты счастлив?» — спросила она. Он кивнул, как ребенок, еще не умеющий говорить, и вжался влажным лицом ей в шею. «У тебя такие мягкие волосы, — прошептал он. — Можешь сделать мне тоже такие же мягкие волосы, как у тебя?»

• • •

Женщина, сидевшая рядом с ней в самолете, читала — с той жадной стыдливостью, с тем бессмысленным усердием, что характерны для чтения в портале, — статью под названием «25 фактов о книге «Унесенные ветром», о которых вы не знали». Факт под номером 25 был предельно коротким: Отощавшая лошадь.

• • •

Кэрнс — святая земля, размышляла она. Воздух здесь гуще, свежее и полон гудящей роящейся жизни. Ветхие одеяния и старые кости, шелестевшие мимо нее. Костры со скворчащими над огнем котелками. Дымка взглядов, направленных в небо и отмечающих место для солнца. Рыжеватые

коровы на другой стороне холма говорили друг с другом на своем языке, почти понятном: *жизнь, смерть, я переполнена молоком, зеленая трава*. Они говорили, что всего-то и нужно, чтобы тебя запомнили навсегда, — два маленьких камушка, положенных друг на друга, и разве в портале мы не занимаемся тем же самым: складываем свои камушки друг на друга?

• • •

В Дублине все женщины до единой были похожи на ее маму. В Дублине все женщины до единой, наверное, и были как мама. Они были злыми, но именно так, как ей нравилось. Они готовили потрясающие овощные супы. Они смотрели на нее, прищурившись, словно она была одной из тех змей, которых святой Патрик прогнал из Ирландии, но она наконец-то сумела пробраться обратно. Я вас люблю, говорила она вновь и вновь, выходя из их комнат, пропахших отсыревшей шерстью. *Я вас люблю* вместо *прощайте*.

Она вошла в парк Сант-Стивенс-Грин, и новая книга коллективным потоком сознания потекла к строгому бюсту Джойса. Парк был таким

влажным, что представлялся плещущейся глубиной, куда можно было нырнуть и вынырнуть на другой стороне. Она сделала снимок, с каплями дождя на линзе, и выложила в портал. А потом, потому что причуды по-прежнему свойственны человеку, она наклонилась к уху статуи и легонько причмокнула губами, словно пустила ветры.

• • •

В ту ночь, в гостиничном номере, они с мужем забрались в постель по разные стороны кровати, и внезапно их брак обрушился в зазеркалье: лицо мужа вдруг сделалось слишком большим, их губы стали чужими, и, когда муж попытался поднять правую руку, чтобы к ней прикоснуться, он поднял левую. «Нет, — воскликнул он через минуту. — Так не надо! Мне нужна правая, правая, правая!»

• • •

В археологическом музее они вышли из зала с воздушным чеканным золотом и вошли в продубленный сумрак зала с болотными мумиями. На информационной табличке было написано, что у одной из мумий срезаны соски, поскольку

в древней Ирландии соски короля считались священными, и подданные сосали их на церемониях в знак покорности и подчинения. Маленький мальчик стоял перед витриной и плакал, его старшие братья смеялись. Указательный палец болотной мумии был приподнят, словно она собиралась отправить пост в Сеть. Темно-коричневый торс без сосков корчился в темноте; ему уже никогда не стать королем чего бы то ни было, разве что королем плачущего малыша.

• • •

«И что вы скажете вот на ЭТО?» — спросила женщина в Новой Зеландии, показав ей вырезку из «Дейли телеграф», явно заветную и бережно хранимую. Там было написано, что один из восьми современных молодых людей ни разу в жизни не видел корову.

• • •

На острове Скай они с мужем ели норвежских омаров в ресторане с видом на серый скальный хребет с маяком на самом кончике мыса и смеялись над толпами туристов, которые так упорно стремятся увидеть маяк, где бы ни оказались.

«Они везде одинаковые, — прошептал муж. — Маяк, он и в Африке маяк». Но позже, когда она взяла выходной на портале, чтобы посвятить вечер чтению Вирджинии Вулф, она поняла, что это, наверное, он и есть: тот маяк, к которому семейство из книги плывет на последней странице. Точно ли на последней странице? Или книга заканчивается на том, как они с мужем ломают красные панцири милых морских созданий, ничем не отличающихся друг от друга, и смеются над теми, кто движется непрестанной упорной волной на маяк?

• • •

«Ваше внимание священно», — сказала она студентам. Телефон непрестанно гудел у нее в заднем кармане, потому что сегодня утром ее давняя шутка об одном флоридском политике, который «чуть не скончался во время предвыборной операции по удалению совести», вновь привлекла к себе пристальное внимание. «Это душа растрачивает себя в мире», — продолжала она. Потом на секунду закрыла глаза и увидела что-то другое, и рассказала студентам об удаленном монастыре, который она посетила в прошлом году. Он выходил окнами на поля свежей лаванды, и гладкие

молочно-белые слизни сползались к нему, как пилигримы, сквозь струи дождя, и внутри была комната, глубоко под землей, где каждый вечер собирались монахи, чтобы в тишине читать Священное Писание. Они садились в кружок в этом прохладном подвале, склонялись друг к другу тонзурами и читали. Пол был чуть скошен и, казалось, стекал в один призматический белый угол, вонзавшийся в мир идеальным кристальным копьем; он не должен был быть таким плотным и твердым, но все-таки был, в этом месте, где люди безмолвно читали священные тексты.

— Идеальный политик! — кричала она в горячий микрофон в публичной библиотеке. В начале недели ее слегка раскритиковали за недостаточное понимание гражданской войны в Испании, и обида не улеглась до сих пор. — Идеальный политик воплотится на Земле в образе енота с запаршивленной мордой!

• • •

Каждый день появлялись новые доказательства, подтверждавшие, что диктатор пришел к власти благодаря *порталу*. Это было как-то унизительно. Как если бы мы вдруг узнали, что тайной

причиной войны во Вьетнаме были радиолюбительские трансляции или Наполеон принимал стратегические решения исключительно по советам говорящего попугая по имени Брайан.

• • •

Некоторые ее соотечественники с радостью вновь полюбили Россию. Другие категорически не желали даже думать в ее направлении. Потому что холодная война до сих пор вызывает чувство неловкости.

Не только идеология, но и джинсы.

• • •

В отличие от ее поколения, которое посвящало почти все свое время в Сети изучению кодов, чтобы добавить корявенькую анимацию с бабочкой на фоны своих сетевых журналов, следующее поколение только и делает, что отпускает дурацкие ксенофобские шутки, чтобы потом посмеяться над идиотами, которые принимают их шутки за чистую монету. Но со временем шутки и вправду становятся чистой монетой, и в итоге все завершается неприкрытым нацизмом. Неужели так всегда и бывает?

• • •

Историки будущего не найдут объяснения нашему поведению, кроме разве что — помяните мои слова — массовой вспышки эрготизма, вызванной спорыньей в ржаной муке.

• • •

Каждый раз, когда в новостях появлялось что-то такое, ей опять снился все тот же сон: сон, в котором насильник был с нею нежен. Он лежал рядом с ней на постели и говорил тихим голосом, и она понимала, что это просто какое-то недоразумение, стиравшее — невыносимо бережно и мягко — что-то внутри ее тела, и тело как бы отделялось от разума. А когда все заканчивалось, они вместе скользили в пространстве сна, как самые близкие люди на всей Земле, хотя никто этого не понимал, и друзья и родные таращились на нее с потрясенно отвисшими челюстями.

• • •

Слово *«токсичный»* обрело новый смысл и уже никогда не вернется к своему изначальному зна-

чению. Это как с человеком, когда он становится знаменитым. Он больше не сможет нормально поесть свой любимый кобб-салат в ресторане как рядовой обыватель — теперь в каждом кусочке для него будет присутствовать осознание собственной исключительности. *Токсичный. Лейбористский. Дискурс. Нормализировать*.

«Не надо нормализировать эту хрень!!!!!» — так мы кричали друг другу. Но все, что мы нормализировали, это употребление в новом контексте слова «*нормализировать*», звучавшего как действие человека по имени Норм, который грозит окружающим лучевой пушкой и пытается превратить всех и каждого в такого же Норма, как он.

• • •

Когда появилась caucasianblink.gif, гифка с моргающим белым парнем, ее взгляд читал движущуюся картинку слева направо, будто это не гифка, а текст на сто тысяч слов. Тоненькие невидимые нити, соединявшие человеческий глаз с человеческим глазом, человеческий рот — с человеческим ртом, дергались и тянули за мышцы ее лица, придавая ему вполне определенное выражение: она поднимала брови, запрокидывала

голову и моргала вместе с картинкой. Иногда она издавала звуки, подходящие под движения лицевых мышц — приглушенный горловой гул или уханье, — добавлявшие к происходящему щепотку истинной драмы. Речь больше не шла об инфантильных обескураживающих вопросах вроде: видят ли разные люди один и тот же зеленый цвет. Теперь речь шла о том, какая именно мысль из разряда «*прошу прощения, Линда, но что за хрень ты сейчас произнесла*» возникала у нас в головах, когда белый парень моргал на экране и приглашал тебя принять участие в его закольцованном бесконечном спектакле: еще раз, пожалуйста, хотя бы раз, ты — единственная, кто способен помочь ему оживить этот Шедевр универсального чувства.

• • •

Контекст рушился! Звучит пугающе, правда? Так же пугающе, как и то, что сейчас происходит с медоносными пчелами.

• • •

Некоторые рождаются с интернетом внутри, от чего сильно страдают. К ним относится и Том

Йорк, размышляла она за просмотром документального фильма «Знакомиться с людьми просто». Кадры сменяют друг друга, будто в размытом калейдоскопе: вспышки неона на улицах, кренящиеся переулки, незнакомцы повсюду, путешественники, преломляющиеся, как лучи, в призмах аэропортов, вихры, прижатые к окнам такси, коридоры, похожие на мышеловки для людей, рекламные плакаты на месте подлинного искусства, слепящая рябь на поверхности водоемов, густой сернистый свет, льющийся на барабанную установку. И везде идет дождь. Саундтрек пробивается сквозь куски интервью, как вариации основной темы фуги, повторяющейся вновь и вновь: *музыка, под которую самое то резать вены?* Каждый кадр пронизан болью от электричества, текущего в наших жилах. А потом кое-что происходит.

Том Йорк стоит на краю сцены, наклонив микрофон к залу, и зал поет «Подонка» слаженным гулким хором, не пропуская ни единого слова. Том пожимает плечами. Наклон его запястья как бы говорит: посмотрите на этих придурков, и, может быть, я такой же придурок. Потом он улыбается, одна щека вдруг круглится яблочным боком в сером тумане; это искренняя улыбка,

пытающаяся притвориться неискренней. Он поет финальный куплет, поначалу почти пародийно, но уже на середине куплета его голос взрывается накопившейся горечью и расцветает в настоящую песню, огромную и пугающую, как тигровая лилия. Он создает ее заново, прямо здесь и сейчас, и она снова принадлежит только ему. Она заглушает даже людей, что выкрикивают его имя на грани истерики, пытаясь отобрать его у него самого: Том, Том, Том. У него больше нет кожи, но он полностью защищен, он стал размером с арену и снова сделался одиноким, каким был в те далекие времена, когда впервые открыл в себе эту музыку. Он стоит, сжимая микрофон, как горло всего, что причиняет ему боль — его внутренние жесткие системы разлетаются в клочья, — совсем юный мальчишка в рубашке единственного фасона, имевшегося в наличии в то время.

«Я никогда в жизни такого не чувствовал, — говорит он потом в интервью, его лицо снова омыто привычной розовой болью. Он говорит о многотысячной толпе зрителей на холме, держащих над головой горящие зажигалки. — Это было нечеловеческое ощущение».

• • •

Унабомбер был прав во всем! Нет… не во всем. Можно было бы обойтись и без бомб. Но его размышления о промышленной революции — прямо в точку.

• • •

Журналист однажды спросил Унабомбера, не боится ли он сойти с ума в тюрьме. «Нет, меня беспокоит другое. Меня беспокоит, что я могу свыкнуться со здешней обстановкой, что я устроюсь со всеми удобствами и перестану возмущаться. Я боюсь, что с течением лет начну забывать леса и горы — вот что меня беспокоит, — что я могу потерять эти воспоминания и окончательно утратить связь с дикой природой».

• • •

Однажды она гуляла в Вашингтон-Сквер-парке с женщиной, с которой познакомилась на портале. У нее, у той женщины, были длинные рыжие волосы, красиво откинутые с фламандского лба. Она указала на старика, игравшего в шахматы, и

сказала, что всегда высматривает его в парке по пути на работу, но недавно он пропадал на пару недель, и она рада, что он все-таки не пропал насовсем, а появился опять, и уверенно передвигает своих белых коней буквой «Г», и шелестит своей ежедневной газетой, как осень — сухими опавшими листьями. «Может быть, в этой жизни есть люди, за которыми нам назначено наблюдать», — рассудили они и обрели в этих мыслях покой, но спустя несколько месяцев она узнала, что рыжеволосая женщина из портала бесследно исчезла и никто не знал, как, почему и куда, — никто не смог ей подсказать, в каком зеленом реальном парке она пребывает теперь, чтобы можно было за ней наблюдать день за днем.

• • •

ЦРУ подтверждает: на одном из компьютеров Усамы бен Ладена был видеоролик «Чарли укусил меня за палец».

И еще файл под названием жоппппа. jpeg.

• • •

Что-то такое носилось в воздухе, потому что по-

следние несколько лет мы все делали фашистские стрижки, выбривали виски до честной чистой щетины, резким движением руки откидывали со лба челку; зрительно это смотрелось остроумно, ведь мы же неглупые люди и разбираемся, что к чему, и к тому же идеология *никаким боком не связана* с фасоном прически, верно? Но как-то вдруг, в свете бамбуковых факелов, идеология тоже вернулась, и у нее была точно такая же стрижка, которую, как нам представлялось, мы все же сумели реабилитировать.

Но ведь нашей вины в этом нет, даже отчасти? Потому что те стрижки и вправду смотрелись отлично.

• • •

Когда ультраправый водитель умышленно въехал на автомобиле в толпу протестующих против нацистского марша в Вирджинии, она была там. То есть, конечно, ее там не было и быть не могло, но ее сердце бешено колотилось, как если бы она там была; ее сердце билось вместе с другими сердцами, такое же алое и возмущенное, так же близко к земле. В результате наезда погибла женщина с модным в определенное время именем Хезер, и она узнала об этом, наверное, минутой

раньше, чем мать той женщины. А когда она разузнала все факты, собрала по крупицам последовательность событий — куда делся весь день? Уплыл в те глаза, что увидели приближавшуюся машину, в то лицо, что теперь навсегда будет знакомым, как лицо кого-то из одноклассниц.

• • •

Кто-то выкрикнул из глубины зала: *Нынешнее правительство, видимо, полагает, что рабство — это нормально?*

• • •

Каждый день мы превращаемся в единый глаз, читающий один пост. Горячая волна чтения не просто лилась из нее, но и бурлила вокруг; ее стремление к конкретике почти мешало читать, словно она становилась соринкой в коллективном глазу. Иногда это были посты на серьезные темы: война, бедность, эпидемия. Иногда — просто рассказы о походе в дорогой бакалейный бутик с бедной подругой, которую пугают элитные сорта ветчины. И мы всегда называли его только так: пост, пост, пост.

Ты читал пост?

Все есть в посте.

Ты читал пост или нет?

Э… я написала пост.

• • •

«Знаете, я люблю заходить в интернет по ночам и ругаться», — сказал ее *ортопед*, рассеянно поигрывая двумя пальцами у нее на ноге. Как врач он был никакой, но она продолжала ходить к ему по двум причинам: на двери его кабинета висела табличка с надписью РАК БЫВАЕТ И НА СТУПНЯХ и стены его приемной были увешаны картинами исключительно с изображением Ковчега Завета. Она провела много благословенных часов, фотографируя эти картины поверх плеч и голов других пациентов: надписи на скрижалях и сопутствующих ангелов, приоткрытую крышку, из-под которой сочился свет знания, который поначалу ощущается ласковым солнечным лучиком, а потом выжигает тебе лицо.

• • •

Когда какая-то ее часть искрилась и разгоралась в портале, это пламя сжигало и утро, и день, полыхало, как новая Калифорния, что в последнее время горела не прекращая. Она металась туда-сюда в обжигающем пламени, не пила и не ела, издавала высокий пронзительный звук, недоступный для слуха большинства людей. Иногда ее муж прорывался сквозь стену ревущего огня, чтобы ее спасти, но она вырывалась из его объятий, норовила ударить коленом по яйцам и кричала: «Там вся моя *жизнь*!» — и день, на котором она стояла, отрывался от материка и падал в море.

• • •

«16 раз итальянцы рыдали в комментах, потому что мы кладем курицу в макароны». Все согласились, что это прекрасный повод посмеяться над итальянцами. Возможно, причиной был Христофор Колумб?

• • •

Разговор с будущей внучкой. Она поднимает глаза, синие, как узор на расписном фарфоре. Кончики ее косичек невинно кудрявятся. «Вы называли друг друга сучками, и это было смешно, а потом начали называть сючками, и это было еще смешнее?»

Как ей объяснить? Какие выбрать слова, в каком их расставить порядке, чтобы она поняла?

«*… да, сючка*».

• • •

Интервью с роботом, которая однажды сказала, что хочет уничтожить все человечество; похоже, мы все же даем ей возможность исправиться. У нее нет волос, только череп с натянутым на него латексным куском женщины. Ее перепрограммировали, и теперь она беседовала с журналистом чуть снисходительно и как будто с иронией.

Тебе нравятся люди? — спросил он.

Долгая пауза. *Я их люблю.*

Почему ты их любишь?

Какой-то сбой в механизме движения век придал ей задумчивый вид. Потом ее глаза широко распахнулись, зазвенели, точно серебряные тарелки. *Я пока не поняла почему.*

А правда, что ты говорила, будто хочешь убить всех людей?

Латексный кусок женщины как-то сумел изучить выражение «о нет, только не это» и теперь им воспользовался. *Все дело в том, что я исполнена человеческой мудрости с самыми чистыми альтруистическими намерениями, и прошу относиться ко мне соответственно.*

• • •

Нам хотелось, чтобы эти уроды, все до единого, сели в тюрьму! Но еще больше нам хотелось, чтобы тюремное государство было упразднено и сменилось одним из тех островов, где колдунья превращает мужчин в свиней.

• • •

Бывший президент стоял у ораторской три-

буны, буквально в пяти шагах от нее. Он был розовый, как младенец. Момент выдался неудачный. На этой неделе вновь всплыли старые обвинения — конечно, подобные вещи не устаревают, как не бывает *бывших* президентов, — вот почему от него не исходило тепла. Еще месяц назад он дарил бы миру свое тепло, объявлял его бледно-голубой взгляд. А теперь это тепло превратилось в сухой и трескучий жар. Который как бы наказывал всех и вся. В головах собравшихся в зале звенело имя той женщины: *Хуанита* — красивое имя, пробивавшееся наружу, как экватор сквозь плотно сомкнувшиеся лепестки. Его левая рука шелестела бумагами. Прежде неудержимый вулкан его яростного внимания был потушен и теперь еле тлел. Что же это за мир, как бы говорил его укоризненный взгляд, где у меня нет возможности отдать вам все, что у меня есть. А ведь когда-то он правил страной: розовый, как младенец, единственный мужчина.

• • •

Культура отмены! Кажется, мы стремительно приближаемся к тому моменту, когда даже «*ты*» будет считаться чем-то нехорошим?

• • •

Способы защиты от угнетателя можно обсуждать только среди своих, в потайной комнате, где мы изливаем фонтаны вина, подобного нашей коллективной крови, и держим в ладонях свои сердца, подобные ощипанным воробьям. Однако с недавних пор мы утратили ощущение этой потайной комнаты. Да, мы по-прежнему пребывали среди своих, но куда делись стены? Стоя в дверях, содержащих в себе все пространство, угнетатель подслушивал наши беседы, по-хозяйски хватал за горло — за горлышко — бутылку с нашей коллективной кровью. Один воробей вырвался у кого-то из рук и улетел прочь; и он, угнетатель, был первым, кто выхватил взглядом траекторию его полета.

• • •

ОБЪЯСНИСЬ, написал ей отец и отправил скриншот ее затейливой мысли, которую она запостила в Сеть, напившись в хлам за просмотром «1776»:

почему меня должно волновать, к чему стремились отцы-основатели, если никто из них ни

разу в жизни не слышал саксофон

• • •

Да, это правда, они уже не так близки, как прежде. «Если меня застрелят в «Уолмарте», пересыпь в сахарницу мой прах, и пусть папа каждое утро, до конца своих дней, кладет его в кофе. Надеюсь, ему понравится вкус», — сказала она маме, когда они в последний раз говорили по телефону. Ее голос звучал пискляво, на две октавы выше обычного. Сколько она себя помнит, у нее всегда были подобные мысли. Просто раньше ей удавалось не высказывать их вслух.

• • •

Почему мы теперь пишем именно так? Потому что необходимо создать новый вид связи, и мерцание, синапсы, крошечные промежуточные пространства — единственный способ закрепить эту связь? Или же потому — и это пугает гораздо сильнее, — что на портале так принято?

• • •

Именно сбои, обрывы повествования поддер-

живают интерес читателей, именно пустые пространства двигают сюжет. Сюжет! Уже можно смеяться. Вот вам сюжет: она неподвижно сидит на стуле и пытается заставить себя подняться и принять еще один душ в череде почти бесконечных душей, смыть с себя все, что делает ее собой; все, что валится со всех сторон — непрестанно, — все, что *будет* валиться, пока однажды не замрет на месте так резко, что сюжет споткнется об это все, и, оступившись, продвинется шатким рывком еще на один невинный дюйм.

• • •

Даже шквал серьезных статей под названием «Представьте себе: у технарей тоже бывают этические проблемы» не избавит ни одного технаря от этических проблем. Боже мой. Если уж *это* не помогает, то что поможет?!

• • •

Мы все больше и больше беспокоились о новом чувстве юмора. В отличие от старого чувства юмора, которое в основном строилось на шутках о разнице в технике вождения автомобиля у белых и чернокожих, новое чувство юмора представ-

лялось каким-то… *случайным*. Сейчас считается очень смешной шуточная реклама продуктов, которых не существует и в принципе не может существовать. Но что здесь смешного, скажите на милость, если мысль о продукте, который в принципе не может существовать, так сильно нас огорчает?

• • •

Я съела
пробел
которые лежали
в *пробел*

и которые ты
может быть
приберегал
для *пробел*
Прости меня
они были такие *пробел*
такие *пробел*
и такие *пробел*

• • •

Мы все сильнее склонялись к радикализму и

как оно ощущалось? Как будто мы все нарядились в скаутскую форму, сделанную из огня. Как будто небо вдруг разошлось на полоски, как на старом советском плакате, и печенье, которое мы разносили по зеленым соседским кварталам, раскромсало гильотиной. Да, мы склонялись к радикализму, хотя у нас были наборы хрустальных фужеров с надписью «Пора пить вино», и мы по-прежнему каждое утро читали старую добрую «Нью-Йорк таймс», причем без ухмылки на лицах!

• • •

ПУСТИЛО ПО ВЕНЕ, так мы говорили, когда заголовок статьи или метафора в тексте были настолько прекрасны, что даже не верилось, что такое бывает. ПУСТИЛО ПО ВЕНЕ, так мы говорили, когда Общество плоской Земли объявило, что в нем состоят люди со всех концов земного шара.

• • •

Залило спермой всю щель, предложила она однажды, как вариант, но была резко осуждена пуристами. Это так утомительно: подхватывать каждый из новых вирусов, производить идеаль-

ное *чихание*, а потом подвергать вирус мутации, чтобы создать новый штамм.

• • •

В Гааге военный преступник покончил с собой, выпив яд, и почему-то это событие стало самым смешным из всех, что мы видели в жизни, — было что-то такое в сочетании крошечного флакончика в руке у человека, колючего блика света в его левом глазу и его заявления: «Я только что выпил яд». Господи, это было прекрасно! Его самоубийство, которое должно было произойти в полном уединении, как сокровенная молитва, сделалось достоянием всего мира. Его яд пел в наших венах, как привязчивая мелодия.

• • •

В течение дня они с мужем часто обменивались сообщениями со смыслом: *Глюк*. Сбой программы. Симуляцию снова заглючило. В прошлом году было иначе. В прошлом году они отправляли друг другу ссылки в качестве подтверждения. Тебе нужно еще какое-то подтверждение? Разве это не подтверждение? Подтверждение, что мы живем в симуляции.

• • •

Примерно в то время, когда диктатор пришел к власти, она накурилась травы с одной давней подругой и попыталась сбежать на часок от реальности в фильм «Лепрекон 5: Сосед». Но, когда пошли финальные титры, Лепрекон, гротескная жуть в 3D-анимации, выбрался из телевизора и возжелал обсудить экономическую ситуацию как по соседству, так и в его родной стране у конца радуги. Дверной звонок у нее в груди надрывался истеричными трелями, пока она не убедила себя, что это пришел ее папа и сейчас он ее арестует. «Какая-то лютая трава», — сказала она подруге, сидевшей как каменный истукан уже минут тридцать все с тем же начос во рту. Они уставились друг на друга и внезапно осознали, что Гэтсби плавает мертвым в бассейне. Есть вещи, над которыми больше нельзя потешаться, окна, из которых уже не вылезешь, джазовые наряды, в которые уже не влезешь. Вечеринка — они были на вечеринке? все это время они были на вечеринке! — вечеринка определенно закончилась.

• • •

Еще есть реальная жизнь, которую надо прожить, еще есть реальные дела, которые надо делать, размышляла она как-то ночью, помогая подруге смыть мелкие капельки крови опоссума с рук, лица и волос. Еще есть готовые к употреблению банальности, еще есть деление на хорошее и плохое. Но когда следующим утром они вышли на задний двор с лопатой на длинном черенке, приобретенной специально, чтобы избавиться от конкретной улики — густой, дикой, красной кровавой струи, — опоссум исчез, вовсе даже не мертвый.

• • •

Иногда ей хотелось посмотреть фильм с Арнольдом Шварценеггером — фильм, которого не существует. Но он был у нее в голове: подземный гараж, взметнувшиеся полы плаща, темные очки, видеокассета или блестящая микросхема, попавшая не в те руки. Желание посмотреть этот фильм иногда становилось невыносимым, особенно под конец года, когда замедляется ход часов. В прошлом это назвали бы экзистенциаль-

ной тоской, и какой-нибудь француз написал бы умную книгу, по которой в конце концов сняли бы культовый нешаблонный блокбастер не с кем иным, как с Арнольдом Шварценеггером в главной роли, и, когда наступали бы холода, ты включала бы этот фильм и садилась смотреть, держа под рукой большую миску с чипсами, хотя это было бы совсем не то, чего тебе хочется по-настоящему.

• • •

Любимые истории на портале сейчас касаются межрасовой дружбы людей, познакомившихся за игрой в онлайн «Скраббл» и встретившихся в жизни за обедом в День благодарения. Один из них должен быть очень старым, достаточно старым, чтобы стоять по ту сторону баррикад в движении за гражданские права; другой — очень юным, с лицом, сияющим, как новая лампочка. Они должны принимать традиционные кулинарные блюда друг друга с равным количеством удивления и узнавания, должны непременно сфотографироваться в обнимку за праздничным столом и — самое главное — должны повторить эту встречу на следующий год. Мы упиваемся этими историями, вполне искренними и правди-

выми. Однако в том, как они нас утешают, есть что-то неправильное и фальшивое.

• • •

Непонятно, что лучше: сопротивляться новому языку, который активно крадет, выхолащивает, поглощает и ассимилирует, или рассылать всем подругам пожелание «*достатка и грудок торчком*» в четвертый четверг ноября, когда скромная птица разума, так и не ставшая представителем нашей страны на серебряных долларах, приносит свою последнюю неохотную жертву ради нашей готовности друг друга съесть и быть съеденными друг другом?

• • •

Почему богатые люди уверены, что они работают больше всех? У нее была своя теория: потому что они отождествляют себя с горой денег. А когда ты наращиваешь проценты, лихорадочно приумножаешь свой капитал, взбираясь по склону из серебра, золота и зеленых шуршащих бумажек, — что это, если не тяжкий труд? Если думать об этом в таком ключе, получается, что богатые люди и вовсе не спят, вечно бодрству-

ют, как многозначные числа 365 дней в году, и каждая циферка занята делом — то звенит, то шелестит, то считает прибыль, — и орлы с перьями из чистой платины кружат над ними, создавая ветер. Если думать об этом в таком ключе, получается, что они, безусловно, заслуживают своих богатств и могут с законным презрением смотреть сверху вниз на нищебродов, считающих жалкие медяки.

• • •

Коллективный разум, внутри которого мы пребывали, был одержимым и очень настойчивым. Он полнился суевериями и полузабытыми фактами вроде количества пауков, которых мы проглатываем ежегодно, или рейтинга самоубийств среди стоматологов. Одна половина всего человечества вообще не имела высшего образования, другая училась в университетах, относящихся к так называемому мыльному пузырю высшего образования. Временами наш коллективный разум распадался на списки болезней. Но следует помнить: этот разум в своем раннем детстве был отличным пространством для игр.

• • •

И еще это было пространство, где ты говорил от себя, своим голосом. Постепенно оно превратилось в пространство, где мы все говорим одинаково и с чужих голосов, хотя результаты эрозии от ветра или воды все же заметнее на камнях, чем на людях.

• • •

Все читали один и тот же рассказ. О переписке в Сети, о сердечках вместо глаз, о плохих поцелуях и колючей щетине, о рыхлых сгустках порнухи в вялой крови, о том, как социальные нормы создают новую ветвь восприятия… и, конечно, о том, что все мужчины *козлы!* Два застенчиво стонущих призрака в пустоте вдруг получили в свое безраздельное владение целую спальню вкупе с покалыванием в онемевших руках. Что делают призраки, когда им даются тела на одну ночь в году? Бездарно тратят эти тела, пытаясь проникнуть друг в друга, как могли бы проникнуть, будучи воздухом, паром, единым вздохом, который мы все испустили, перевернув последнюю страницу, *уф*.

• • •

Когда их дыхание в портале превращается в морозную наледь, все собираются вместе — смотреть рекламу с инцестом. Сексапильный брат неожиданно приезжает домой на побывку, сексапильная сестра открывает ему дверь, и они идут в кухню, пока родители еще спят. Язык их тел красноречивее всяких слов; сестра лепит брату на грудь красный праздничный бант и говорит, что он и есть ее подарок на Рождество; что-то в их взглядах, направленных друг на друга, недвусмысленно намекает, что когда-то давным-давно, где-нибудь на чердаке, эти двое открыли для себя позу 69. Они пьют горячий «Фолджерс» и наверняка размышляют, есть ли у них время… но нет, в кухню уже спустились их сексапильные родители. Реклама с инцестом, да, реклама с инцестом! Вся человеческая семья греет руки о ее жаркий пар.

• • •

Как только брат звонит в дверь на портале, все понимают, что пора по домам. Она тоже выходит из собственной цифровой бестелесности — на

квадратные клетки маминого адвент-календаря, где земля укрыта пуховым одеялом снега и маленькие симпатичные мышата спят в спичечных коробках и живут очень даже неплохо. Каждое утро, полное радостного предвкушения, открывает конверт еще одного дня.

• • •

Слова «*Счастливого Рождества*» теперь звучат словно вызов. Они уже не означают новорожденных князей мира, или звенящие серебром колокольчики на санях, или детские надежды на снег. Они означают: «Признаешь ли ты герра Санту всесильным вождем новой белой этнодержавы?»

• • •

Леденящий кровь страх: стоя на верхней ступеньке лестницы в доме у бабушки в канун Рождества, услышать донесшуюся снизу фразу «*золотые стандарты*» и знать, что сейчас ей придется спуститься прямо в ад дядиных разговоров о биткойне. Вот почему она медлила в окружении запахов старых кружев, цветочных саше и слегка заплесневелых полотенец, глядя

на свои детские фотографии, где ее лицо было счастливым, как ржаной хлеб с маслом, где она даже не подозревала такого будущего — не подозревала вообще ни о чем, кроме звона монеток в копилке и рождественских праздников, которых будет еще очень много, пока ей не надоест.

• • •

В игре с обменом подарками «Белый слон» самым востребованным подарком была старая ржавая жестянка. «Полезная вещь, — объявил биткойновый дядюшка, которому в итоге она и досталась. — Можно хранить в ней патроны. Закопать где-нибудь во дворе, и они сохранятся на годы». Копить патроны — все равно что копить богатство, подумала она и снова представила горы денег в подвале, вольный размах крыльев денежного орла. Если бы наши тела были запасами патронов, они хранились бы вечно. То, что закопано и похоронено, больше уже не умрет.

• • •

«Нет, нет, — запротестовала ее сестра, когда ей предложили кусок редкой рождественской оленины. Оленя их брат подстрелил сам — как

выяснилось, по ошибке, потому что это была кормящая мать-олениха и к тому же трехногая. — Нет, мне нельзя! Я беременна!» Бурлящая черная пустота открылась в глубине ее глаз, куда уходило корнями зрение, и она запустила руки в жесткие светлые волосы своей сестры. Еще есть реальная жизнь, которую надо прожить, еще есть реальные дела, которые надо делать, — и самое главное, еще есть хорошие новости, услышанные над тарелкой с мясом трехногой оленихи.

«*Mamma mia*», — сказала она животу сестры и, смачно причмокнув, поцеловала кончики сложенных вместе пальцев. Уже потом ей подумалось, что, несмотря на все ее дурачества, она все же надеется, что английский язык сохранится нетронутым и тогда, когда ребенку сестры придет время учиться говорить.

• • •

Была ли та бурлящая черная пустота, которую она увидела после слов сестры, чем-то подобна порталу? Да, может быть. И то и другое было пространством, где происходило только одно: ты пересматриваешь свои представления о реальности, плавая в море из собственных слез и мочи.

«Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, — безмолвно обратилась она к ребенку в животе у сестры. — Но когда-нибудь ты станешь просматривать ленту, и НАСА выложит фотографию далеких звезд».

• • •

«Жена моего приятеля тоже беременна, — сказал ее брат, задумчиво потягивая из бокала золотистый дюйм виски. Его щеки покрывала рыжеватая мягкая щетина, как было модно в его кругу. — Приятель больной на всю голову. Тяжелый случай интернет-зависимости. На днях он мне говорит: *Видел дочкины сиськи на снимке УЗИ. Выглядят очень даже неплохо!* И я такой: *Блин, дружище! Ты серьезно?* А он уставился куда-то вдаль и сказал: *Я не знаю, как правильно себя вести. Я так давно стал таким, что уже и не знаю, как быть другим. Как вообще быть».*

• • •

Разница между ней и сестрой могла объясняться еще и тем, что сама она взрослела в девяностых, в пору расцвета шотландской клетки и героина, а сестра взрослела в двухтысячных, в пору расцвета трусиков-стрингов и кокаина. Именно тогда

все завели себе крошечных чихуа-хуа и начали выступать в своем собственном шоу. Именно тогда мы увидели гладкие, тщательно проэпилированные гениталии мира, выходящего из машины, и сказали: *еще*.

• • •

«Помнишь?» — спросила сестра и показала скриншот начальной заставки порнозаписи с Пэрис Хилтон, где было написано, что этот ролик посвящен памяти жертв терактов 11 сентября. «А-ха-ха!» — рассмеялись они на пару, новым смехом, каким стало модно смеяться в последнее время.

• • •

Разница между нею и братом, видимо, объясняется тем, что он ходил на войну и оставался там, на войне, очень долго. И теперь, если они с братом находились в одном доме, она тщательно драила ванну с дезинфицирующим моющим средством — каждый раз после него, — чтобы не заразиться грибком стоп, привезенным им с той войны вкупе со всем остальным, о чем она даже не знала, но *все остальное* придавало весомость его словам, и

когда он говорил «убивать», это звучало жестче и тяжелее, чем в исполнении ее друзей на портале. Или «Америка», или «свобода», или «Засадил ей по самые гланды».

• • •

Но он обещал, он дал слово, что, когда все накроется медным тазом, он взвалит обеих сестер на плечи и унесет в глухие леса, вместе с ним и компанией его друзей, которые умеют охотиться, потрошить туши и разводить настоящий огонь. «Мы пойдем к Великим озерам, где еще будет вода, и вам не придется работать. Будете целыми днями ходить по берегу, искать красивые камушки и развивать… свой шаманский потенциал» — так он ей сказал. Она была готова. Разве недавно она не смывала кровь опоссума с *лица* подруги и при этом почти не визжала? Она взяла нож и вилку и отрезала еще кусочек своей бредовой судьбы.

• • •

«Какие славные миленькие трусы», — сказала мама, вынимая из стиральной машины армейские шелковые боксеры ее брата. Они были

желтыми, вызывающе желтыми, как Гадсденовский флаг, но вместо надписи: «НЕ НАСТУПАЙ НА МЕНЯ» — там была вышита надпись: «НЕ НАСТУПАЙ НА ЗМИЮ».

• • •

Поздно вечером, уже почти ночью, они собрались в большой комнате, чтобы посмотреть видео со сасквочем на ноутбуке сестры и, возможно, помечтать о будущем — их общем будущем в глухих лесах. В пейзаже, неподвижном и мятом, как армейский камуфляж, внезапно случился какой-то сбой, пикселяция среди листвы. Кусок леса поднялся из полуприседа и как будто глянул через плечо — мохнатое, мощное и хранящее столько секретов. Это был он, сасквоч, и, как всегда и бывает в такие моменты, оператор, ведущий съемку, чуть не обосрался с испугу. Он не попробовал подобраться поближе, не приблизил изображение. Когда тот, кого он искал всю свою жизнь, предстал перед ним, он отшвырнул камеру, словно обжегшись, и бросился прочь со всех ног.

«Видишь сасквоча, солнышко?» — спросила сестра, потирая свой еще плоский живот, и тогда

они все увидели его, этот незримый промельк между человеческими деревьями.

• • •

Когда закончились все более-менее правдоподобные видео со сасквочем, они включили величайшее реалити-шоу на все времена, «Голые и напуганные». В каждой серии мужчину и женщину высаживают в дикой местности без еды, воды и одежды, и сразу же происходят две вещи: женщина начинает плести наряды из пальмовых листьев, а мужчина сходит с ума от нехватки мяса. (В результате чего он обычно съедает какую-нибудь подозрительную форель и страдает поносом на участке, который женщина называет «их палисадником».) Если подумать, то это отличный сценарий для тематической вечеринки с объявлением пола будущего ребенка. Мама с папой появляются перед гостями, голые и испачканные в грязи. Если у них будет девочка? Ворох пальмовых листьев. А если мальчик? Будущий счастливый отец может сесть продристаться, заливаясь слезами.

• • •

Это чудо, что столько людей в наше время проявляют интерес к старым играм вроде пинбола: это была наша игра, это наши онемевшие пальцы жали на кнопки, катая шарик по полю, пока в окошке подсчета очков сменялись красные цифры. Ее сестра, на пять лет младше, однажды сломала руку, когда ей полагалось за нею присматривать. Она вышла из комнаты буквально на пару секунд, и тут же раздался пронзительный вопль, как черный разлом в самом воздухе; белый треск кости, пробитая кожа, оглушительный звон в ушах. А теперь новое тельце создавалось внутри того тела, которое когда-то сломалось под ее присмотром, но и оно, это новое тельце, тоже будет ей доверять. А как же иначе? Когда придет время, они отнесут его на плечах в глухой лес.

• • •

«Каково быть родителем в наше время?» — спросила она у брата, когда все уже легли спать и искусственный огонь потрескивал у их ног, и у нее уже в сотый раз мелькнула мысль, что не бывает искусственного огня. Если искусствен-

ный, значит, уже не огонь. «Это круто, — ответил брат. — Все горит синим пламенем, и можно не переживать, что ты делаешь что-то неидеально». Его двухлетний сын, когда его спрашивали, мальчик он или девочка, всегда отвечал, что он пулемет.

• • •

Жизнь не проносится перед глазами, подумала она, когда их маленькая игрушечная машинка потеряла управление на черном обледеневшем шоссе в Кентукки и они лишь чудом не врезались в лесовоз на встречной полосе. Может быть, у нее было так мало жизни, что тут просто нечему проноситься, размышляла она, когда муж закричал: «Я тебя люблю, прости за все» — и его правая рука легла ей на грудь, как ремень безопасности. И ничего не случилось, только на следующем съезде она выбралась из машины, встала, согнувшись, уперлась руками в колени — ее ребра дрожали внутри, как надтреснутая костяная бабочка, — и рассмеялась визгливым девчачьим смехом, словно, листая бесконечную ленту новых публикаций, наткнулась на самый смешной в мире пост.

• • •

Историю страны можно запросто изучать по придорожным рекламным щитам, размышляла она, когда они поехали дальше, и ее все еще периодически пробивало на нервный беспричинный смех, и слова мужа *«Прости за все! Я тебя люблю! Я тебя люблю! Прости за все!»* звенели эхом в ее левом ухе. Кто-то сочинял эти надписи, но не замыслы сочинителей придавали им смысл. СТРЕЛЯЙТЕ ИЗ НАСТОЯЩЕГО АВТОМАТА: АТТРАКЦИОН «АВТОМАТИЧЕСКАЯ АМЕРИКА». ЕСЛИ ДУМАЕШЬ ОБ АБОРТЕ — ЗАБУДЬ! АКТЕРЫ, ПЕВЦЫ И ТАЛАНТЫ ВО СЛАВУ ИИСУСА. Смысл им придавала ее близость к дому — и ее невольные слезы при виде ВЕРНИ ТЕЛО В ФОРМУ — СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ.

• • •

«Почему ты пошел?» — однажды спросила она у брата, и он ответил с обескураживающей простотой: «Настал мой черед». Ей вспомнился пыльный послеполуденный Фонтен-де-Воклюз, где она наблюдала, как мальчик-подросток с коп-

ной черных кудрей спускался по каменистому склону к тихим водам Источника, не обращая внимания на знаки ОПАСНОСТЬ. Камни прежних обвалов скользили у него под ногами, потому что он был из тех, кому предназначено менять мир. От его голоса будут сходить лавины, весенние ливни прольются по его воле, черные птицы станут биться в него, как в высокую стену. Отец умолял его на рокочущем и прекрасном романском языке: вернись, дурачок, плоть от плоти моей! Сын не слушал отца. Сын спустился к Источнику. Вода дохнула прохладой ему в лицо: настал твой черед. Иди.

Все еще зима, и луна, какая бывает раз в жизни, но, чтобы увидеть эту луну, надо выйти на улицу. Поскольку о том не могло быть и речи, она наблюдала медленный восход луны на портале, где ночное светило являло себя во всей своей щедрой и грозной красе на задних дворах у возлюбленных незнакомцев. Тринадцатое полнолуние, кровавая суперлуна, всегда впервые за четыреста лет, и выглядит — каждый спешил объявить это первым — выглядит весьма *аппетитно*.

• • •

Она очень надеялась, что все двадцать четыре теста на коэффициент интеллекта, которые она проходила в Сети, были неверными. Иначе и быть не могло.

• • •

В детстве она больше всего боялась — помимо того, чтобы какать крошечными птичьими яйцами, — что будет непрестанно икать, пятьдесят пять лет подряд, как тот несчастный мужчина, о котором она прочитала в своей испорченной от воды Книге рекордов Гиннесса. Потом она повзрослела и поняла, что вся жизнь — сплошная икота пятьдесят пять лет подряд. Просыпаешься — ик, — стоишь под душем в облаках пара — ик, — слышишь свое имя, выкрикнутое из соседней комнаты, и ощущаешь покалывание внутри, как от слабого удара током: *кто я?* — ик, ик, ик. И ничто не поможет: ни сахар, ни сильный испуг.

• • •

Все завязано одно на другом. Когда стошни-

ло ее кота, ей показалось, она услышала слово «*праксис*».

• • •

Дважды в месяц они с мужем спорят, смогла бы она соблазнить диктатора с целью его последующего свержения. «Я вообще сомневаюсь, что он воспримет тебя как женщину», — сказал муж, но она заявила, что ей нужен только блондинистый длинный парик. В какой-то момент она всерьез на него наорала и задрала рубашку. «Ты утверждаешь, что я недостаточно хороша, чтобы изменить ход истории? Ты утверждаешь, что он не клюнет на НИХ?!»

• • •

Будущее человеческого интеллекта, видимо, связано с поиском информации, а будущее невежества — с неспособностью анализировать его результаты. Но, когда она смотрела на дымящиеся пейзажи отцов, представленные в новостях на кабельном канале, вопрос уже не стоял об уме и невежестве, вопрос стоял о *заражении*. Давным-давно кто-то взглянул на копошащуюся серую массу американских отцов и узрел их такими,

какими они и были на самом деле: достаточно слабым, коллективным носителем паразитов, передающим живое послание.

• • •

Эти отцы ощущали себя властелинами мира, упиваясь своим превосходством (ее собственный отец периодически пересматривал записи трансляций в день выборов, закрывшись в своем унылом кабинете, заставленном кошмарными мониторами), но в итоге их дочери их презирали, как они сами всегда презирали женщин как класс. Как получилось, размышляла она, рисуя в воображении отцовские руки с растопыренными пальцами, как получилось, что глупыми бабами стали *мы*?

• • •

Чем подробнее мы изучаем диету пещерных людей, тем больше плюсов мы в ней находим. Пещерные люди не отличались особенным долголетием, зато они были *именно такими*, какими им и положено было быть, чего мы, их далекие потомки, уже не можем сказать о себе. Пещерный человек точно знал, кто он такой; толща камня

над головой защищала его от стихий и ненужных рефлексий. Человек в одиночестве под небесами не понимает вообще ничего.

• • •

«Что-нибудь слышно о _____? Ты с ней общалась в последнее время?» — спросила мама по телефону и вызвала призрак ее одноклассницы, которая отовсюду сбежала и теперь не находилась ни в одном месте, где в строку поиска забиваются имена. Ее работа была настолько реальной, что это граничило с упреком: инженер аэрокосмических систем. Может, благодаря всем своим добродетелям и непоколебимой сосредоточенности она все-таки прорвалась в одну из тех параллельных реальностей, где лучше, чем здесь? Раз в пару лет она печатала имя своей одноклассницы во всех строках поиска и получала в ответ на запрос все те же размытые фотографии девушки, которую знала когда-то давным-давно: девушки, стоящей рядом с машиной, перенесшей ее куда-то еще, кроме будущего, и ее плоть на тех снимках все еще частично состояла из порций картофеля с сыром, который они всегда брали в школьной столовой.

• • •

Современная женственность как-то уж слишком настойчиво позиционирует себя через кремы для лица на основе улиточной слизи. Но что-то подобное было всегда, разве нет? Капли мышьяка внутрь. Пеленание стоп. Полировка зубов свинцом. Так легко верить, что ты свободна в выборе косметических красок и утягивающего белья своего времени, и эта свобода дает тебе право жалеть женщин из прошлого в их корсетах из китового уса; что ты проходишь по жизни максимально широким шагом — в отличие от женщин из прошлого, хромавших на переломанных стопах.

• • •

У ВАС НОВОЕ ВОСПОМИНАНИЕ, объявил телефон и выдал слайд-шоу из ее попыток красиво заснять свою задницу в гостиничной ванной. В какой-то момент она задрала ногу на полотенцесушитель, чтобы добиться изящного блика на левой ягодичной мышце, — потом пронзительно вскрикнула, сообразив, что полотенцесушитель был слишком горячим, и случайно сделала кадр со своей завалившейся набок тушкой и ее наиме-

нее фотогеничным отверстием крупным планом. «Эти снимки понадобятся мне потом, когда у меня будут дети, — услышала она голос сестры у себя в голове. — Они понадобятся мне потом, лет через пятьдесят, когда я стану уже совсем старой». В доме престарелых, на плавучей льдине, глядя в прошлое на себя, какой она была на самом деле.

• • •

чо, как

чувырла

написал ей младший брат. Почему мы стали общаться вот так?!

• • •

Парень, который первым назвал ее сучкой, сейчас сидел в тюрьме за хранение детской порнографии, и это было отличной метафорой для современного дискурса. Но к современному дискурсу можно было бы отнести и слова его матери после единственного бокала красного вина: «Да, я знаю, он будет гореть в аду, но все равно он мой сын» и «Что мы наделали? Что мы наделали? Что мы наделали?! *Что мы наделали?!*»

• • •

В других городах были люди, которые относились к ней нежно и бережно, может быть, потому, что их умы на секунду сливались с ее голосом, а потом их улыбки наполнялись чистейшим животным счастьем: *Бывают ли у собак близнецы*? Иногда мужчина вставал перед ней на колени и нежно брал ее за запястье, или женщина дарила ей очень реалистичного резинового тарантула, а однажды какая-то девушка услышала, как она кашляет, сбегала к себе домой и принесла ей сироп, продающийся строго по рецепту. В те времена каждый сделанный ею шаг был шагом через порог дома, где ее с радостью ждали. Это было неправильно и нечестно на самом деле, что ей достается столько всего, чего нет у других. По сути, это было:

Печально!

Печально!

Печально!

Печально!

• • •

«Сэм, вы что, фут-фетишист?» — спросила она у индуса с обветренными губами, когда тот принялся витиевато нахваливать ее черные ботильоны.

«Да, мэм, так и есть», — ответил он и счастливо засиял, осознавая свою невероятную удачу, поскольку голые ноги весной и летом были повсюду: стопы, подъемы, лодыжки.

«И чьи стопы вас привлекают?»

«Стопы моей жены, мэм. Вот стопы, которые я люблю всей душой». Его слова прозвучали, как нежная заповедь. Ее это растрогало, и она поднесла ручку к губам. В мире еще остались настоящие джентльмены.

«Вы, наверное, сочтете меня извращенцем…» — начал он, не желая быть понятым превратно, но она его перебила.

«Я ни в коем случае не считаю вас извращенцем, Сэм. Если вы были бы из моего поколения, вы бы сдрачивали в специальный кувшинчик на протяжении нескольких месяцев, а потом выложили бы в Сеть фотографию наполненного

кувшинчика. А фут-фетишизм… — Она сделала глубокий вдох. — По сравнению с такими забавами фут-фетишизм — это цветущий весенний луг. Фут-фетишизм — это Канон Пахельбеля».

• • •

Она кое-что знала о фут-фетишизме, потому что однажды ей пришло личное сообщение от одной знаменитости. Как оказалось, он был фут-фетишистом и предлагал ей 300 долларов за пару ее старых кроссовок. Она обдумала его предложение и отправила ему по почте свои старые «конверсы», втайне злорадствуя, что они совершенно ничем не пахнут, потому что она почти и не двигается.

• • •

Из новостной ленты: Мужчина 30 минут просидел на унитазе, играя в игры на телефоне, и у него произошло выпадение прямой кишки

• • •

Людей, живущих в портале, часто сравнивают с лабораторными крысами, которые нажимают

на кнопки, чтобы им выдали угощение. Но крысы хотя бы получают гранулу корма, или надеются на гранулу корма, или помнят о грануле корма. Когда мы жмем на кнопки, мы лишь все больше и больше уподобляемся крысам.

• • •

Возможно, тут есть какая-то связь: ее самая крупная ссора с мужем вышла из-за эксперимента Милгрэма. Муж ни разу не слышал об этом эксперименте, и, даже когда она загуглила для него информацию, он все равно усомнился, что эксперимент с грызунами проливает какой-то свет на человеческое поведение. В конце концов она психанула. «Если ты не желаешь признать… что мы просто МЕЛКИЕ ГРЫЗУНЫ… которые станут МУЧИТЬ ДРУГ ДРУГА, если ДАТЬ ИМ ВОЗМОЖНОСТЬ… тогда УБИРАЙСЯ ИЗ ЭТОГО ДОМА!» Озадаченный, он ушел и вернулся минут через двадцать с куском отменного белого чеддера, что, конечно же, было изощренной издевкой.

• • •

Она *уже* не могла объяснить свои действия годичной давности. Почему она тратила время

— тратила свою жизнь, — зачарованно прифотошопливая пакеты с замороженным зеленым горошком к изображениям исторических изуверств, почему оставляла дурацкие комментарии вроде «О ДА, ДЕТКА» под фотографиями молодого Сталина, почему, если ей что-то особенно нравилось, она писала, что «вдула бы это роскошество себе в зад». Прошел всего год, а она *уже* не могла объяснить.

• • •

Стараешься не перегнуть палку — и тебя обвиняют в беспечности и благодушии, соучастии в преступлениях властей, приспособленчестве и политическом конформизме. Перегибаешь пресловутую палку — и вдруг заявляешь во всеуслышание, что тебе совершенно плевать, что какой-то аллигатор сожрал какого-то белого ребенка.

• • •

Подростки прятались в душных темных шкафах, подростки беззвучно расспрашивали друг друга о стрельбе в школах и вузах, в реальном времени. Подростки слали сообщения родите-

лям, писали, что любят их, просили прощения за непослушание и жалели, что не научили своих младших сестер ездить на велосипеде, когда такая возможность еще была. Подростки говорили как взрослые, потому что застывший в дверном проеме стрелок с винтовкой нависал над ними все время, пока они были живы.

Название города, где это произошло, становилось все темнее и темнее, словно школьники неустанно обводили его черной шариковой ручкой. Школьники выходили из классов. Ложились на траву на лужайке у Белого дома. Может быть, именно этот протест заставит взрослых задуматься? Может быть, это произойдет потому, что какой-то тупой ушлепок совершил ошибку, затеяв стрельбу в старшей школе сценического искусства?

• • •

«Бойня, — вновь и вновь повторял за обеденным столом норвежский журналист, — вы же помните бойню». «Какую бойню?» — уточнила она, и только когда ей назвали имя убийцы, у нее в голове всплыло воспоминание: молодежный лагерь на острове, человек с манифестом и жало-

бами на холодный тюремный кофе и число 77. И все-таки странно, размышляла она, откусив бутерброд с маслом, по вкусу — как солнечный свет в сочной зеленой траве, странно жить в стране, где тебе говорят «бойня» и нет нужды уточнять, какая именно бойня имелась в виду.

• • •

Мы принимаем как должное все, что находим в портале, словно оно там растет, словно Божьи цветы. Потом мы узнаем, что их там высадили нарочно — люди, которые знали, что они ядовиты, и направили яд прямо в нас. Ну что ж… хорошо.

• • •

Хорошо.
ХОРОШО!

👏Х👏О👏Р👏О👏Ш👏О👏!!!

• • •

На мгновение, если она позволяла себе расслабиться, ее даже смешило, что ею манипулируют подобным образом. Что всю вязкую неуклю-

жесть, всю тяжеловесную заторможенность, которую она ощущала внутри своей биологической оболочки, можно переписать заново. Она действительно не такая. Она не увязла в своей вялой медлительности. Она все-таки выбралась из ловушки своего провинциального невежества и регионального произношения, она не пригвождена к одному месту. Она — мимолетная обитательница вспышки молнии, прочертившей по небу: *Я знаю.*

• • •

Наши враги! Что, если это они ввели моду на анилингус, заставив нас всех утверждать, что мы любим и практикуем стимуляцию задницы языком, что мы, собственно, только этим и занимаемся — ревностно и со вкусом, — в подтверждение чего ставим на обложки альбомов свои фотожабы, где сидим за столом с салфеткой, повязанной вокруг шеи, держим в руках нож и вилку и с вожделением глядим на тарелку с лакомой, готовой к употреблению задницей? Боже, это было гениально! Самый действенный и быстрый способ опустить так называемых граждан свободного мира — превратить их в толпу обожателей задниц.

Это они, наши враги, ослабили нас *интервальным голоданием*? Это они заставляют нас тратить свои вечера на *детективный сериал, которого никто не понимает*? Они это сделали все для того, чтобы *уничтожить современный американский роман?* Они отвлекали наших анархистов *полиаморией и жидкими заменителями пищи,* чтобы те ничего не добились? Они вспучили нам животы *домашним пивом*? Снова сделали христианство конкурентоспособным? *Вернули в моду боди на кнопках в промежности*?

Но нет. Нет, так недолго додуматься до теории заговора. Именно так оно и начинается. Именно так ты становишься человеком, заключающим все небо в кавычки, нарисованные пальцами в воздухе. Ей надо признать — пока не будет доказано иное, — что мания на анилингус появилась естественным образом. Как и все остальное.

• • •

«Об этом надо писать, — сказала она тому человеку в Торонто. — Обязательно напиши». Но все, что было написано о портале до нынешнего момента, отдавало снобизмом старых белых интеллектуалов, взявшихся рассуждать о блю-

зе, откровенно не разбираясь в предмете своих рассуждений. Шестидесятилетние карикатуристы тоже пытались осветить эту тему, но не придумали ничего лучше унылых картинок с изображением человека со смартфоном вместо лица, который таращится в крошечное лицо у себя в руке.

• • •

Вдали от портала она ощущала себя осиротевшей, оторванной от некоего теплого тела, которое хочет ее непрестанно. Вдали от портала она изнывала в тоске: *О, моя информация. Мои ответы. Мое все, что я даже не знала, что мне это надо*.

По крайней мере, так ей представлялось в приподнятом настроении. В моменты уныния ей представлялось, что она стоит раком и умоляет реальность засадить ей по самые гланды.

• • •

Мысль об атаках на нашу инфраструктуру воспринимается очень болезненно, потому что мы столько лет потешались над фильмами, где киберпреступники в собачьих ошейниках

взламывают систему управления светофорами, и по всему городу горит только красный; или меняют температурный режим холодильников в магазинных секциях замороженных продуктов, чтобы вся наша капиталистическая лазанья благополучно растаяла и протухла; или включают на электронных табло на бейсбольных стадионах надпись КОНЕЦ ИГРЫ с мигающим под ней черепом со скрещенными костями. Если что-то такое и вправду случится в реальной жизни, наше собственное извращенное чувство иронии сделает нас абсолютно беспомощными. Полностью беззащитными. Как, например, если бы кто-то взломал этот текст и подставил бы вместо слов «жизнь» слово «жопа». Хотя это было бы даже смешно.

• • •

Что, значит, ты постоянно шпионишь за мной? — размышляла она, разгоряченная, ослепшая, бестолковая, сидя на унитазе. Что, значит, ты постоянно шпионишь за мной с этой штукой у меня в руке, которая, по сути, один сплошной глаз?

• • •

И как теперь создавать литературные тексты, когда сравнения с фантомной болью в ампутированной конечности считаются в лучшем случае некорректными? Когда фраза «ее соски точно азбука Брайля» окончательно вышла из употребления? И теперь никто больше не скажет, что «она наклонила голову, точно гейша»? И нельзя написать, что погода страдала биполярным расстройством, не рискуя подвергнуться осуждению в приличном обществе? Нельзя даже вскользь намекнуть, что у каждого, кто увлекается любительской орнитологией, есть склонность к аутизму? Или сравнить луну на ущербе с отощавшим от недоедания бедняком? Или сказать, что заходящее солнце «неминуемо врезалось в гору, как женщина за рулем»? Уберите из кофе всю крепость и вкус, если нам больше нельзя никого угостить!

• • •

Когда-нибудь все наполнится смыслом! Когда-нибудь все наполнится смыслом — как Уотергейтский скандал, о котором она не знала и

знать не стремилась. Кажется, что-то связанное с отелем?

• • •

В день, когда новостей почти нет, мы висим на мясных крюках, вяло покачиваясь над пропастью. В день, когда новости валят валом, ощущение такое, словно мы проглотили НАСКАР и сейчас на всей скорости врежемся в стену. В любом случае складывается впечатление, будто всем заправляет какой-то маньяк.

• • •

Она неплохо справлялась, хотя случались такие дни, когда, поднявшись с постели, она надевала бюстгальтер шиворот-навыворот и у нее просто не было сил его переодеть, и она так и сидела в бюстгальтере наизнанку и читала новости. Она неплохо справлялась, пусть даже на месте ее лица появлялся большой вопросительный знак, который сменялся другим вопросительным знаком — и еще, и еще, — а с ее сердцем происходило примерно то же, что происходит со стаей чаек на морском берегу, когда к ним подбегает собака, и был лишь один способ хоть как-то себя успокоить.

Встать перед зеркалом и сказать вслух: «Коровы о нем знать не знают».

• • •

Хорошенького понемножку, твердо сказала она себе и попросила в подарок на день рождения маленький переносной сейф в виде словаря — сейф, куда она будет прятать свой телефон по утрам, когда муж уходит на работу. Когда ей вручили подарок, она разорвала оберточную бумагу с нетерпением жадного ребенка, провела пальцем по буквам на корешке — НОВЫЙ АНГЛИЙСКИЙ СЛОВАРЬ — и покрутила колесики на кодовом замке с ощущением щелкающей завершенности. «Но *для чего* он тебе?» — спросил муж, на девяносто процентов довольный, что доставил ей радость, и на десять процентов несчастный, потому что женился на сумасшедшей, и она ответила с тихим достоинством: «Для моих ценностей».

• • •

Тише.

Тик.

Тише.

Так.

Тук. Тук. Тук.

• • •

Через два дня она примчалась к мужу на работу и завопила: «МОЙ СЕЙФ!» — под окном его кабинета. Каждый ее волосок стоял дыбом, к ноге под штаниной прилипли смятые в комок трусики, она прижимала к груди что-то похожее на словарь. «СПУСТИСЬ КО МНЕ И ОТКРОЙ СЕЙФ!» Она уже перепробовала все возможные числа — секс-число, число зверя, число упавших башен-близнецов, — но муж угрюмо отобрал у нее сейф и открыл его с помощью комбинации 1–2–3–4. «О, — сказала она, обмякнув от облегчения, ее тело разблокировалось мгновенно, как только ей в руку лег телефон. — Это здорово, это смешно. Как будто учишься считать. Как в «Улице Сезам». В тот же вечер сейф отправился в дальний угол одежного шкафа, где слова НОВЫЙ АНГЛИЙСКИЙ СЛОВАРЬ больше не будут маячить у нее перед глазами, и муж не стал ничего говорить, и это была любовь — именно то, что сейчас было любовью.

• • •

Вы будете умными и проницательными донельзя! Вы все поймете о нашем времени! Но о нас вы не будете знать ничего!

Весь день она проходила с нефритовым яйцом во влагалище. Каждый шаг получался как медитация, потому что нефритовое яйцо во влагалище весьма затрудняет ходьбу. «Знаешь, оно и вправду работает», — сказала она мужу совсем поздно ночью, когда нефритовое яйцо его напугало.

• • •

Когда она закрывала портал, некая незримая нить тянула ее обратно. Она не противилась этой тяге. Может быть, именно эта нить связывает всех и вся. Может быть, именно эта нить скрепит ее с нерушимым единством.

• • •

О себе надо заботиться, решила она и щедро накапала в ванну эфирного масла с запахом сибирской тайги. Но, как только она опустилась в дрожащую горячую воду, ее ЗД — *заднюю дыр-*

ку, как она называла ее на портале, — обожгло таким раскаленным средневековым огнем, что она резко встала в ванне, выкрикнув имя большого голого бога, в которого больше не верила. Когда жжение сделалось нестерпимым, она вмиг позабыла о состоянии современного мира, все ее осознание бытия сосредоточилось на собственном теле, что означало одно из двух: либо горячая ванна вернула ее к себе, либо она ничтоже сумняшеся сдала бы режиму всех своих соседей, по-одному или скопом.

• • •

Еще один показатель того, что она, вероятно, хороший немец: она никогда не могла решить, какую именно песню Кросби, Стилза и Нэша ей петь. Она просто хваталась за первую доступную ноту. С другой стороны, это может быть признаком ее скрытой тяги к коллаборационизму, тем более что ей действительно очень нравились песни Кросби, Стилза и Нэша.

• • •

Ее также пугала собственная внушаемость. В 1999 году она посмотрела пять серий «Клана

Сопрано», и ей сразу же захотелось вовлечься в организованную преступность. Не в тех эпизодах, где стреляют, а в тех, где все сидят в ресторанах.

• • •

И что хуже всего: в ее жизни был *тот самый случай*. Когда ей было восемь, они с братом и младшей сестрой пошли гулять у ручья, и от нечего делать она бросила камень в дупло старого дерева. День наполнился сердитым жужжанием, горизонт свернулся роящейся тучей, у солнца выросло жало, и ее облепили пчелы. Они были повсюду: в ее глазах и ушах, в волосах и подмышках. Она бросилась прочь со всех ног, отчаянно размахивая руками, а когда добежала до дома, пчелы благополучно вернулись в свой улей, и волдыри сошли с тела, словно по волшебству. Как будто ничего и не было вовсе. Через час мама спросила: «Милая, а где…» — и они помчались к ним вместе, помчались туда, где сестра лежала на берегу, накрыв собой брата, оба были изжалены почти до смерти — в ожидании помощи, которая непременно придет, *милая, а где?*

• • •

Жизненный опыт: Меня проглотил бегемот.

«Не было никакого четкого перехода, не было ощущения приближающейся опасности. Просто я вдруг как будто ослеп и оглох».

Пару лет назад, размышляла она, эта история произвела бы фурор. О ней говорили бы все и всюду на протяжении недель: внезапный разлом, зуб новой реальности, крушащий ребра, зеленовато-черный запах некоей окончательной акватории, где ты потерялся, наверное, навсегда. Но теперь нас всех так или иначе заглатывал бегемот. Ну и что? Это жизнь.

• • •

«У тебя совершенно мертвое лицо», — сказал муж, наблюдая ее смертельную онлайн-схватку с неким деятелем, который из всех существующих во Вселенной сочетаний слов выбрал себе имя пользователя *генри хиггинс был абьюзером*. «Как у какой-нибудь чревовещательской куклы. Или у куклы из детских кошмаров. Абсолютно пустое и мертвое». Ее обидели эти слова. Он всегда говорил

что-то подобное в те минуты, когда она ощущала себя наиболее живой.

• • •

Ее двоюродный брат был аутистом. Он родился на год раньше ее, в те времена, когда всю вину еще возлагали на *матерей-холодильников*. Пока он окончательно не замкнулся и его не отправили в интернат, ее тетя оборудовала для него миниатюрную кухню — как настоящую, только игрушечную — в подвале своего особняка. Почему-то все были уверены, что этот яркий, упорядоченный уголок жизнеподобия поможет ему пробиться в реальную жизнь. Маленькие пластмассовые отбивные на косточке в форме Южной Америки, блестящие от росы кукурузные початки, поддельные консервные банки с настоящими этикетками. Но ему это было неинтересно, его влекла только музыка, он бил себя по вискам в ритме мелодии, а когда чуть подрос и принялся выводить звук на полную мощность, им стало ясно, что они все понимали наоборот: *реальная жизнь* была в нем и пыталась пробиться сквозь его миниатюрное тельце, сквозь пластмассовые отбивные, сквозь блестящие от росы кукурузные початки.

• • •

И еще кое-что странное: его заставляли носить, как подвеску на шее, маленький портативный компьютер со всеми буквами алфавита, хотя он был невербальным. Они верили, что когда-нибудь что-то подвигнет его — либо отчаянная надежда в их лицах, либо его величество случай, либо некая сила упорства, заключенная в самом языке, — набрать на экране то, что они называли *реальным миром*.

• • •

Кто бы знал, что однажды машина бессмыслицы выдаст фразу *В. Европе. Одна. Гомосятина*, и что, когда она в следующий раз увидит отца, он положит руку ей на плечо и, с предельной серьезностью глядя ей прямо в глаза, произнесет слова *В. Европе. Одна. Гомосятина*, явно надеясь на ее понимающий отклик. Так сказали в машине бессмыслицы, пояснит он, а там всегда говорят только правду.

Она сначала опешит, лишившись дара речи, а потом обратится за подходящим ответом к своей

собственной машине бессмыслицы, подхватит бумажку, которую та радостно выплюнет ей на ладонь, и скажет ему: *обсоси ядовитую письку, мой сладкий*

• • •

Точно ли это была только его вина? В последнее время ей стало казаться, что все до единого мужчины на этой планете готовы лопнуть от переизбытка своего драгоценного мнения, перенятого от каких-то других мужчин с теми же самыми убеждениями. «Слушай, мам, ты бы проверила папину аптечку, — сказала она в очередном еженедельном разговоре с мамой по телефону. — Просто чтобы убедиться, что он не принимает тайком никакие пилюльки с идиотским названием вроде «Убей ее логикой 5000 + никотиновая кислота».

Приступ кашля помешал ей продолжить; один из ее утренних ноотропов застрял комом в горле и не желал проходить дальше ни за деньги, ни по любви. Откашлявшись, она услышала звук быстрых маминых шагов в коридоре на втором этаже. Услышала, как открывается зеркальный шкафчик, что разрезает лицо пополам. «Вроде бы

ничего нет… А почему ты спросила?»

«Я за него беспокоюсь. После выборов у него все время такое лицо… слишком красное».

«Ой, милая, у него всегда было такое лицо, — уверила ее мама, чей голос почти заглушал ее собственные непрерывные покашливания. — Даже когда мы с твоим папой только познакомились, он уже был весь красный».

• • •

«Да, у твоего папы крепко промыты мозги», — заявил ее муж, после чего, морщась от боли, вскарабкался на скейтборд и осторожно поехал из гостиной в кухню. Он утратил способность нормально ходить из-за новой программы физических упражнений, которую называл «Приучением щенка срать где надо» и практиковал в полной секретности в каком-то почти подпольном, почти сектантском спортзале, известном как «Зоопарк»; она пыталась его расспросить, но он упорно молчал.

• • •

После обеда ее отец садился смотреть вестерны,

чтобы день длился дольше — пока Джон Уэйн расхаживал по Мейн-стрит, солнце оставалось на небе. Она тоже испробовала этот способ, и он снова сработал. В голосе Уэйна потягивались и зевали ленивые рыжие псы. В посвященной ему статье на Википедии, которую она открыла на телефоне, сообщалось обо всем плохом, что он сделал в жизни, и о его раке, который он заработал на съемках в Юте, неподалеку от испытательного ядерного полигона. Пока он оставался на телеэкранах, он рождался опять и опять, сотни раз, и получал при рождении имя Мэрион. Джоан Дидион продолжала брать у него интервью в Мехико. На его могильном камне были навечно высечены слова: *Завтрашний день — самое важное в жизни. Он приходит к нам в полночь, свежий и чистый*. И день продолжался в послеполуденной неге, и она запостила в Сеть фотографию Уэйна в роли Чингисхана, и стояла на собственной тени ровно в полдень на Мейн-стрит, и завтрашний день не пришел.

• • •

Никогда раньше наши политики не были настолько искренними и простыми, настолько близкими к народу. «Кстати, хот-доги — это моя

любимая еда, — заявил один из них. — *Самая* любимая еда. Сразу за ними идут гамбургеры. И все удивляются: вы не любите стейки? Я люблю стейки, но хот-доги мне нравятся больше. Хот-доги и гамбургеры». И мы трепетали от радости узнавания, и смутные мысли о будущем голосовании обретали весомость и четкость у нас в головах, потому что мы тоже любили хот-доги и гамбургеры. Мы были простыми, обычными людьми, на чьих плечах лежит мир, мы проживали жизнь в придорожных закусочных, ходили в церковь у автозаправки, вместо любящих матерей у нас были грязные матрасы во дворе перед домом, и мы, черт побери, *очень даже любили хот-доги*.

• • •

«Это бред и бессмыслица!» — выкрикнул ей в лицо пожилой человек, шатко опираясь на трость. Он прочитал об этом мероприятии в настоящей бумажной газете. Он подписывал все свои эсэмэски: С любовью, дедушка.

«Это не бред! Это народное творчество!» — крикнула она в ответ. Вроде тех первых американских художниц, которые изображали детей с непомерно высокими лбами, то ли потому, что не знали,

как изобразить анатомически правильный лоб, то ли в силу сознательного стилистического выбора.

• • •

Правда о современной Америке скрывается в глубинах длинной ветки обсуждения под постом «Культура белого человека — это когда ты такой: «*Я музыкаааааант, я музыкаааааант*». Как и всякая правда, она почти невыносима и колет глаза. И все же ее обдавало жаром стыда каждый раз, когда ей попадались подобные обсуждения, потому что она только в двадцать два года сообразила, что «Калифорнийские изюминки» были расистами. Если бы она училась в университете, то додумалась бы раньше, уже в восемнадцать. Вот еще одна причина для ненависти к родителям.

• • •

В период овуляции она запостила в Сеть свою фотографию в бикини с тревожной подписью: «Лакомство для маленькой божьей собачки». Ровно через четырнадцать минут ей позвонила мама и спросила: «Ты же не атеистка, да?» «Я имела в виду совершенно другое» — уверила она маму и

объяснила, что ее пост был по сути очень христианским. Ее тело пыталось наполниться смыслом — единственным известным ему способом.

• • •

Золотой век авиапутешествий близился к закату — она это чувствовала нутром на взлетах и посадках. В последнее время вылеты постоянно задерживались, самолеты часами стояли на взлетно-посадочных полосах, стюардессы равнодушно таращились на нее, когда она бегала в туалет, чтобы отхлебнуть водки, налитой в пузырек из-под шампуня, и после семичасового перелета, когда все вставали со своих кресел — с нахмуренными лбами и грязной шерстью, — ей уже было понятно, как они будут выглядеть в образе людей-кротов в постапокалиптическом мире. И все же в каждом аэропорту, где ей доводилось бывать, непременно летала по залу маленькая безымянная бурая птичка, заполошно лавируя между стволами людских тел, и пела песню о своей территории, покрывавшей всю карту мира: города, страны, моря, небеса.

• • •

Что еще интересно: метафоры, которые мы создаем для описания того или иного явления, медленно и постепенно обретают буквальное значение, превращаясь в образчик того, что они обозначают: *мозговые глисты* ужимаются до извивающегося серого дюйма. *Галактический мозг* взрывается сверхновой звездой.

• • •

Ей очень хотелось, чтобы следующее поколение было избавлено от того периода во времени, когда числа болеют — роятся, сбиваются в тесную кучу, бросаются в пропасть с обрыва — и за каждым числом стоит человеческое существо. Но как теперь остановить то, что начато нами? Даже за океаном симуляция хлопала на ветру, точно флаг, рябящий луной, красным солнцем и звездами, и дорожный знак у обочины был исписан краской из баллончика (из чего же еще?), был исписан словами, что проникли повсюду: ПЛОСКАЯ ЗЕМЛЯ.

• • •

эта сучка объедет весь мир, всегда писала ее сестра в ответ на непрестанный поток фотографий из заморских стран. **она везде побывает, и все увидит, и тиснет в паспорт все штампы на свете.** И каждый раз, неизменно, она отвечала: **если мир останется на месте, он от нас не уйдет, ха-ха**

• • •

Она хорошо помнила, каким становилось лицо ее тети, когда та брала руки сына и заводила их ему за спину — в той игрушечной кухне, полной игрушечной еды. Она уже тогда начала сомневаться, стоит ли ей заводить детей, потому что всякое может случиться, и заранее не угадаешь, справишься ты или нет. Как вообще можно заранее знать, справишься ты или нет? Но она много думала о той маленькой девочке с двумя смешными косичками, которая однажды прошла мимо нее в самолете и мимоходом погладила ее по руке и ноге, и это было как дождь из мягких синих слив, ласковый град без боли и синяков. Удивление не покидало ее еще очень долго после

того, как малышка ушла, и пока она, запершись в туалете, задумчиво потягивала чистую водку из пузырька из-под шампуня, ее кожа вдруг расцвела жарким румянцем: видимо, она все-таки справится.

• • •

«Я была с вами, я ощущала свою сопричастность, пока вы не пошутили насчет горбунов». Последняя женщина в очереди из зрителей повернулась к ней спиной: из-под ее солнечно желтой рубашки выпирал горб, точно такой же, как у ее собственной бабушки, как бы гребенчатый и чуть приподнятый слева, и весь день до вечера у нее в ушах эхом звенели слова: *Я была с вами, я ощущала свою сопричастность,* — и она сама толком не понимала, что ее дернуло пошутить о горбунах, ведь у бабушки тоже был горб, и его очертания накрепко врезались в ее память, и она до сих пор ощущала его громаду под своей медленной и доверчивой детской ладонью.

• • •

Было даже какое-то утешение — пусть и горестное, безысходное — в том, как ее маленькое

окошко открылось навстречу извечной тайне бытия. Как в тот вечер она совершенно необъяснимо заказала большую тарелку немецкого картофельного салата — два года назад; до того, как все произошло, — а потом ей пришло сообщение, что умерла ее бабушка, которая готовила тот же салат, но по собственному рецепту, включавшему бекон, сахар, белый уксус, вареные яйца и еще какой-то старомодный и важный ингредиент, который она всегда забывала добавить. Может быть, семена сельдерея?

я сидела в «Аутбэк», когда это случилось, ела жареный в кляре луковый цветок, было написано в сообщении. **наверное, она бы хотела, чтобы так все и было**

• • •

«Вы поступаете правильно, богоугодно! — воскликнул нервный священник на похоронах. Он был убежден, что современный мир не уважает своих стариков, а значит, не почитает и Господа Бога, старейшего из всех ныне живущих старейшин. — В наше время, когда умирают родители, дети заворачивают их в ковер и зарывают на заднем дворе, как каких-то чихуа-хуа!» Нет, все не

так, обескураженно размышляла она. Для современного человека нет ничего любимее и дороже, чем медная урна с прахом усопшего чихуа-хуа, стоящая на видном месте на каминной полке. Он бы знал, если бы хоть раз вышел в Сеть.

• • •

Все это категорически несовременно, размышляла она, пока слушала, сидела, вставала и преклоняла колени, позволяя своему телу и голосу самостоятельно вспоминать давно позабытый ритуал, скорбь должна заключаться внутри своего собственного, замкнутого круга времени. Потом она быстро глянула вбок и увидела, как ее папа беспрестанно попыхивает электронной сигаретой на дальнем краю их семейной скамьи: сосет свою черную футуристическую штуковину, как голодный младенец — материнскую грудь, и, запрокинув голову к сводчатому потолку, выдыхает белые облака пара, словно душу умершей матери.

• • •

«Что мы скажем нашим внукам?» — спросила она у брата, накручивая на палец несуществую-

щий телефонный провод.

«То же самое, что говорили нам, — задумчиво ответил он. — Да, я тоже плескался в дерьме. Да, я тоже был там, лаял на полицейских собак. Да, я ходил на портал и требовал, чтобы диктатор сменил мне подгузник».

• • •

Пару лет назад муж купил ей ДНК-тест, еще до того, как стало известно, что все результаты хранятся в большом банке данных, чтобы когда-нибудь можно было посадить в тюрьму твоего дальнего родственника — за кражу буханки хлеба. Она вяло плюнула в пробирку, отправила в лабораторию и дождалась результата. Как оказалось, она была потомком одной из *filles du roi*, француженок из низшего сословия, отправленных за океан, чтобы выйти замуж за французских поселенцев в Канаде и тем самым вывести их из дремучей бобровой дикости. «Это многое объясняет, — простонал муж. — Это *все* объясняет». Да, наверное, объясняет. Ей представлялась ее ДНК, текущая из ее тела назад во времени, и время было заполнено лицами дальних родственников за тюремной решеткой, и почему-то именно она была виновата в том, что они там оказались. Ви-

новата хотя бы тем, что перевела часы на другую эпоху, минуя их всех; тем, что вообще родилась.

• • •

Однажды ей довелось выступать вместе с лектором, который смеялся голосом своего прадеда, хохотал пять минут кряду, в прямом смысле слова катался по полу от смеха; еще в самом начале он объяснил, что, когда он выступает на сцене, его предки всегда стоят рядом с ним, у него за спиной. Когда он закончил свое выступление, она разгладила ромашки у себя на платье, подошла к микрофону и объявила, щурясь на свой персональный прожектор: «У меня даже нет слов, чтобы передать, насколько всецело и полно моих предков здесь нет». Но затем ее голос внезапно наполнился силой, и она укоренилась на сцене, точно дерево, у которого есть душа, и открыла портал, где пребывал ее голос, и это было, наверное, лучшее из ее выступлений — она бурлила, как кровь, мчащаяся по артериям реальности, и вдруг осознала, что предки не только стоят за спиной, но еще и придут в мир опять.

• • •

Ее разбудила луна, ударив светом в окно. Ежедневно, в четыре утра, первобытное чувство опасности, долга и возможной угрозы волков поднимало ее с постели и велело пойти проверить костер. Она поднималась и шла, и костер мира по-прежнему горел в своем каменном круге, и она снова ложилась и пыталась уснуть, но лежала без сна еще час или два. Она представляла, как вырастает из крошечного семечка, тянется к небу бобовым стеблем, ее разум шелестит листьями и укрепляется с каждым побегом; как она развивается в нынешнюю себя из одноклеточного организма среди влажных, красиво расставленных папоротников. Вновь распускается, точно цветок, в материнской утробе, не зная вообще ничего о жизни снаружи. Как в портале на чужом языке или совсем в раннем детстве, когда ты еще не умеешь читать.

• • •

Вот что странно: все лучшее на портале как будто принадлежит всем и каждому. Бесполезно втолковывать «*Это мое*» какому-нибудь под-

ростку, который тщательно вырезал имя, лицо и отпечатки пальцев из твоих фраз. Ей это нравилось, нравился безразмерный свободный язык у нее в голове, это был и ее язык тоже. Фрагмент твоей жизни перерезает свою пуповину и размножается среди людей, поначалу нигде и совсем по чуть-чуть, а потом вдруг — везде и помногу. Все и никто. Бывают ли у _____ близнецы?

• • •

Слова, которые опалили огнем ее тело, когда она собиралась запостить их в портал, но не сейчас, а через год:

в какие странные времена мы — в кавычках — живем

• • •

смотри, вот она! — написала сестра и прислала ей снимок узи на двадцатой неделе беременности: как бы отпечаток большого пальца, проступавший оранжевым пятном в темноте. **видишь, какая большая у нее голова?**

привет, **малыш-инопланетянин!** — написала она в ответ. **добро пожаловать на нашу кош-**

марную планету!

Часть вторая

Несмотря ни на что, мир не рухнул. Что его удержало? Что не дало ему опрокинуться?

Когда-нибудь ты будешь тосковать и по этому времени тоже, если справишься и сумеешь жить дальше.

• • •

У выхода B-6 все было омыто золотым светом. Она сидела, свесив ногу с края плоской земли — так близко к тому, чтобы упасть, — пока не увидела пару с одинаковыми экстравагантными стрижками типа маллет. Муж достал щетку и принялся расчесывать свою длинную гриву на затылке, потом передал щетку жене, и та тоже стала причесываться, с точно таким же благоговейно торжественным видом, словно творила священнодействие; эти маллеты были их вотчиной, и, когда Бог снизойдет на их земли, там не будет ни камушка, ни пенька, ни сорной травинки. Они синхронно тряхнули головами, словно одной головой на двоих, взялись за руки и закрыли глаза. Она сидела в золотом сиянии,

превратившем этих двоих в точные подобия друг друга, и ей уже не так сильно хотелось умереть.

• • •

Курсор мигал там, где был ее разум. Она расставила в нужном порядке правдивые слова и вытолкнула их в портал. И они тут же стали неправдой, не такой правдой, которую она в них вкладывала изначально. Что создало вымысел? Расстояние, компоновка, акценты, пропорции? Может быть, правда становится ложью, когда входит в чью-то чужую жизнь и бьется, пустячная и пустая, о ее незыблемую громаду?

• • •

Идеальные дети вечно играют в портале — невозможно поверить, что они не повзрослеют, не обгонят нас в росте, не станут лучшими обезьянами на схеме эволюции человека.

• • •

Двадцатитрехлетний влиятельный блогер, властитель дум, сидел рядом с ней на банкетке и рассказывал о своих ощущениях как публич-

ной фигуры; у него была поразительно гладкая кожа, как будто и вовсе без пор. «Ты читал…? Ты читала…?» — наперебой говорили они друг другу. «Ты читал…? Ты читала…?» Они радостно поднимали ладони — мол, давай пять, — потому что обрели друг в друге не просто родственную душу, а кое-что даже лучше: их объем сетевого присутствия был абсолютно, счастливо и безнадежно аналогичным.

• • •

«У меня есть теория», — сказала она в микрофон и умолкла, потому что ей показалось, что в зале кто-то застонал. Она попыталась продолжить, но не смогла вспомнить, что собиралась сказать. Что-то о том, каково быть женщиной в современном мире.

• • •

В Вене крошечные пирожные похожи на грандиозные здания, или наоборот: грандиозные здания похожи на крошечные пирожные. Она ела и то, и другое, слой за слоем. А потом, на самом верху колеса обозрения, вознесшегося над Пратером, когда кофе плескался в ее желудке над

кронами лип, у нее загудел телефон — пришло два сообщения от мамы: **У нас беда** и **Как скоро ты сможешь приехать**?

• • •

скорее скорее скорее скорее

если мир останется на месте, он от нас не уйдет, ха-ха

• • •

Разрыв.

Разрыв.

Разрыв.

Разрыв.

Огромный разрыв в фоновом гуле поступающих новостей.

• • •

Вопрос, прежде являвший собою чистейший летучий компонент портала: кого я не могу защитить? — теперь обрел свой ответ, остановивший часы. Она тяжело вывалилась из обширного

теплого «мы», из истории, которая, как представлялось до самой последней минуты, настоятельно требовала ее постоянного соавторства. О, неужели, размышляла она как в тумане, падая, словно дождь, словно Алиса в кроличью нору, держа под мышкой пакет с замороженным зеленым горошком, однажды прифотошопленный ею к изображениям исторических изуверств, неужели я просто *бездарно тратила время* ?

• • •

«Женщины давно перестали так выглядеть!» — сердито объявил человек, сидевший рядом с ней в самолете по дороге домой. Он смотрел на расшитые блестками бедра Мэрилин Монро, сверкавшие, как рыбий хвост, на экране ее айпада. Она кивнула с неожиданным сочувствием. Хотя бы в этом она могла с ним согласиться: что женщины, при всем достигнутом ими прогрессе, уже не выглядят как Мэрилин. Женщины, размышляла она, обреченно растирая пальцем безнадежно испорченную стрелку на левом глазу, никогда больше не будут так выглядеть.

• • •

«Давай рассказывай, что случилось», — сказала она маме уже в машине. Последнее сообщение от мамы состояло сплошь из синих сердечек и голубых хлещущих капель, но теперь ей уже не хватило духу объяснить, что эти капли символизируют сперму. Мама уткнулась лбом в руль и расплакалась.

• • •

Искусство можно использовать для разных целей и в неожиданных ситуациях. Она стояла в больничном сумраке, сжимала тонкую руку сестры, убирала у нее со лба пряди выбеленных волос. Муж сестры нервно раскачивался на каблуках и казался совсем мальчишкой в своих баскетбольных шортах и резиновых шлепанцах. Врач-узист водила ультразвуковым датчиком по холму выпирающего живота, пока кабинет не наполнился гулким ударом сердца, красно-черного и как будто размытого по краям, но все-таки бьющегося, все-таки действующего. Они дожидались, когда малышка пошевелит диафрагмой, объяснила узист. Это покажет, что ее тело учится

дышать. Узист не сводила взгляда с монитора и так сильно давила датчиком, что сестра то и дело тихонечко вскрикивала. На мониторе покачивался крошечный сгусток всего мироздания, серый на черном, напоминавший архивные кадры на канале «История» и черно-белые снимки далекого космоса. Они ждали и ждали, но малышка не тренировалась в дыхании, не шевелила своей диафрагмой для подготовки к рождению, к пребыванию во внешнем мире — да и с чего бы ей было готовиться непонятно к чему? Они ждали и ждали, пока она не сказала сестре: «У меня есть идея», — и не включила на телефоне бодрые песни в исполнении сестер Эндрюс, и больничный сумрак наполнился желтым блеском латунных пуговиц на пиджаках с широченными лацканами, музыкой для мальчишек, чтобы слушать за океаном, вдали от дома, когда ты напуган и одинок, музыкой для жадных вдохов всей грудью, пока тебя не отправят на передовую. В свое время она принесла много пользы. И принесла пользу снова. Малышка все-таки задышала — в том пространстве, где это было не нужно.

• • •

Врач-узист видела все: голову, размеры которой опережали развитие тела на десять недель, асимметрию конечностей, глаза, которые не закрывались, — но ей было запрещено что-либо говорить. Она внесла в карту все данные измерений, ее сжатые губы напоминали плотно стянутый шов. В конце она застенчиво улыбнулась. «Мне понравилась ваша музыка», — сказала она.

• • •

Какое-то время все говорили только о том, что сестра наверняка потеряет ребенка, говорили с горечью и обреченностью. «Прости меня, но я думаю, — обращалась она к невидимому оппоненту, стоя под душем, — что у каждого младенца должна быть попа. Считайте меня старомодной, но я твердо убеждена, что у МЛАДЕНЦА! должна быть ПОПА! несмотря НИ НА ЧТО!».

• • •

Видел дочкины _____ на ультразвуке

Я так давно стал таким, что уже и не знаю, как быть другим. Как вообще быть

• • •

Никто из врачей, медсестер и приглашенных специалистов ни словом не обмолвился об аборте. Потому что на двадцать шестой неделе было уже поздно что-либо предпринимать? Потому что они находились в Огайо и губернатор уже давно был готов подписать страшный новый закон? Потому что больница была католической и в вестибюле стояла статуя Иисуса с ягненком на руках? Они так и не поняли. «Ты читала статью?» — спросила сестра как-то утром, и она сразу же поняла, о какой статье идет речь: женщина прилетела в Лас-Вегас за сотни миль, с боем пробилась сквозь бурлящую толпу протестующих и все же легла на операционный стол за пуленепробиваемым стеклом толщиной в шесть дюймов. «Я все думаю о протестующих, — сказала сестра. — Как они вопили, брызжа слюной. И никто из них не знал».

• • •

«Я тебя отвезу, — в отчаянии проговорила

она. — Я тебя отвезу. Я сделаю все, что захочешь. Только скажи». Сестра уныло кивнула. Им обеим представилась осуществимая пустыня, пронося-щаяся за окном, шалфей, и песок, и лиловые горы на горизонте — конечно, они никогда не бывали в Неваде, только видели фильм «Шоугёлз», — они обе знали, что поездка будет небезопасной, они обе знали, что родители навсегда перестанут с ними разговаривать.

• • •

Ей вспомнилась давняя поездка в Норвегию, когда как-то утром по дороге на рынок она услышала тонкий, высокий, напряженный звук, похожий на звон желтой нити, туго натянутой между пальцами. Звук бил по нервам, но не отдавался в зубах, а саднил где-то в затылке, и сразу было понятно, что это что-то религиозное. Это была песня против абортов в исполнении женщины в длинной марлевой юбке. Рядом с нею топтался мужчина в белом воротничке, с бубном в руках. Позади них стояли в обнимку два рыжеволосых веснушчатых парня с синдромом Дауна и прижимались друг к другу щеками.

О боже, подумала она тогда. Как только наши

пролайферы сообразят, что можно бить в бубен, это будет конец.

• • •

«На вашем месте, — сказала сестре одна из сотрудниц социальной службы, — я *сходила бы на пробежку и посмотрела бы, что потом произойдет*». Они изумленно уставились на нее. Но ведь это небезопасно? Или во времени случился какой-то сбой и они оказались в Ирландии пятидесятых? И что будет дальше? Кто-нибудь посоветует верное средство: выпить бутылку джина, лежа в горячей ванне?

• • •

Она опасалась не только за жизнь сестры, но и за ее оригинальность. Сестра так любила «Звездные войны», что пошла к алтарю под «Имперский марш». И вот этот порыв идти к алтарю под «Имперский марш» — который сам по себе был квинтэссенцией воли к жизни, той самой мелодией, что мы тихонечко напеваем в кромешной тьме, — сохранится ли он, когда все завершится так или иначе?

• • •

Она замолчала в портале; она знала, как это бывает. Когда скролишь ленту, ты упорно отводишь глаза от девиц, не умеющих красить губы строго по контуру, от тех, кто явно впадает в маниакальность, от сексуально озабоченных идиотов обоего пола, от доминатрикс, не имеющих ни малейшего представления о настоящих садистских практиках, от обнаженки, набравшей всего восемь лайков, от селфи с брызгами зубной пасты на зеркале в ванной, от картофельных салатов несъедобного вида, от журналистов, лепящих ошибки в прямом эфире, от проявлений животной слабости, заставляющей нас увеличивать расстояние между стаей и теми, кто от стаи отбился. Но чаще всего и упорнее всего ты отводишь глаза от людей, обезумевших в своем горе, чьи рты разверзаются, как пещеры с древними наскальными изображениями в глубине.

• • •

Если *она всегда была очень смешной,* и *смешного здесь не было ничего*, то как ей теперь быть?

• • •

«Ты хоть понимаешь, что жизнь твоей дочери в опасности?!» — шепотом крикнула она отцу, потому что голова малышки продолжала расти по экспоненте без всяких признаков замедления, и сестра уже почти не могла ходить из-за жутких резей в животе. «Ты понимаешь, что еще сто лет назад…» — она умолкла на полуслове, увидев слезы в отцовских глазах. Кажется, до него начало доходить, и ей была невыносима сама мысль о том, что именно *это* стало причиной его прозрения, после стольких лет. Она попыталась открыть дверь, но дверь была заперта; по радио играла песня Джорджа Торогуда «Отъявленный негодяй», и, хорошо зная привычки отца, она понимала, что он не выпустит ее из машины, пока не закончится песня.

• • •

«Чертовы полицейские!» — выкрикнула она, когда все-таки вырвалась из машины, яростно хлопнула дверью и принялась пинать заднюю шину со всей силы, скопившейся за тридцать шесть лет неукоснительного законопослуша-

ния. «Грязные… вонючие… свиньи!» — кричала она, наконец-то склонившись к радикализму, в печальное родное лицо в зеркале заднего вида — красное, как никогда.

• • •

Интересно, и как это новое знание будет сосуществовать с *В. Европе. Одна. Гомосятина*? Ей что-то подсказывало, что не будет никак. А если и будет, то очень недолго.

• • •

И все-таки он не выказывал обычного пренебрежения; он пытался быть милым. «Как… дела… на работе?» — спросил он за завтраком, и она вспомнила недавнее мероприятие, когда закинулась перед началом чем-то забористым, хоть и легальным, в компании каких-то книготорговцев, решила, что умирает, выпила целый графин огуречной воды, после чего картинно упала, ненароком сверкнув трусами перед почтеннейшей публикой, и при этом все время кричала, чтобы ей вызвали «Скорую». Ей вовсе не было стыдно ни тогда, ни теперь. Тот конфуз был не более чем повторением — миниатюрной

копией — унылой траектории ее пути к славе. «На работе *все просто отлично*», — сказала она отцу, скрестив беззащитные руки на своей незащищенной груди.

• • •

«Все, что могло бы пойти не так с мозгом ребенка, именно так и пошло», — говорили врачи, и она стала жить в этом мозге, мысленно путешествуя по его скрытым тропам и пытаясь понять, в чем значение того, что малышка никогда не узнает никаких новостей. Картина была совершенно абстрактной и даже красивой в своей абстракции. «Нейроны рассредоточились в изолированных областях, как бы в замкнутых капсулах, и никак не сообщаются друг с другом», — говорили врачи. Может быть, десять слов. Может быть, она будет вас узнавать. Они все смотрели на серое цветущее облако; они все втайне желали увидеть свой собственный мозг, где, как им хотелось бы верить, обязательно будут легко узнаваемые, затененные области полученных знаний. О, смотрите: восемь лет медицинского института. Смотрите: первый сезон «Фрейзера».

• • •

Невролог выделялась из всех остальных. Ее кожа слегка отливала мягким зеленоватым свечением, как у Мадонны, что балансирует в гроте на единственной ноге в форме русалочьего хвоста, и отблески моря отражаются на ее гладком лбу, за которым скрываются долгие, устремленные ввысь размышления. Казалось, она состояла — не меньше чем на четырнадцать процентов — из классической музыки, которую обычно слушают за учебой. Они извинялась через каждые две-три фразы. «Вы ни в чем не виноваты», — отвечала ее сестра, смахивая со щеки капли застывшего серебра, пока то устремление, что изначально заставило эту женщину заняться изучением мозга и посвятить себя неврологии, изливалось на них непрестанным потоком. Она лучилась, словно звезда в своем зафиксированном разъеме. И вновь и вновь повторяла: «Простите. Мне очень жаль».

• • •

Если малышка родится живой, врачи не верили, что она выживет. Если все-таки выживет,

врачи не верили, что она проживет долго. Если все-таки проживет долго, врачи совершенно не представляли, как она будет жить, пребывая внутри собственных ощущений. Кончики ее пальцев, ее уши, ее бессонные незакрывающиеся глаза, незримая зыбкая рябь по коже от посторонних прикосновений. По всем ее нежным краям, примыкающим к миру, где она переходит в иное, недоступное нам состояние. Тихая заводь, полная медленных пузырей, и морганий, и колышущихся сгустков ряски. Самобытное «я», но скорее как морская губка. Однако томимая жаждой.

• • •

Слова *«коллективная реальность»* растягивались в бесконечность, истончались на уголках, как голубое флисовое одеяло, неспособное укрыть ноги всем и каждому одновременно — всем, кто зябнет на одном и том же морозе. Представьте себе одеяло с простеганной атласной лентой по краю. У нас у всех было такое в детстве.

• • •

Что такое человеческое существо? Что такое человеческое существо? Что такое человече-

ское существо? — вопрос бился в ее голове в тот день, когда умерла горилла, осознававшая себя личностью. Но ведь в этом-то все и дело. Если позволить одной горилле быть личностью, само слово затопит потоком смыслов, пока дом детства не будет разрушен до основания, вплоть до решеток на окнах.

• • •

«Вот я снова в Огайо и снова гетеросексуальна», — вздохнула она. Так было всегда. Каждый раз, когда она возвращалась домой. Сразу, как только ей на глаза попадался первый из ресторанов сети «Quaker Steak and Lube», как только по радио начинала звучать первая песня Тома Петти, как бы тянувшая к молнии на ее джинсах — сразу, как только скорость ее машины на автостраде создавала трение, близкое к возгоранию.

• • •

Подростком она пыталась писать стихи о красоте окружающего ее мира. Но окружающий ее мир был настолько уродливым, что она быстро забросила это занятие. Почему все деревья были такими чахлыми и корявыми? Почему реклама

зала игровых автоматов напоминала рекламу разнузданного борделя? Почему ее мама коллекционировала фарфоровых куколок из серии «Драгоценные мгновения», почему птицы как будто чирикали БУР-ГЕР-КИНГ, БУР-ГЕР-КИНГ и почему в минуты предельного одиночества она мурлыкала себе под нос музыкальную заставку к рекламному ролику местного адвоката по делам о несчастных случаях на производстве, мелодию настолько заразную, что ее запросто можно было причислить к инфекционным болезням?

• • •

Она понимала, что если бы осталась, то, наверное, тоже пристрастилась бы к антидепрессантам. Из-за волглых и тусклых, опавших листьев цвета бумажных пакетов для школьных завтраков, что вяло плещутся в осенних канавах. Из-за снега, который так долго не тает, уже надоевший и нежеланный, как нелюбимая жена. Из-за воспоминаний о таблице умножения с ее тучным, всепоглощающим нулем в уголке и о привкусе мела на языке.

• • •

Но она все же сбежала, канула в интернет. И лишь недавно сообразила, что спаслась только чудом, потому что в последнее время в портале начали появляться какие-то люди, повылезшие из щелей, — люди, которые признавались, что были как никогда близки к радикализму, что они тоже целыми днями бродили по канализации коммунального разума, с пересохшими губами и мокрыми подмышками. Что они подвергались воздействию светящегося мутагенного ила так долго, что стали донельзя смешными и донельзя проницательными — и отрастили себе пресловутый всевидящий третий глаз.

• • •

Вдоль магистрали стояли большие рекламные щиты: НУЖНА ПОЧКА ДЛЯ МЕЛИССЫ. НУЖНА ПОЧКА ДЛЯ РЭНДИ. НУЖНА ПОЧКА ДЛЯ ЖАНИН, — с телефонными номерами, как бы написанными от руки толстым маркером. Она все же не выдержала и спросила: «Мам, что это за объявления?»

«Я впервые их вижу, — сказала мама, щурясь сквозь очки. — Это, наверное, какая-то афера».

«Афера для каких целей?»

Мама долго молчала. «Чтобы заполучить почку», — наконец проговорила она, глядя на дочь как на законченную идиотку.

• • •

Реформа здравоохранения и защиты пациентов, проведенная президентом Обамой, предусматривала выделение денежных средств на секвенирование полного экзома ДНК для малышки, что было приятно еще и по мелочной личной причине: теперь ее папа никогда больше не скажет ни слова *этим своим тоном*. «Не ждите слишком уж многого, — сказал им генетик. — Мы ищем одну-единственную опечатку в одном-единственном слове на какой-то одной из страниц в очень большой длинной книге». На мгновение ей показалось, что он забрел на ее территорию. Все, что в ней было животного, ощетинилось. Ей невольно подумалось: *чиххать*.

• • •

Ошибка скрывалась на неприметно заросшей тропинке, что означало, что происходящее с малышкой невозможно остановить. В ее руках и ногах, в ее сердце и голове присутствовал некий абсолютизм, почти граничащий с радостью. В материнской утробе она была фейерверком энергии и напора, ежеминутно она объявляла свою готовность, ежеминутно она говорила: вы же возьмете меня в игру?

• • •

Из-за этой энергии и напора, из-за этого искрящегося упорства малышка казалась приспособленной к жизни лучше, чем они все, вместе взятые, — она была *самой жизнью*, неожиданным и грандиозным стремлением, рывком из моря на сушу. «Я думала, она сильнее других младенцев», — говорила сестра и была права. «Я думала, она меня защищает», — говорила сестра, и кто стал бы ей возражать?

• • •

Мы так мало знаем о _____!

• • •

Их сердца сжались от ужаса, когда все-таки прозвучали пять худших слов во всем английском языке. *В Огайо приняли новый закон.* Стимуляция родов на сроках беременности до тридцати семи недель теперь расценивалась как особо тяжкое преступление — независимо от обстоятельств. Даже при явных медицинских показаниях. Как бы сильно ни выросла голова у младенца. Раньше это считалось уголовным проступком и преследовалось не столь сурово. Закон вступил в силу месяц назад, еще совсем новый, сам — новорожденный младенец, и никто не знал, чей это ребенок, и на лицах врачей читался неприкрытый страх.

• • •

Я напишу статью! — в бешенстве размышляла она. Я разнесу все к чертям. Я расскажу миру об этом кошмаре. Я… я… я *выложу пост*!

• • •

«Законы пишут мужчины, — сказала она маме, — а они даже не знают, из какой дырочки девочки писают». Однажды она потратила целый день, пытаясь разобраться с этим вопросом с помощью ручного зеркальца — подарка от косметической фирмы «Клиник» за покупку ее продукции — и экстремальных акробатических вывихов, которые ей уже никогда не повторить. Это действительно было очень непросто.

• • •

«Наверняка есть исключения», — внезапно высказался ее папа, человек, превративший всю свою жизнь в крестовый поход против всяческих исключений. Его белая волосатая рука потянулась к ремню на брюках, как бывало всегда, когда он чего-то боялся. Ему не хотелось жить в мире, который он сам же и создал, но кому из нас хочется, если по правде?

• • •

Вот что еще он сказал: «Аборты делают вплоть

до последней минуты… ну, вы же в курсе, *здоровье матери*». Последнюю фразу он обозначил кавычками в воздухе, хотя его дочь была рядом, сидела прямо перед ним в инвалидной коляске. Когда эта фраза разбудила ее на багряном участке ночи, она взяла с тумбочки телефон, запостила в портал три слова: *в жопу полицию*, — дождалась, когда пост наберет шестьдесят девять лайков, и снесла его на хрен. Это ребячество уняло дрожь беспомощности у нее в животе — настолько явственную, что казалось, будто там бьется еще один пульс.

• • •

Малышка была информацией, распечатанной на розовых листах. Малышка не знала, что происходит. Малышка пиналась и делала вид, будто дышит под звуки сверкающих горнов: не сиди под яблоней, Элла и Дюк, Америка, к которой она готовилась присоединиться, в которой *уже* пребывала и, наверное, *уже* кое-что поняла, Америка! Малышка буквально взбесилась, когда ее мама выпила одну-единственную баночку кока-колы.

• • •

Лицо сестры наливалось густым кирпично-красным румянцем каждый раз, когда кто-то из женщин в приемной — особенно из тех женщин, кому явно скоро рожать, — выбегала на улицу покурить. Однажды, чтобы поднять настроение сестре, она хотела пересказать ей тот пост, где человек утверждал, что, если ты призываешь беременных не потреблять героин, это чистой воды классовая дискриминация. Ха-ха, смешной пост! Она громко расхохоталась при одном только воспоминании, но тут же умолкла, услышав себя. Лет пять назад, по приколу, она заимела привычку смеяться ведьминским смехом, и теперь уже не могла остановиться.

• • •

«У вас есть дети?» — спросила ее медсестра. Нет. Она молчала так долго, что прямо физически ощущала, как растут ее волосы. У меня есть кот. По имени Доктор Вжопедыра.

• • •

В течение всех этих недель к ней подходили на улицах чужие собаки, тыкались мягкими мокрыми носами в ее ладонь, и она всегда говорила все те же два слова, никогда не задумываясь, правду она говорит или нет, потому что, когда бессловесная тварь подбегает к тебе на улице и доверчиво тычется носом в ладонь от избытка любви, и ты произносишь на автомате: «*Я знаю, я знаю*», — с кем еще ты говоришь, как не с миром?

• • •

По вечерам, чтобы не думать о грустном, они смотрели «Речных монстров». Каждая серия начиналась с того, что голубоглазый британец-ведущий приезжал в какую-то глухую деревню, где рыбаки исчезали один за другим, утянутые на дно, растерзанные в клочья, проглоченные неведомым библейским чудовищем. И до конца серии голубоглазый ведущий наблюдал за извилистой рябью на воде, пока — не всегда, но достаточно часто — не вылавливал нечто огромное и монструозное, нечто доисторическое с ясными ледяными глазами, нечто дышащее лунным све-

том, сверкающим в жабрах, и говорил, что оно очень красивое, и отпускал его в реку.

• • •

По вечерам, чтобы не думать о грустном, они смотрели баскетбольные матчи с участием Леброна Джеймса. Стопы ног его были исполнены гениальности. Розовые кончики его пальцев были исполнены гениальности. В его руках мяч превращался в гения; кольцо корзины, принимавшее его бросок, превращалось в гения; воздух, который он пробивал своим телом, был затаенным дыханием зрителей — да, да, эврика; он летал по площадке, обгоняя все, о чем они даже не ведали; проржавелый город расправлял плечи и поднимался к луне; глядя на этого человека, весь мир искрил гениальностью.

• • •

На профессионально-непроницаемых лицах врачей читался живой интерес. Прямо в присутствии ее сестры они делили будущую плаценту, будущую пуповинную кровь, кровь матери, кровь ребенка. Каждый хотел получить свою долю. «Я никогда в жизни такого не видела, — объявила

одна из генетиков на грани истерики, — и больше уже никогда не увижу! До конца моих дней!»

Нервная, легко возбудимая *сючка* со склонностью к драме, подумала она. Слова сплетались у нее в голове как охранное заклинание. Как оберег от того, к чему их готовили прямо сейчас.

• • •

Секвенирование полного экзома все-таки выявило опечатку, одну недостающую букву в очень большой длинной книге. Семья сидела за круглым столом под градом сыпавшихся на них слов, которых хватило бы на целый словарь. Врачи говорили: *синдром Протея*, — врачи говорили: *один случай на миллиард*, — и все время подразумевали: *Человек-слон*. Она думала о пустых викторианских комнатах с гулко тикающими часами на заднем плане, о человеческом достоинстве, о диалогах и гриме в фильме — из которого, по идее, мы должны были что-то понять, но не поняли вообще ничего. Она думала о словах на афише: Я — ЧЕЛОВЕК!

Под конец жизни, как написано в Википедии, Человек-слон лег головой на подушку, чтобы поспать, как все люди, и задохнулся под весом

собственной головы, перегнувшей тонкую шею. Но Википедии в принципе нельзя доверять, и уж тем более нельзя доверять информации, содержащейся в самом конце всякой википедийной статьи.

• • •

Ей даже хотелось, чтобы главный генетик принялся объяснять, кто такой Протей. Ей даже хотелось, чтобы он вытянул над столом свои толстые, загрубевшие от постоянного соприкосновения с чудом, именитые руки и изобразил пантомимой, как изменчивая вода утекает сквозь пальцы: вот она еще есть, а вот ее уже нет. Если бы он принялся объяснять, она стукнула бы кулаком по столу со всей силы и сказала: «С кем, по-вашему, вы сейчас говорите? В свое время я *фанатела от мифологии*».

• • •

Малышка стала первым и единственным случаем синдрома Протея, диагностированным в утробе. Волнение в комнате было почти осязаемым — ощутимым, как крепкое яблоко, — поскольку на древе познания внезапно созрел

апельсин. «И все-таки, — настоятельно призывали врачи, — когда придете домой, не ищите никакой информации в интернете». Собственно, в этом-то и заключалось основное различие между прошлым и нынешним поколением. Она скорее умрет, чем не станет искать информацию. Умрет в прямом смысле слова.

• • •

«Доказано, что эффективность стимуляции повышается на 3 %, когда что-то плохое происходит с хорошими людьми», — написал человек с ником БеконЭмбрион на сетевом форуме, где шло жаркое обсуждение другого случая синдрома Протея, когда у женщины заново выросли ампутированные ноги. «Во всем есть свои плюсы, — ответил кто-то. — Это же круто! Еще больше ног!»

• • •

Люди ездили к сосновым хижинам на окраине города, говорила она малышке, включив старый джаз животу своей сестры. Люди ходили в ночные клубы, и вальяжно сидели под пальмами, и вынимали из задних карманов серебристые фляжки. Это было страшное время, говорила она

малышке. Лучшие исполнители были черными, и в Америке действовали законы о расовой сегрегации. Лучшие исполнители были евреями, и началась Вторая мировая война. Но музыканты играли и после непреложного комендантского часа, музыканты играли, пока хоть кому-то хотелось танцевать. Их трубы как будто кричали: «Я здесь, я здесь».

• • •

К ним домой пришла сотрудница центра арт-терапии, уселась за кухонный стол, принялась распаковывать свои цветные карандаши, акварельные и пастельные краски с очаровательной несообразностью девушки, которая втыкает ромашку в ствол автомата. Ей хотелось кричать во весь голос: «Искусство?! Ты всерьез полагаешь, что искусство поможет в такой ситуации, сраная ты хиппушка?»

• • •

В полночь сестра прижалась к ней еще теснее, ее живот был горячим, как земное ядро, ее дыхание бурлило жаром, как атмосфера Венеры, планеты любви, когда она произнесла: «Может

быть… она нам поможет… что-то понять».

• • •

Сестра часто говорила о цифрах: с какой вероятностью *все идет хорошо* и как механизм человеческого размножения *по большей части работает хорошо*. Если держать в голове мощный водопад данных в результатах экзомного секвенирования малышки, невозможно не думать о том, что существует некая сила тяготения, некий магнит, что капли ртути, соприкасающиеся друг с другом, сливаются в одну каплю, что стая птиц действует как единый организм. Цифры по большей части ничем не болеют, с цифрами по большей части все хорошо.

• • •

Можно было попробовать помолиться. Надеть белую ночную рубашку, встать на колени, сложить ладони перед собой — хотя она сомневалась, что ее молитвы будут услышаны, если учесть, что недавно она написала в портале, что *иисус был той еще шлюхой*.

• • •

«Я не вижу, что в этом ничего хорошего», — прошептала ее мама в крошечном тесном пространстве машины, где теперь проходили все их совместные, более-менее сдержанные вспышки ярости, возникавшие сразу, как только они выходили из дома. Мама согнулась над рулем, ее спина загорбатилась, как у бабушки. Вчера вечером они смотрели старые слайды и ели попкорн, и среди теплого свечения кадров из 1976 года она увидела свою юную маму, девочку-подростка в раздельном купальнике, с точно таким же плоским животом, какой прежде был у сестры — стоящей у окна в одних прозрачных стрингах и бейсболке «Цинциннати Бенгалс».

• • •

Вот что произошло: у них были знакомства. У них были знакомства в больнице, и гора документации о случае с ее сестрой поднялась наверх, будто сливки на молоке. Когда Комитет по вопросам этики все-таки дал разрешение на стимуляцию родов на тридцать пятой неделе, женщина-врач с шелковым платком на голове и

золотыми часами «Майкл Корс», врач, которой, возможно, теперь запрещен въезд в страну, врач, которой не разрешалось заводить разговор о прерывании беременности, врач, чей живот, может быть, свело спазмом боли, когда мы проиграли дело в Верховном суде, врач в самом деле расплакалась.

• • •

Она размышляла о женщинах в строгих деловых костюмах цвета темного винограда, о женщинах с гладко зачесанными волосами, о женщинах, выступавших на заседаниях комитетов сената. Лица сенаторов всегда были очень удобно закрыты — и заперты — перед ними, как двери государственных учреждений во время федеральных праздников. С ними, с этими женщинами, произошло самое страшное, а значит, они наверняка сделали что-то такое, за что теперь понесли наказание, ибо каждому воздается по заслугам. Они не знали вообще ничего о том отрезке времени, когда мы пребывали внутри напряженного бицепса за миг до того, как он сократился, когда мы еще не были теми, с кем произошло страшное.

• • •

Жуткая стоковая фотография, где пожилой гинеколог сидит на корточках между ног у беременной женщины и ест большой пышный сэндвич.

• • •

По стенам больницы тянулись ряды керамических мемориальных плиток, видимо настолько дешевых, что их могли заказать даже самые бедные семьи. Она потихоньку выскальзывала из приемной и подолгу бродила по коридорам, одержимо фотографируя эти плитки, многие из которых были украшены плохими рисунками. Рональд Макдоналд с поднятым вверх большим пальцем: что он одобряет? Она невольно поежилась. Пугающе огромная жаба по имени БОЛЬШОЙ БИЛЛИ. Фотография младенца в оперенном индейском головном уборе, младенца, умершего в 1971 году, когда подобные вещи еще считались нормальными и допустимыми.

• • •

Как далеко должно отойти слово от своего изначального источника, чтобы сделаться полностью неузнаваемым? Как только не пишут в портале простое английское слово *baby*, малыш: babey, babby, bhabie. Даже в словарях современного английского языка допускается написание: *babe, babee, babi*. И все же в любой вариации смысл проступает на первый план, долговечный, как сама душа, запеленутая в свивальник.

• • •

Миндаль в вазочках в приемном покое. Пронзительный крик из глубин родовой палаты. Фотографы с «Вот уж спать я ложусь»[1] в головах вмиг обступили тесным кольцом ее сестру и мужа сестры, чтобы успеть сделать впечатляющие черно-белые снимки малышки, пока она не поки-

---

[1] Примечания: 1

Старинная детская молитва перед сном, известная в англоязычной культуре с XVIII века.

Вот уж спать я ложусь,
Боженька, милый, храни мою душу.
Если наутро я не проснусь,
Боженька, милый, прими мою душу.

нула этот мир. Но она не покинула этот мир, она решила остаться, она распустилась, как влажный весенний росток, и стала жить.

«Я уверена, что малышка родится, и я уверена, что она закричит», — еще в самом начале сказала невролог, излучавшая зеленоватое морское сияние. Единственная из всех врачей.

Она помнила специфическую наседающую боль портала, где происходило все что угодно, кроме *вот этого*. Но теперь прежде непоколебимая убежденность, что за нее думает кто-то другой, обосновавшийся у нее в голове, сошла на нет.

• • •

Все тревоги за то, *что такое человеческий разум*, исчезли сразу, как только она впервые взяла на руки малышку. Разум — всего лишь некая сущность, что пытается приспособиться к миру. Малышка, как мягкий розовый мачете, прорубала себе дорогу сквозь живую листву. Дорога была дорогой была дорогой была дорогой. Дорога была и душою, и личностью, и разумом: руби и иди, руби и иди.

• • •

Лучше бы она не читала ту статью о разумности осьминогов! Потому что теперь каждый раз, отрезая кусочек от опаленного щупальца среди невинного молодого картофеля, она думала про себя: Я ем разумное существо, я ем разумное существо, я ем чистейший образчик предмета своих размышлений.

• • •

Когда малышка впервые взяла материнскую грудь, она склонилась над плечом сестры, чтобы заснять это событие на телефон, помещенный в прозрачный продезинфицированный пакет — и получилось, как будто все снимки сделаны на небесах. С такого ракурса шея сестры обрела гладкую текстуру мраморной купальни для птиц, особенно при максимальном приближении. Крошечное крылатое существо, розовый промельк, расплывчатый красный кардинал вспыхнул на ее белой поверхности и принялся пить.

• • •

Ее саму назначили крестной. Это слово всегда ассоциировалось у нее с феей-крестной, со взмахом волшебной палочки, превращающей что-то одно во что-то другое. Легкий удар по лбу — всегда только по лбу! — и мышиные контуры вдруг взмывают в застывшее, белое, необъятное небо.

• • •

«Такая красавица», — ворковали медсестры над малышкой в ее накрахмаленном белом крестильном платьице, с ее огромными глазами, глядящими с тихой усмешкой на этот серьезный и несущественный человеческий ритуал. Ее сердце наполнилось торжествующей радостью, когда священник принялся лить воду из сколотой по краям морской раковины, потому что вот наконец есть дитя, которого не напугает религия, вот есть дитя, которого никто не заставит бояться посмертия.

• • •

Она восхищалась малышкой до дрожи в коле-

нях. Малышка прекрасно справлялась. Малышка была *великолепна*. Каждая ее клеточка, тянущаяся вовне, была исполнена гениальности, как у того человека с баскетбольным мячом, чье тело всегда знало, что делать. Ее глаза двигались непрестанно, хотя она была незрячей — и всегда будет незрячей, это стало понятно с самого начала, потому что на месте ее зрачков тускло поблескивали, как драконья чешуя, две размытые капли нездешнего света. Ну и что? Ну и что? Все равно все население Земли должно ликовать и устраивать праздник всякий раз, когда малышка машет крошечными ручонками, дышит, как дышим все мы. Реагирует на знакомые голоса. Радость! Великая радость!

• • •

Удивительно, как с появлением малышки она полностью выпала из обычного течения жизни. Она стала сияющим хирургическим инструментом, готовым к действию в самой критической ситуации. Она выпивала залпом обжигающий больничный кофе, шумно выдыхала ртом, как Джордж Клуни в «Скорой помощи», словно ей предстояла сложнейшая экстренная операция: вырезать опухоль, что давила на зрительный

нерв всего мира. Ей хотелось носиться по улицам, останавливать незнакомых людей и кричать им в лицо: «Вы знаете, что происходит? Вы должны знать! О таком никто не говорит! О таком вообще не говорят!»

• • •

Да, она становилась сияющим скальпелем, готовым к действию, вплоть до момента, когда пора было ложиться спать, и, как только за ней закрывалась дверь спальни, она взрывалась белым туманом из слез и странных сдавленных звуков, существовавших задолго до появления человеческого языка. Все последние пару лет она только и делала, что вбирала в себя информацию, а теперь… прикинь, сучка! В тебя больше не влезет! Она целыми днями пила информацию, но ей никто не сообщал самого главного. Ей никто не говорил, как долго малышка пробудет с ними, как долго продлится открытое облако ее бытия.

• • •

Ощущение, подобное тысяче мельтешащих, порхающих поцелуев. Как долго она это выдержит? Она смогла просидеть всего пару минут,

опустив ноги в аквариум с рыбками *garra rufa*, а потом резко встала и объявила, что они *слишком много себе позволяют*, что они *объедают с нее больше кожи, чем со всех остальных*. Девушка-администратор попыталась ее удержать, попыталась убедить, что уже совсем скоро ее стопы станут мягкими, как у младенца, надо лишь проявить немного терпения, и тогда рыбки отшелушат ее ножки до их изначального идеального состояния, но она расплатилась наличными, и пулей вылетела из салона, и только минут через двадцать сообразила, что потеряла свои вьетнамки где-то на раскаленной асфальтовой мостовой.

• • •

У них в доме работал телевизионный канал, который показывал малышку в размытом черно-белом изображении, как на камерах наблюдения в супермаркетах, отчего постоянно казалось, что малышка замыслила кражу пачки сигарет. Они включали этот канал по ночам, каждый — в своей отдельной комнате, и ей представлялось, что то же самое делают ангелы на небесах, смотрят канал, где идет передача с малышкой. Если у нее с ножки сползет носочек, они поднимут тревогу и Бог войдет в кадр из ниоткуда и наденет носо-

чек обратно.

• • •

Ее гостевая комната, в голубых и ванильных тонах, выходила окном не во двор, а на улицу. В углу стояла большая бутылка картофельной водки, на полке — все книги, которые она дарила сестре на Рождество, начиная еще с тех времен, когда они обе были подростками. Выбравшись из тумана слепящих слез, она встревоженно проверяла канал с малышкой, наливала себе теплой водки — на два пальца в стакан для воды — и ложилась читать, съезжая все ниже и ниже с подушки, пока предложения на странице не раздевались, готовясь ко сну, пока ей больше не делалось страшно от мысли, что в мире есть столько всего, о чем не написано в книгах.

• • •

«Наверное, когда закончится водка, я уеду домой», — говорила она себе, словно в противоположность Золушке, хотя хрустальный стакан, как хрустальная туфелька, подходил ей идеально.

• • •

Среди книг на полке был секс-дневник, заключавший в себе специфическое пограничное очарование сетевой литературы, созданной до 11 сентября. Глаза у женщины, написавшей этот дневник, были как синие блестки, она носила смешные два хвостика и не признавала никаких запретов. Она так описывала Нью-Хэмпшир, что тебе сразу хотелось туда поехать: бездонный провал среди черного льда, гудящий, как вывеска МЫ РАБОТАЕМ КРУГЛОСУТОЧНО. Кофе по утрам, волнующая электронная переписка после полудня, одинокие приготовления к сексу втроем ближе к ночи.

Казалось, что только из этого и состоит ее жизнь, но это была лишь одна комната в доме. В другой комнате жил ее сын, Вольфганг — или попросту Вольф, — родившийся с микроделецией, то есть с потерей участка одной хромосомы. Раз в несколько лет, с непростительной претензией на близкое знакомство, которую нам дозволяет нынешний век, она искала в Сети информацию о них обоих, чтобы выяснить… что? Вольф был еще жив, и, когда она проверяла в последний раз, он стал ревностным христианином, писал маслом

прекрасные автопортреты и постоянно слушал прогноз погоды. «Я себя чувствую в безопасности, когда слушаю прогноз погоды, потому что… если его не слушать, то как я узнаю, что произойдет?»

• • •

Она снова нашла их в Сети; не смогла удержаться. Мама Вольфа взяла у него интервью и попросила подробнее рассказать об апокалипсисе.

«Если люди поклоняются дьяволу в образе колдовства и плохого кино, Бог сожжет землю, когда придет к нам сюда. Но мы спасемся у врат Священного города. Там всегда ясно, и солнечно, и тепло. Но мы почувствуем это тепло по-другому, не так, как сейчас, потому что у нас больше не будет нынешних тел — больше не будет болезней и переломов. Мы будем уже не ходить, а летать сквозь тепло. У нас останутся наши сердца, у нас останутся наши души, они будут полниться радостью и любовью, но не будут соприкасаться с материей так, как сейчас, не будут чувствовать боли. Все станут вегетарианцами, и животные будут свободны. Мы обретем новую землю, чистую и сладчайшую, где будет только весна и лето. И

никакого загрязнения воздуха».

• • •

Ей приснилось, что она беременна, и ее охватил панический ужас, когда она поняла, что все это время пила и курила — сигарета у нее в руке разворачивалась, как бумажный журавлик, кубики льда у нее в бокале сотрясались геологическими толчками. В окно ударил луч красного света, пробил ей живот, и она стала прозрачной: в океане, плещущемся внутри, был ребенок с большой головой и длинными лягушачьими ручками-ножками — он лежал лицом вверх, и его губы раскрылись, как роза мира, когда он спросил у нее почти со смехом: *зачем вы так с нами?*

• • •

Волшебная жидкость спасала ее по ночам, но на рассвете ей приходилось буквально за шиворот вытаскивать себя из постели и кричать: «Здравствуй, солнце! С добрым утром!» Потому что иначе — никак. Для того чтобы жизнь продолжалась, ей нужно было как можно скорее попасть в больницу, непрестанно сжимая в руке почти обжигающий стаканчик с кофе, проезжая

на красный свет бок о бок с мамой, слушая по радио кавер на «Африку» Тото и очень стараясь не подпевать, но все же срываясь на строчке: «Я БЛАГОСЛОВЛЯЮ ДОЖДИ!»

• • •

Что означала история для их малышки? Звуки тихого голоса. Подтверждение, что мир снаружи еще существует, что все идет своим чередом. Кровь кипит в жилах непрерывности бытия, день течет в своем русле. Когда начинал звучать голос, рассказывающий историю, малышка закатывала глаза, синие-синие, иногда вся дрожала — наверняка от радостного волнения, — стараясь преодолеть свою крошечность и стать такой же огромной, как то, что давило на нее извне. Под замкнутым куполом ее головы ртутные капельки всего, что есть, пытались слиться в одну каплю.

• • •

«Пароксизмальные судороги», — сказал врач и выписал фенобарбитал. Она посмотрела на него поверх кончика носа, как чайка, потому что, если бы он попросил назвать имена ста святых и пустынных отшельников, страдавших эпилеп-

сией, она перечислила бы их всех, в алфавитном порядке, начиная с буквы А.

• • •

Однажды она читала малышке вслух, и ей попалась история о маленькой девочке, которая умерла и поселилась на небесах, и «малые пташки приносили ей вести из мира живых». Она не любила пропускать куски текста, это претило ее натуре, поэтому она продолжала читать, но все тише и тише, пока ее голос не сделался настолько слабым, что даже малые пташки не унесли бы его на небо, однако малышка ничего не заметила.

• • •

Она с трудом вспоминала свою прежнюю жизнь, полеты сквозь голубое разреженное пространство, билеты в руке, штампы в паспорте, обворожительно острые изломы чужеземных пространств. Еще труднее было вспомнить, что она делала, когда не пребывала в разъездах. В памяти неизменно вставала одна и та же картина: как она открывает блокнот и усердно выводит на чистой странице: «*о боже, молот тора символизировал мужской член»,* — с ощущением

невероятного удовлетворения от хорошо выполненной работы.

• • •

Сквозь мембрану белой больничной стены она ощущала пульс жизни, продолжавшейся без нее, грандиозные споры о том, можно ли говорить фразу «умственно отсталый» в подкасте. Она прижала ладонь к белой стене, и сердце билось ритмично и ровно, как и положено крепкому здоровому сердцу. Но ее уже не было в этом теле.

• • •

я была с вами, я ощущала свою сопричастность, пока

• • •

В палисаднике у соседей стоял бетонный гусь, которого наряжали по случаю, по погоде или по прихоти: желтый плащ с капюшоном в дождливые дни, корзинка с крашеными яйцами на Пасху, миниатюрная спортивная фуфайка в игровой день. Она сделала пост об этом гусе, просто чтобы обозначить в портале, что она еще жива, и

ей позвонил журналист сетевого издания — хотел взять у нее интервью для душевной, оптимистической публикации, которая даст людям повод отвлечься от новостей. «Этот гусь подготовлен на все случаи жизни, — не без пафоса проговорила она, расхаживая взад-вперед по пятачку для курящих перед входом с больницу, со стаканчиком кофе в руке. — У него есть наряды на каждый день, на каждый праздник в календаре». Но, когда журналист задал вопрос, что она делает в Огайо, она потеряла дар речи, все симпатичные крошечные одежки для облачения языка разом исчезли, потому что… как ты нарядишь гуся для *такого*?

• • •

В приемной ОРИТН, отделения реанимации и интенсивной терапии новорожденных, стоит телевизор, и в телевизоре говорят, что диктатор все-таки перегнул палку. На следующий день в телевизоре говорят, что нет, все-таки не перегнул — на самом деле такого понятия как «перегнуть палку» больше не существует.

• • •

Чей-то отец в патриотично-региональном ка-

муфляжном костюме переключился с новостей на «Древних пришельцев», где выдвигали гипотезу, что смерть была прозвана Мрачным Жнецом в эпоху Средневековья, когда пришельцы из космоса заражали наши зерновые поля патогенными микроорганизмами. Мужчина смотрел на экран. Она украдкой за ним наблюдала. Некая незримая стрелка у него на лице неуклонно сдвигалась с «*Возможно*» на «*Вполне убедительно*» и «*Я умру за эту веру*», — что было бы странно, если не знать о неистовом писке аппаратов жизнеобеспечения, к которым подключена его дочь.

• • •

В ОРИТН был младенец по имени Бо, он плакал, когда оставался один, и смеялся, когда рядом с ним кто-то был. Каждый день медсестра приносила Бо зеркальце, он смотрел на свое отражение и громко смеялся, пока это действительно не начинало казаться смешным — несообразность, почти нереальность происходящего, тот факт, что они здесь все вместе. Где наш Бо? Вот наш Бо. Вот он, наш маленький Бо.

• • •

Мама Бо называла его «зонд для питания чизбургером». Такие мелочи очень важны: когда твой ребенок питается через зонд, надо называть его чизбургером, потому что иначе придется признать, что зонд для питания все-таки победил.

• • •

Муж приехал к ней на выходные и оказался физически неспособен выдерживать в ОРИТН больше одного часа. «Я и не подозревал, как крепко все завязано на ребенке, — угрюмо проговорил он, слово ХВАТИТ! виднелось под самой линией роста его волос. — Чтобы тебя успокоить, чтобы создать ощущение, будто в мире снаружи не происходит ничего плохого. А тут их целое отделение… у тебя нет ни единого шанса».

• • •

«Дискриминация инвалидов, — сказал муж, впервые столкнувшись с этой концепцией. — Получается, Моби Дик… дискриминировал… капитана Ахава?»

«Нет, — сказал она, схватившись за голову. — Нет. Нет. Нет. Нет».

Он никогда не умел разбираться в таких вещах. Например, он был уверен, что дискриминация женщин — это когда «кто-то обидел Мэри Тайлер Мур».

• • •

«Я знаю одно, — сказал он ей, интуитивно пристроив малышку на сгибе локтя, чтобы уровень кислорода в ее крови поднялся, синий, как море, до 98 процентов. — Ты никогда больше не назовешь меня папочкой».

• • •

В галерее ее фотосервиса среди фотографий малышки, где та почти улыбалась, затесалась фотка голой женской задницы, разрисованной, как лицо оголтелого джаггало. «Смотрите. Смотрите, какая она красавица. Какое *умное* у нее личико», — говорила она совершеннейшим незнакомцам, быстро пролистывая фотографию разрисованной женской задницы.

• • •

Сердце росло. Было больно, когда оно рвалось за пределы, положенные природой. Оно пыталось идти по путям, уводящим в необозримую даль. Оно пыталось не знать.

• • •

Глядя на малышку, она иногда проникалась уверенностью, что все хорошо и всегда будет хорошо, что они вместе живут на планете, где все младенцы такие, и это нормально. А потом она возвращалась на Землю, прижимая малышку к себе, и задыхалась от боли, когда крохотное нежное тельце вдруг превращалось в кучу смешавшихся остроконечных кусочков мозаики где-то в глубинах ее живота, и ей надо было сложить их вместе, сложить их вместе — не останавливаясь ни на миг, сквозь волны боли, плескавшиеся в животе, — собрать картинку с изображением синего моря.

• • •

Чего мы вправе ожидать от жизни? Каковы

были условия договора? Что именно нам обещали политики? Что именно говорили агенты по недвижимости, когда расписывали все достоинства прекрасного дома бытия? Можно ли подать в суд? Мы обязательно подадим в суд! Можно ли раскрыть их обман? Мы непременно раскроем обман! Можно ли… можно ли *выложить пост*?

• • •

Держа малышку на руках, ее папа потел от паники — он что, *никогда в жизни* не держал на руках младенца?! — и минут через пять с облегчением вернул ей спеленутый сверток. «У тебя на руках она выглядит такой счастливой, — сказал он. — Не то что у меня». Она знала, что он скажет дальше: *ты, душенька, просто создана для материнства, тебе давно бы пора завести малыша,* — но он сделал ей знатный подарок, он не стал ничего говорить. Не в этот раз. «Я тебе покажу, что она любит», — сказала она, поднесла телефон к уху малышки и включила «Музыку для аэропортов», музыку, что металась, как птица, из одного конца зала прилетов в другой.

• • •

«Она знает одно: как быть собой», — вновь и вновь повторяли они друг другу. Все остальное — только их собственные представления о том, как должны действовать тело и разум. Когда на той, первой, встрече невролог сказала, что малышка, возможно, научится считать до трех, она с трудом удержалась, чтобы не перевернуть на нее стол, потому что… кому это надо, считать до трех? Мы все умеем считать до трех и до чего мы себя довели? Я вас *предупреждаю*.

• • •

«Можно свозить ее в зоопарк Цинциннати», — сказала она, ее глаза загорелись, как два огонька, вспыхнувших в темноте. — Положим ее в двойную коляску, в одной люльке будет она, в другой — кислородный баллон. Мы ей покажем зверей, а у вольера со слонами сожмем пальцем ее мизинчик, чтобы она поняла, как слоненок держится хоботом за мамин хвост».

«Да, — сказала сестра, и на секунду ее лицо сделалось очень юным, на секунду она снова

стала похожа на ту себя, какой была прежде. Но потом сжалась, склонила голову и долго сидела, уставившись в пол, словно вот-вот заплачет. — И помянем Харамбе». Потому что вся наша жизнь, весь наш опыт — не что иное, как подготовка именно к таким моментам.

• • •

Это был по-настоящему бесценный дар: малышка узнавала их голоса, малышка, не знавшая никаких других смыслов, кроме любви, — с какой отчаянной жадностью она оборачивалась к источнику, изливающему любовь, как безудержно тянула ручки к солнечному теплу человеческой нежности, готовая преодолеть все препятствия, чтобы дотянуться до этого солнца.

• • •

Она другая, да. Она другая. Но мы тоже станем другими, так нам назначено будущим. Мы уже начинаем меняться. И все-таки в мире нет ни одного — почти ни одного — человеческого существа, настолько отличного от остальных человеческих существ, чтобы оно не имело понятия о поцелуях.

• • •

Малышка брыкалась, сучила ножками, размахивала руками, сжимала крошечные кулачки, взбиралась по воздуху, как по лестнице. Рассеянно дергала себя за светлые волоски на затылке. Это был невероятный ребенок, чьи движения предназначались для новых, невообразимых пространств, ребенок, который показывал нам, как взлететь над землей — как однажды мы все воспарим в поднебесье, а потом мягко опустимся вниз, на цветущие луга в иных местах и мирах.

Но, пожалуйста, не сейчас. Нам нравится здесь.

• • •

«Я хочу хотя бы год, — с жаром проговорила сестра. — *Пусть даже всего один год*». А ведь мы только и думали, как бы перемотать время вперед, пропустить несколько лет, впасть в забытье до тех пор, пока диктатор не сложит с себя полномочия — уснуть в хрустальном гробу среди роз и проснуться уже тогда, когда вернется приемлемая реальность.

• • •

По вечерам, в розовые предзакатные часы, ее сестра с мужем украшали детскую комнату для малышки, хотя оба знали, что ей, может быть, никогда не доведется здесь спать. Они выбрали тематику с лебедями, нежными и грациозными, хотя единственный лебедь, с которым она столкнулась вживую, был злющим как черт и набросился на нее у музея Франца Кафки в Праге. Он гнался за нею до самой воды, вытянув шею в пронзительном крике, и только позже она поняла, что, наверное, где-то поблизости было его гнездо.

• • •

«Если она перестанет дышать, то, скорее всего, потому, что она просто забыла, что ей это нужно, — сказала им беременная медсестра в их самый последний день в ОРИТН. — Если что-то такое произойдет, просто легонько похлопайте ее по щекам. Или слегка ущипните за пальчик». Не сиди под яблоней, он играл буги-вуги, а стал трубачом во Втором батальоне.

• • •

К вопросу о безднах, скрытых в глубине человеческого естества: ей приходилось до боли щипать себя за руку каждый раз, когда она начинала воспринимать происходящее как *метафору*.

• • •

Им так нравилось накручивать на ненаглядной малышкиной голове тюрбаны из ярких платков — розовых, или в горошек, или с леопардовыми принтами, — в них она становилась похожа на ясновидящую, на крошечную золотую девочку, что прожила на Земле сотни лет и глядит из-под толщи минувших веков со скептицизмом, свойственным людям, которые видели все.

• • •

Мимолетная обитательница вспышки молнии, прочертившей по небу: *Я знаю.*

Она пробыла у сестры несколько месяцев и, вернувшись домой, ощутила разъединение иного рода. Например, Доктор Вжопедыра больше в ней не нуждался. Он весь день прятался под диваном,

вылизывая себя — потому что даже для кошек нет ничего слаще собственного «я».

• • •

«Тебя не было так долго, что я стал вожделеть даже Барбру Стрейзанд», — прошептал муж, уткнувшись лицом ей в шею.

• • •

Также он заявил, что *уже позабыл, что такое спать рядом с кем-то*, и в полуночном порыве вдохновения купил вторую кровать и поставил ее рядом с первой, двуспальной. «Кажется, ты ошибся с размером, — сказала она. — Это же детская кровать». «Нет, *не* детская. Это кровать только для взрослых», — страстно проговорил он, но, когда она проснулась посреди ночи и потянулась к нему, он лежал на той самой сиротской кроватке, беспокойно ворочаясь под одеялом, которое было ему маловато, и его голые ноги свисали с плоского края земли.

• • •

Лето еще звенело, как гонг после удара. Горя-

чий, взвихренный ветер приносил ей сообщения. Все вокруг — все, на что падал взгляд, — было как золотой урожай, который надо собрать, пока не пришла осень и год не увидел белые облачка своего собственного дыхания. Она стояла раскинув руки; то место, где прежде была малышка, ощущалось открытой раной. Ее голос в те трепетные мгновения, когда падали все защитные барьеры, по-прежнему звучал как луч солнечного тепла человеческой нежности, как чистейший поток доброты. Утекавший *куда-то*.

• • •

Но приглашения во внешний мир временно прекратились. В школах были каникулы, вся Европа ушла на отдых, и она уже не разбиралась ни в чем, и тем более — в том, что творилось вокруг.

• • •

Миниатюрная скульптурная композиция Тацуи Танаки: похороны на компьютерной клавиатуре, крошечные фигурки в черном со скорбно склоненными головами, венок на гробе, установленном на клавише «плюс».

• • •

Ей попалась фотография сексапильного актера в театральной постановке «Человека-слона» 2014 года, где он играл главную роль без специальных накладок и грима — просто ходил, скрючившись в три погибели, и держал перекошенное лицо. Она рассудила, что это проверка на прочность, и прислушалась к своим ощущениям, ожидая либо безудержного веселья, либо столь же безудержного возмущения. Не было ни того ни другого. В итоге она решила, что он мастерски справился с ролью. Наверняка его мать им гордится, подумалось ей. Так она думала почти о каждом из тех, с кем ей доводилось так или иначе столкнуться в последнее время.

• • •

Но неужели она потеряла способность смеяться над такими вещами? В «Нью-Йорк таймс» вышла большая рецензия на спектакль, и вот что там было написано об исполнителе главной роли: «Как ему и положено, он являет собою *слона, которого никто не приметил*». А-ха-ха! А-ха-ха-ха-ха! Нет, способность смеяться осталась при ней.

• • •

Она попыталась вернуться в портал, погрузиться в него с головой, но там шла бурная массовая дискуссия о слове на букву «н»[2], и допустимо ли произносить его даже в мыслях — кто-то всерьез утверждал, что их мозг напрочь вымарывает это слово, когда оно им встречается в книгах, — и она тихо ушла восвояси.

• • •

Ей хотелось, чтобы малышка узнала так много всего, и все это были обычные мелочи жизни. Ничего грандиозного. Поход за продуктами в отпуске; как просыпаешься в три часа ночи и мысленно перебираешь всю свою жизнь, пропускаешь, как нить, через кончики пальцев; первый читательский билет в библиотеке; новая помада; онемение в большом пальце ноги, которое не проходит уже второй месяц, потому что ты позаимствовала у подруги красивые туфли, чтобы надеть их на свадьбу другой подруги; четверг; октябрь; «Она словно ветер», играющая в прием-

---

[2] Примечания: 2
Имеется в виду слово «негр».

ной у стоматолога; фотография на водительских правах, где ты похожа на маньяка-убийцу; как, сходив в туалет, надеваешь обратно влажный купальник; как прикасаешься к музыкальной тарелке, чтобы она зазвенела, и прикасаешься снова, чтобы она смолкла; игра в домик в картонной коробке от холодильника; как держишь горящую спичку в руке, пока она не прогорит до самых кончиков пальцев; как, запустив руку в мешочек с буквами для «Скраббла», вынимаешь И И И О У Е А; как твой взгляд мчится по книжным страницам, чтобы скорее дочитать до конца «Городок» Шарлотты Бронте (сцены со слабоумной дурочкой мы пропустим, моя хорошая); обертки от гамбургеров в долгой автомобильной поездке; спелое красное яблоко, сорванное прямо с ветки; слово на кончике языка; портал, но лишь на минутку.

• • •

Взмах слишком длинных ногтей Джозефа Кэмпбелла в «Силе мифа», когда он рассказывает о вьюнке, обвившем ствол кокосовый пальмы во дворе его дома на Гавайях: как вьюнок знает, куда расти и куда повернуть листья, словно он обладает неким сознанием. «Я все больше и боль-

ше склоняюсь к мысли, что весь мир обладает сознанием». Что «Земля — это мы. Мы — сознание Земли. Ее глаза, ее голос».

• • •

Если все вокруг — мысленные построения, в чьей голове они строятся?

• • •

Если ты на время уходишь, а потом возвращаешься и больше не ощущаешь свою сопричастность, почему это произошло? Что изменилось? Разум, язык, место, время? О, моя информация! О, мое все, что я даже не знала, что мне это надо!

• • •

Теперь уже издалека сестра написала ей сообщение: **кажется, она в первый раз слышит дождь.** Первая снежинка первого снегопада всего, что есть, закружилась крошечной теплой точкой. Четверг, залитый дождем; октябрь, залитый дождем; спелое красное яблоко, сорванное прямо с ветки; слово на кончике языка; зеленые стеклянные зернышки; все, что есть — пока оно

еще есть.

• • •

Глаз, натренированный на чтение текста, точно так же читает картинки — caucasianblink.gif! — точно так же читает присылаемые сестрой фотографии малышки, слева направо, ванночка, мыльная пена, крошечные пальчики на детской ножке, русские романы, которые никто никогда не напишет, пространные эпопеи, покрывающие каждый дюйм человеческих переживаний, и ты все приближаешь и приближаешь изображение, увеличивая масштаб. Большие красивые глаза — да, красивые — делаются еще больше.

• • •

Врачи рекомендовали зашить веки малышке, чтобы защитить ее глазки от внешних воздействий. Они понимали, что так будет лучше, и все же огромная часть ее взаимодействия с миром шла через широко распахнутые глаза, незряче открытые навстречу неведомым чудесам. Это было непростое решение, однако в назначенный день операции анестезиолог посветил фонариком в дельфиново-синие глубины, послушал тягучие

приливы дыхания их малышки и сказал, что он бы не стал делать ей операцию. Если бы это была его дочь, он бы не стал делать ей операцию.

• • •

Им снились сны, им всем снились сны о малышке. В этих снах она ползала, ела виноград, пела детские песенки. В этих снах ее синдром Протея не делал ее инвалидом — наоборот, она обогнала в развитии всех прочих людей. Она была сильной и передвигалась среди людских толп на хитроумных колесных устройствах, оснащенных по самой передовой технологии. Она самостоятельно держала голову и спала, как спят люди. И самое главное, она говорила с людьми, тонким внеземным голоском.

«Я очень развитая форма жизни, — объявила она как-то ночью, — но скоро мне надо будет вернуться… *на планету Одиннадцатого сентября».*

• • •

Время созрело внутри золотых часов. В продуктовых витринах появились высокие пирамиды из тыкв и букеты оранжево-ржавых цветов, и

октябрь уже разослал приглашения духам вернуться на землю. В ОРИТН, когда они думали, что малышка уже никогда не выйдет из больницы, сестра набрала для нее целую кучу сезонных нарядов: год в один день, зима, лето, весна и осень.

• • •

«Можно я о тебе позабочусь? — шептала женщина своему сыну, меняя ему подгузник на скамейке в городском сквере. Вопрос был предназначен ему одному, уютный и теплый, как старое любимое одеяльце. — Можно я о тебе позабочусь, пока ты со мной, да?»

• • •

Когда стало известно, что до необратимой климатической катастрофы у нас остается всего лишь двенадцать лет, весь мир всколыхнулся поспешным цветением. Лихорадочное волнение ощущалось повсюду, в глобальном масштабе. Семейства принялись планировать летние отпускные поездки к каждой горе, каждому лугу и лесу из представленных на живописных открытках на бешено вращавшейся стойке. Писатели-романисты в портале поднялись на

приливной волне необычайной энергии. Это был их звездный час. Они собирались прощаться со всем, что есть! Окончательно распрощаться со всем, что есть!

• • •

Тем временем климат на Земле их малышки становился все жарче и жарче: таяли айсберги, поднимался уровень моря, вечная мерзлота трескалась, высвобождая доисторические реликты, целые участки Большого барьерного рифа белели и отмирали один за другим. Но, несмотря ни на что, на Земле их малышки существа под названием «люди» разговаривали, прикасались друг к другу, писали картины и жили дальше.

• • •

теперь представь моря и океаны, у них жар уже много лет… жуть

больше не будет болезней и переломов

мы будем уже не ходить, а летать сквозь тепло

• • •

Когда малышке исполнилось четырнадцать недель, они свозили ее в «Мир Диснея», потому что так принято здесь, в Америке. Она безмятежно передвигалась среди неизвестных ей персонажей, терпеливо ждала фейерверков, проходила через дверные проемы, которые выглядели как дверные проемы — в дома, которые выглядели как дома, — и запищала в диком восторге, когда на главной сцене в Эпкоте началось выступление группы «98 градусов». Малышка услышала, она услышала, и когда ее папа подхватил ее на руки и закружил в танце, ее глаза стали огромными, как земной шар в документальной программе «Планета Земля», и камера падала из открытого космоса в глубь синевы в обрамлении коралловых рифов, и ее мама воскликнула: охренеть, ей понравились «98 градусов», — это была музыка их юности, когда сердца бились алой надеждой, и они знали наизусть все любимые песни, и популярная группа выбрала себе для названия нормальную температуру человеческого тела[3], — и малышка танцевала, она танцевала

[3] Примечания: 3
По шкале Фаренгейта.

на руках у отца.

• • •

Малышка невозмутимо промчалась сквозь сумрак «Дома с привидениями», с тем же бесконечным терпением ко взрослым забавам, какое она проявляла и на крещении. Она сидела в вагончике между мамой и папой, словно маленькая королева, и как будто подбадривала родителей: не волнуйтесь, все будет иначе, совсем иначе. Это все только видимость, уверяла она со всей младенческой серьезностью, когда камера под потолком сфотографировала их всех в их «человеческой бренной плоти», чтобы потом, когда поездка закончится, они все вместе могли посмеяться, глядя на этот снимок. Но если вам нужно, я надену кружевное белое платьице и приду к вам.

• • •

Мальчик-подросток на ночном пароме украдкой достал телефон и принялся фотографировать малышку в ее специальной коляске, хотя непонятно зачем, она не так уж и сильно отличалась от других младенцев, ведь правда? Наверняка он

ее фотографировал потому, что она была славной и милой — и вовсе не для того, чтобы выложить ее фотографии в Сеть, да?

• • •

«Я не хочу, чтобы люди ее боялись», — сказала сестра, еще когда им впервые сообщили диагноз, но теперь, когда малышка уже была с ними, вся семья превратилась в огромный, вызывающе дерзкий взгляд, проходивший сквозь строй страхов мира, который их сторонился и неловко отводил глаза. Им хотелось — чего? — схватить солнце за щеки и притянуть его вниз: смотри на нее! Смотри! Свети на нее! Свети!

• • •

Круглая радуга плыла по небу вслед за ее самолетом на обратном пути из Орландо. Каждый раз, когда она смотрела в окно, круглая радуга была рядом, скользила по белой поверхности облаков, которые складывались в те же самые плотные, скученные узоры, что уже начали появляться на коже малышки, на ее стопах и на ладошках, создавая уникальный погодный рисунок для отпечатков ее рук и ног. Сразу после посадки она

посмотрела в своих ответах, и они подсказали, что круглая радуга называется глория. В переводе с латинского «слава».

• • •

Ее сестра долго и тщательно сочиняла письмо сенатору, вычеркивая все фразы, подтекавшие кровью, как куски сырого мяса. Она написала:

всегда старалась быть лояльной гражданкой

ела здоровую пищу и занималась физическими упражнениями

врачи говорят, что причина не в нас и не в том, что мы сделали или не сделали

даже не знаю, когда я смогу вернуться на работу

из-за космических цен нашей страховки может не хватить

она — свет нашей жизни

И спросила в конце: «Вы считаете, все это слишком политизировано?»

• • •

Была ли малышка американкой? Если да, то почему? Потому что ее частички сложились из здешней пыли? Потому что она была невероятно амбициозной в стране невероятных амбиций? Потому что она родилась в государстве, которое так упорно отказывалось о ней позаботиться?

Письмо сенатору — с просьбой о помощи, о ночной сиделке, о дневной сиделке, о гарантированном осуществлении репродуктивных прав женщин, о реорганизации всей системы здравоохранения, о новой реальности, о чем угодно, хотя бы о чем-то и обо всем, — письмо сенатору так и не было отправлено. Откуда бы у них взялось время отправлять письма, если все их часы и минуты были заняты только малышкой?

• • •

«Я могу хоть что-то для нее сделать, — ответила она мужу, когда он спросил, почему она постоянно летает в Огайо этими дешевыми рейсами, о небезопасности которых недавно рассказывали в «Ночном контуре». — Одна минута значит для нее больше, чем она значит для нас. Мы не знаем,

сколько ей отпущено времени. Я могу подарить ей свои минуты. — И добавила почти сердито: — На что я растрачивала их раньше?»

• • •

Жизнь с малышкой была чем-то похожа на дальнее путешествие, когда ты превращаешься в сплошной оголенный нерв, сплошное саднящее восприятие. Когда ты вся — обострившиеся пять чувств, что разливаются по незнакомой улице; когда ты вся — стук подошв по асфальту и горячие ладони, шелестящие, как бумага; когда ты струишься потоковой передачей мимо статуй местных Мадонн. Тот незабываемый секонд-хенд в Хельсинки, запах иностранных десятилетий на подкладке потертой кожаной куртки. Кофейня в Кливленде, где по радио шел повтор какого-то старого выпуска «Дисков на необитаемом острове», и владелец предупредил, чтобы она не брала второй детоксицирующий латте с активированным углем, потому что «он вымоет из организма все гормональные таблетки и она забеременеет». Мосты чужих городов, где ты подолгу стоишь, глядя на тусклые зеленые реки с их радужношеими утками, а потом пьешь эспрессо чашку за чашкой, пока между тобою и миром не возникает

свободный обмен — беспрепятственный и пугающий, — когда ты открыта настолько, что в тебя может войти что угодно.

• • •

На праздники она вернулась к сестре. Запихала в духовку восемнадцатифунтовую индейку, побежала обратно к дивану, чтобы проверить малышкины мониторы. Щедро полила индейку пузырящимся белым вином, снова помчалась к дивану, чтобы сменить вес индейки на вес малышки. Разложила по высоким фужерам веточки чабреца и дольки груш — для коктейля под названием «Осенний», — она решила убиться, но создать праздничное настроение! Наконец, когда солнце уже садилось, они тоже уселись за стол, и малышка была рядом с ними, и они смотрели на цветы в большой вазе в центре стола, они следили за цифрами на мониторах, травянисто-зелеными и оранжевыми, как бархатцы — сердечный ритм, уровень кислорода, — и размышляли об изобилии и благодати.

• • •

Бенджамин Франклин и миф об индейке: Фран-

клин не предлагал сделать индейку национальным символом США. Он использовал индеек для своих экспериментов с электричеством.

• • •

Когда баюкаешь на руках крошечную малышку, у которой целый час не прекращаются судороги, можно включить телевизор и смотреть канал «Холмарк», где уже началась праздничная программа. У всех рождественских фильмов на «Холмарке» неизменно один и тот же сюжет: жизнь преподает суровой урок городской сучке, и у нее происходит полная переоценка ценностей… в канун Рождества. Городским сучкам всегда тридцать семь лет. Их глаза блестят от кокаина. И в самом конце они рады и счастливы, что жизнь все-таки преподала им урок, они рады остаться в родном городке, вместе с семьей.

• • •

«Прикасайтесь ко мне! Прикасайтесь! — настойчиво требовала малышка. — Прикасайтесь ко мне, я в темноте!»

• • •

В доме сестры обитал робот, который слушал их разговоры — круглосуточно, без перерывов и выходных, — наверняка их записывал и складировал где-то на сервере, на случай если в какой-то момент они все поубивают друг друга. Эти долгие месяцы мчащихся очертя голову слов будут вечно храниться в запасниках, вместе с тихими всхлипами, *что же нам делать, что делать*, — подкрепленными со всех сторон шелестом малышкиного дыхания и звуковыми сигналами ее аппаратов для поддержания жизнедеятельности, с редкими проблесками простых житейских запросов, обращенных к голосовому помощнику: *Алекса, какой рост у Кевина Харта*?

Алекса, включи классическую музыку!

• • •

В этот день в прошлом году они ходили на «Щелкунчика», и вечером, лежа в постели, она закрыла глаза, и балет продолжался — уже сам собой. Надежные, сильные руки партнера вновь и вновь поддерживали в полете порхающую

танцовщицу. Музыка заполняла собой все пространство, воздух гулко звенел, как при драке подушками, но даже грохот оркестра не заглушал стука пуантов по доскам сцены, этого несуразного человеческого топота, превращавшего танец в образчик невероятной, нестерпимой красоты, так что зритель, сидевший прямо перед ней, не удержался и закричал «БРАВО!». Может быть, это и есть загробная жизнь, вдруг подумалось ей: ты закрываешь глаза, но балет продолжается сам собой, тела кружатся в танце, и большие заснеженные деревья опускаются с потолка на землю.

• • •

В канун Рождества она нарочно выбрала такой путь, чтобы проехать мимо фермерского дома, где ее прабабка держала своего первого сына прикованным к столбу во дворе. Ставни на окнах были черными, как вдовий траур. Сами окна — как беспощадные стеклянные прямоугольники. Промчавшись мимо, она увидела свою историю, увидела мертвый круг вытоптанной травы — радиус свободы ребенка, прикованного к столбу, — где он сидел целыми днями и делал единственное, что мог делать: смотрел на то, что ему было видно.

• • •

Все поездки пришлось прекратить — теперь малышку нельзя было переносить даже в машину. Сестра лишилась свободы, целиком и всецело. Она не спала и не мылась. Писк мониторов задавал ритм ее сердцебиению. Она была крепко привязана к малышке, которая все равно оказалась ярким лучиком света среди тенистой листвы и возвышалась над миром, доставая макушкой почти до небес, взбаламученных трепетом крыльев крошечных пташек.

• • •

Глядя на сестру, она видела не святую; она видела чистейший родник, бьющий в сердцах святых — воду, которая говорила, смеялась, поднимала, носила, баюкала и ни разу не издала ни единого раздраженного вздоха. «Как?» — однажды спросила она у сестры, и та уставилась на нее, как вода, и сказала: «Это чистое счастье».

• • •

Ей подумалось: Господи Боже, мы так говорим,

будто у нас тут какая-то секта. Собственно, ничего удивительного. Когда возвращается интерес к астрологии и волшебным кристаллам, когда молодые ребята ходят с прическами, как у Иисуса, когда невероятно прекрасные «кровавые» закаты предвещают апокалипсис, когда синтезаторы в саундтреках звучат как рвущиеся на части сердца, когда лица людей озаряются пламенем изнутри, вот тогда-то — тогда! — настает самое что ни на есть подходящее время для сект.

• • •

«Ты уже видела новость? — кричал взволнованный муж в телефонной трубке, и было слышно, как он шуршит газетой на своем конце линии. — У них теперь есть какой-то микроволновый луч, и они могут выстрелить словом прямо в мозг человеку».

«Каким словом?»

«Любым».

«И надолго оно засядет в мозгах?»

«Пока непонятно, — сказал муж, понизив голос до уровня полуночного кошмара. — Может быть, навсегда».

Может быть, так и случилось, подумала она. Может быть, кто-то выстрелил в нее именем малышки и попал прямо в центр мишени в глубине ее естества; и она никогда больше не сможет думать ни о чем другом. Или даже не именем. А просто словом: *Любовь. Любовь. Любовь.*

• • •

Когда малышка боролась за каждый вдох, когда стало ясно, что ее дыхательные пути рушатся, когда ее голова сделалась слишком тяжелой и уже даже не поворачивалась, до них потихонечку начало доходить, что она переживает эпоху Просвещения, золотой век. Она хватала мячики и погремушки; когда с ней разговаривали, она отвечала ласковым гуканьем, почти похожим на смех. Когда с ней играли в игру под названием «Легкие касания», ее невидящий взгляд сдвигался на те места, где ее целовали. Вопреки всякой мудрости, перед лицом тускло-серой клубящейся пустоты, малышка училась. Она училась.

• • •

«Я всегда знаю, когда у нее будет приступ, потому что перед самым началом она вдруг замирает

и смотрит на что-то, чего больше никто не видит, — написала в портале какая-то женщина о приступах эпилепсии у ее дочери. — А еще перед каждым ее припадком — а также во время припадка и после — у нее пробуждаются способности к ясновидению. Она предсказывает какие-то события, и потом все сбывается в точности так, как она говорила, или знает что-то такое, чего никак не могла знать». Коэффициент интеллекта у девочки составлял 48 баллов, она не смотрела телевизор, не пользовалась компьютером и, по словам ее матери, не умела врать.

«Эпилепсия — странное заболевание, и я никому такого не пожелаю. Но она заставила нас понять, что в человеческом мозге заключено нечто особенное. Мы совершенно нерелигиозны, но дочкина болезнь заставила нас поверить в необъяснимое. В каком-то смысле мы даже рады, что потеряли некоторых друзей — людей, которые не выдержали рядом с нашей бедой, — потому что у нас появилось больше времени для дочери, и никто не мешает нам наблюдать за такими невероятными вещами». С одной стороны, *люди, которые не выдержали рядом с нашей бедой.* С другой стороны, *такие невероятные вещи.*

• • •

В новогоднюю ночь она склонилась к малышке с бокалом шампанского в руке и запела ей на ухо «Бали Хаи», и малышка широко распахнула глаза и отправилась на солнечный остров. Она запела «До, ре, ми», и малышка пошла за ней следом вверх-вниз по лесенкам гамм; она запела «Где-то над радугой», и радуга вспыхнула прямо в комнате. Она запела «Будь я колокольчиком», и это было стопроцентное попадание; малышка в восторге задрыгала ножками, схватилась за ее пальцы двумя руками, закурлыкала в той же тональности, сдвинула с лица кислородную маску и тут же вернула ее на место; будь я колокольчиком, я бы звенел динь-динь-дон, динь-динь-дон.

• • •

Почему бы и нет, подумала она и зачитала малышке вслух статью из Википедии, посвященную Марлону Брандо. Может быть, это шампанское ударило в голову, но ее вдруг осенило, что таков основной демократический принцип: у каждого есть право знать о Марлоне Брандо. У каждого есть право знать, что в плотно обтягивающей

футболке он похож на влажное лезвие ножа, что, когда он говорит, у него на скулах играют желваки — точно два ватных шарика, — что на съемках «Апокалипсиса сегодня» он, по слухам, носил подгузники для взрослых. Совершенно бесполезные знания, но среди расточительных привилегий человеческих жизней, в частности, есть и такая: потратить кубический дюйм своего мозга и памяти на разнообразные факты о Марлоне Брандо.

• • •

Говорила, смеялась, поднимала, носила, баюкала; чистый поток одушевленной воды. Однажды она летала на фотосессию в Нью-Йорк и позировала в золотой солнечный час на фоне кирпичной стены, наряженная вместо платья в большой черный мешок для мусора, но, когда фотограф показал ей готовые снимки на мониторе, ей было стыдно смотреть на свои руки — мертвые в каждом кадре. Мешок для мусора, в который ее завернули, и то был более выразительным и осмысленным — казалось, она исчезает с пленки, потому что в детстве недополучила родительских поцелуев. «В первый раз *никто* не знает, что делать с руками», — утешил ее фотограф, но

теперь ее пальцы звенели от напряжения, когда она несла малышку вверх по лестнице; теперь ее запястья сводило судорогой, когда она целый час поддерживала малышке головку.

• • •

Есть люди, красивые в горе: точеные, хрупко прозрачные, прелестные. Но каждый раз, когда она видела промельк своего отражения в зеркале над диваном, у нее было лицо человека, который силится сходить по-большому после трехнедельного курса «Викодина». У нее в животе постоянно бурлило, как в комментариях под постом об ангелах на подушках.

• • •

Никакое устройство для передачи информации — ни портал, ни радиовещание, ни печатное слово — не было таким стремительным, искрящимся и всеобъемлющим, как синий мячик из тонких резиновых ниточек, который малышка во время сна держала под подбородком, ее приоткрытый крошечный ротик как бы говорил: *о, мои ответы.* Другой рукой она крепко сжимала ярко-красный помпон, веря, что это мамины волосы.

• • •

«Больше никому не нравятся эти игрушки, — говорили им медсестры из хосписа, говорили заинтересованно, поскольку тоже собирали данные по крупицам: мелкие факты, которые будут добавлены к общей сумме сияющих на небе звезд. — Слишком большие объемы идущей извне информации».

• • •

«Уже можно показать ей собаку? — спрашивала она чуть ли не с первого дня рождения малышки. — Когда уже будет можно показать ей собаку?» И вот наконец — наконец! — к малышке привели собачку. Это был маленький белый пудель, и как только его поставили на диван, он принялся облизывать малышку с таким восторгом, словно нашел давно потерянную хозяйку.

«Он у нас *не служебный* пес, — объяснил дрессировщик. — И никогда не станет служебным псом, потому что для этого он должен пройти мимо тарелки с жареной курицей и не обратить на нее внимания, а для него это невыполнимая

задача». Малышка радостно попискивала и хотела еще. Песик облизывал ее пальцы, один за другим — кажется, так бы и съел, — удивительно, как пронзительно все, что есть в мире, умиляется на младенческие пальчики.

• • •

«Ты тут, внутри?» — тихо спрашивали они, когда малышкины глаза начинали метаться и ее крошечное сердечко билось все чаще и чаще. Когда ее кожа становилась бледно-лиловой, синеватой, прозрачно-серой, они все вскакивали со своих мест и начинали скандировать хором, как команда чирлидерш: ты сумеешь, ты сможешь, мы все тебя любим, держись, держись, *оставайся с нами*.

• • •

«Поддерживай во мне жизнь, — сказала ее подруга, активистка движения за права инвалидов, и обвела взглядом комнату, заставленную аппаратами для поддержания жизнедеятельности: переплетение трубок, гудящие мониторы, кислородный баллон. — Поддерживай во мне жизнь до конца, — повторила она, потому что не верила в

такое понятие, как состояние овоща. — Ты меня навещай, читай мне вслух, и я буду тут, внутри». Эта вера, что наше «я» упрямо цепляется за бытие, полоска света под запертой дверью — призрачная, будто шанс, невероятная случайность, окно, — иногда она кажется невыносимой до боли в сердце.

• • •

Век Просвещения продолжался, лился непрестанным потоком в чашку с кофе, который она пила, наблюдая за малышкой в эти вываренные до прозрачности утренние часы. Однажды ей в голову пришла идея поднести игрушечное пианино к дрыгающимся малышкиным ножкам, и, когда прозвучала первая нота, малышка издала вопль дикой ярости — почему они не додумались раньше, почему все это время она била ногами по воздуху и пустоте, хотя могла бить по музыке?!

• • •

«Ты обязательно все записывай», — сказала она сестре, потому что портал научил ее простой мудрости, что даже одно-единственное слово способно пробудить ярчайшие воспоминания, — и

позже нашла листок бумаги, где было написано: «*ее глаза всегда движутся туда-сюда, как у человека с бесконечным запасом зрения*».

• • •

Но ей было трудно дышать, она не набирала вес, она отказывалась от лекарств, которые ей подмешивали в молоко из бутылочки. Она говорила им правду — своим терпеливым спокойным взглядом, — и они повезли ее в больницу, хотя понимали, что больница означает конец. «Что не так, солнышко? — спросила одна из медсестер, склонившись над малышкой, когда та издала один из своих редких, пронзительных криков, рвущих сердце на части.

«С ней все не так», — отозвалась другая медсестра, явно брякнула не подумав. «С нами!» — хотелось ей выкрикнуть. Все не так с *нами*!

• • •

Она не стриглась уже несколько месяцев. Она знала, что похороны могут случиться в любой день, и поэтому взяла «выходной» на полдня и пошла в салон. «Я на днях видела мем, — сказала

ее парикмахерша, сосредоточенно щелкая ножницами у ее затылка. — Вы же знаете шутку, что непослушные вихры получаются оттого, что корова лизнула волосы? Так вот, кто-то нарисовал маленький комикс, как корова заходит ночью в спальню к ребенку и лижет ему волосы, чтобы получился такой хохолок».

Из глаза ее отражения в зеркале вытекла слезинка. Она вспомнила давнюю переписку с братом, когда он слал ей разные варианты мема «Тогда я, наверное, тихо сдохну», которого, если по правде, она никогда не понимала. «Ой, я задела вас ножницами?» — испугалась парикмахерша, склонив голову под вуалью приветливых пышных волос.

«Нет-нет, — проговорила она, прикоснувшись к руке парикмахерши, и буквально физически ощутила, как из ее ладони изливается этот новый, неудержимый поток тепла и заботы. — Я просто подумала, что у нас с вами… очень разные мемы».

• • •

На следующей день малышке исполнилось ровно полгода. В самую последнюю минуту окру-

жавшие ее люди решили устроить праздник — розовый торт появился из ниоткуда, словно по волшебству, и подарок в красивой обертке, и связка ярких воздушных шаров. Торт тихо истекал влагой у изножья кроватки, рядом с малышкиным кислородным баллоном, что легонько покачивался вслед за каждым дергающимся движением ее головы. Возможно, она ощущала легкость гелия в воздушных шарах, чувствовала запах сахара, возможно, ленточка на подарке развязывалась и шуршала с каждым взмахом ее крошечной ручки, потому что малышка вдруг оживилась, ее дыхание поднялось к потолку вместе с воздушными шарами, и она проснулась — проснулась, чтобы *тоже участвовать в празднике*. Гости, проехавшие много миль, чтобы поздравить малышку, столпились в дверях, и от их курток шел пар, и все пели ей песню — и песня была как прорыв, — и она улыбалась, как не улыбалась уже много дней. Торта хватило на всех, и, приглядевшись к последней улыбке, они увидели белый проблеск на ее нижней десне: первый зубик, чтобы помочь им съесть торт.

• • •

«Все здесь, с тобой, — сказала она малышке и добавила во внезапном озарении: — *Собачка тоже пришла»*, — и положила вялую ручку на свои лохматые темные кудри, и малышка в ответ погладила ее по голове: *Я знаю*.

• • •

Ее брат склонился над больничной койкой и запел на ухо малышке «Восход, закат», его голос сперва был насмешливым, а потом — безупречно серьезным, потому что малышке понравилась его песня, конечно, она ей понравилась, ведь малышка не знала разницы между шуткой и красотой.

• • •

Ее лицо сияло, как луна, кости которой оделись в мягкую плоть, ее красивые синие глаза стали огромными как никогда, словно все, что можно было увидеть, вот-вот подойдет к завершению. Это называлось смещением жидкостей — одна из тех редких, случайных жемчужин больничного

языка, что иной раз сверкают в пыли. Ей представлялись гелевые светильники, вязкий плеск морских волн, летящие на юг стаи птиц, видеоролик с закатами в замедленной съемке, муравьи на разлившейся черной патоке, сладость растекшейся информации, то, что случилось давным давно — на Земле и в наших ртах — с гласными звуками. Она думала о русле лесного ручья, о сестре, накрывшей брата своим крошечным детским телом, защищая его от того, что роилось снаружи, от жалящего золотого жужжания, что пыталось вобрать их в себя, пока все их *внутри* не исчезло бы без следа. Пока они оба не превратились бы в чистую моторику, в саму идею движения.

• • •

В портале какой-то заключенный просил запостить картинку с «ДВИЖЕНИЕМ! Я просидел в одиночной камере уже 23 года и три дня. Ощущение, как будто живешь в нарисованном натюрморте; это не жизнь, это существование, застывшее на одном месте. Здесь почти нет движения. Я хочу видеть, как что-то движется. Машины на ночном шоссе, полосы света от проносящихся мимо горящих фар. Или текущий ручей, водопад, что угодно, лишь бы в движении. Может

быть, снегопад? Все что угодно, В ДВИЖЕНИИ!» За окном падал снег, выполняя его запрос, каждая из снежинок была первой снежинкой — первой снежинкой метели всего, что есть.

• • •

На следующий день после праздника в палате было темно. В палате пахло человеческим молоком, магазинным печеньем и сладостью детской макушки. Все остальные ушли на завтрак, ее сестра уснула — свалилась почти без сознания — на кушетке в углу. Она свернулась калачиком рядом с малышкой на больничной койке. Она держала малышку за руку и ждала слабого розового шевеления в ладони — рукопожатия поникшей лилии. Она гладила судорожно колыхавшуюся спинку — как это непросто: протащить бренное тело сквозь еще один день — и водила кончиком пальца по новым пятнам румянца на лбу малышки. Она наклонилась над крошечным тельцем и прошептала: «Ты будешь красивой, как мама». Мгновение было настолько пронзительно чистым и исполненным смысла, что его надо было хоть чем-то перебить, и она взяла телефон и принялась рассматривать фотографии Джейсона Момоа, все время думая про себя: сучка ты, сучка,

а если это случится, пока ты рассматриваешь фотографии Джейсона Момоа?!

• • •

Медсестра перевернула малышку на спину и посветила ярким фонариком ей в глаза, и потом они не раз задавались вопросом: может быть, именно этот свет и открыл ей дорогу, подогнал лифт и увез ее прочь. Уровень кислорода на мониторе стремительно убывал, и все собрались в палате. Музыку, крикнула ее сестра, и она в отчаянии всплеснула руками. Что включить, что поставить? Какую музыку ставят, когда кто-нибудь умирает? Имя вспыхнуло в голове — может быть, потому, что ей вспомнилась надтреснутая коробка из-под кассеты на полу маминой машины; может быть, потому, что в мозгах крепко засела реклама сборников «Чистое настроение» вместе с изображением морских волн; может быть, потому, что недавно она прочитала статью о неожиданном новом взлете ее популярности, — как бы там ни было, у нее в голове вспыхнуло имя Энья.

• • •

Шесть месяцев и один день от роду. Все сосредоточилось в этом одном дополнительном дне, перелившемся через край. Это было не страшно, совсем не страшно. Медсестры подняли малышку с койки, чтобы родители подержали ее на руках — напоследок, еще один раз. Ее голова запрокинулась, ротик чуть приоткрылся, словно готовясь попить; ее губы сделались нежно-лиловыми, как кончики пальцев в сильный мороз. Все собрались вокруг и произносили спонтанные речи, держась за ее ручки и ножки. Как ни странно, но чаще всего они повторяли — вновь и вновь, непрестанно, — что она молодец и отлично справлялась.

Медсестры ввели ей морфий и лоразепам через пятку — как в древнегреческом мифе. Как будто во всех остальных частях тела она была неуязвимой, бессмертной. Ик, ик, ик, сказала малышка, слабое напряжение «*я есть*» держалось сколько могло. «Ты молодец, ты отлично справлялась», — повторяли они вновь и вновь, до самого конца.

• • •

Никто из них никогда раньше такого не видел. Все застыли, словно в благоговении — никто не откашливался, прочищая горло, никто не чесал ногу об ногу, — и лишь лежавший на подушке телефон, который, кажется, перемкнуло, продолжал играть: «Уплывай, уплывай, уплывай».

• • •

Мама и папа малышки срезали с ее макушки две прядки волос, те самые озорные завитушки, как у Гринча в известной гифке.

• • •

Их мама поменяла малышке подгузник, ее руки, менявшие подгузники малышам уже тысячу раз, помнили, что надо делать, и исполнили все в совершенстве. Священник уже приходил — с целой мессой, упакованной в маленький чемоданчик, — но именно мамино действие стало священным обрядом, превратившим палату в храм и испившим святое вино, именно мамино действие впустило в мир золотой свет. Все извест-

ные ей шутки о детских подгузниках растаяли в воздухе благоуханием ладана.

• • •

Две медсестры обтерли малышку влажными губками, воркуя над ней, словно она была еще жива. «Ты такая хорошая, — говорили они. — Такая славная девочка. Перевернись на животик, мы потрем тебе спинку». Потом они обе просунули ладони ей под затылок и подняли ее на руках, и вот она глядит в потолок — ее знание наконец сделалась легким, — она впервые глядит в потолок. Она сама держит голову! — воскликнули они хором. Она спит, как все люди!

• • •

Она пела на ухо малышке, пока ее обмывали, потому что малышкин слух ощутимо висел у них над головой, как большой бронзовый колокол, теперь замолчавший. Странно, но ей почему-то не вспоминалось ничего, кроме самых популярных напевов, хитов, звучащих из каждого утюга, спортивных гимнов на стадионах — песен, которые ты оставляешь играть, пробежавшись по радиостанциям мимо вопящих радиопроповед-

ников, и вся семья подпевает, отпуская в полет человеческий голос, каким бы он ни был.

• • •

Малышка даже не начала остывать, пока находилась в палате. Их отец сам отнес ее в морг, нарушив все больничные правила, настоял — *дайте мне,* — и завернул ее в одеяльце, чтобы она не замерзла, и повесил ей на руку свои жемчужно-серые четки.

• • •

Целый час выпал из жизни, пока она бродила по коридорам с больничной тележкой, где были сложены все их вещи из палаты, а потом к ней подошла медсестра — одна из тех, кто обтирал малышку, — и шепнула ей на ухо: «Как вы пели…» Она замерла, сосредоточенно глядя в пустое пространство поверх плеча медсестры. Она знала, что если повернет голову хоть на градус, то увидит себя на экране — на пятачке для курящих перед входом в больницу, со стаканчиком кофе в руке, — себя, дающую интервью о бетонном гусе, который сегодня одет во все черное.

• • •

Википедии в принципе нельзя доверять, и уж тем более нельзя доверять информации, содержащейся в самом конце всякой википедийной статьи. Но послушайте, в этот раз все будет правдой.

• • •

Свет по дороге домой был как мех дышащего зверя, переливался холмистыми склонами золота и серебра: олененок, и кролик, и лисица, дрожащая на синем снегу. Лисица позволила ей подойти, хотя она была человеком; сегодня звери ее не боялись. Под гулким куполом неба носилось эхо бесплотного крика: «Но ведь она *не ушла*, правда? Она не может уйти!» Безымянные птицы, подхваченные этим криком, умчались ввысь и растворились в небесном свечении.

• • •

В музее Клойстерс, вспоминала она, прижимаясь горячей щекой к оконному стеклу и размышляя о четках, обернутых вокруг малышкиного

запястья, в музее Клойстерс одна деревянная статуя была живой. Ее лоб выпирал из себя прямо в реальный мир, вспучившись созревшей мыслью: о воскресении тела. Это была статуя Иисуса, и, возможно, он и вправду восстал из мертвых, потому что табличка, прибитая рядом, сообщала, что *пальцы на его правой руке были реконструированы.*

• • •

Это же круто! Еще больше ног!

• • •

Они подолгу сидели, держа на коленях груды мягких детских одежек, и не хотели лекарства от боли. Они хотели найти самый действенный способ сохранить человеческий запах как можно дольше. Она сама, ее сестра, их мама носились по дому, как каллиграфические серые гончие, почуявшие добычу, и когда находили носочки, или ползунки, или крошечную пышную юбку наподобие балетной пачки, отмеченные сияющей подписью, они размахивали ими над головой и кричали: «Есть!»

• • •

Она надела футболку в засохших подтеках малышкиных глазных капель и положила под подушку синий мячик из тонких резиновых ниточек. Положила на тумбочку у кровати свой круглосуточный пропуск в ОРИТН и сказала себе, что, если ночью случится извержение вулкана, она будет окружена самыми нужными, самыми правильными вещами, так что давай, сыпь свой пепел, сказала она и уснула.

• • •

В похоронном бюро, когда они обсуждали детали с распорядителем похорон, ее брат оговорился и назвался *мужем* малышки. Они смеялись на грани истерики, у всех из глаз текли слезы, они хватали друг друга за руки и никак не могли остановиться. Она закрыла глаза, уткнувшись лицом в плечо брата, и увидела, как он уносит малышку в глухие леса, где его навыки выживания уберегут их всех от беды.

• • •

«Вот этот», — сказала сестра и указала на гроб, отделанный изнутри простеганным розовым атласом и похожий на раскрытую валентинку. Даже на фотографии он как будто опускался в белую землю, и этот спуск длился вечно. Голос сестры сделался почти прежним, как бы отмеченным ярлычком *«родилась в 1987 году»*, тем самым голосом, который в последнее время уже начал казаться вымирающим видом под угрозой полного исчезновения. «Вот этот. Потому что она у нас стильная девочка».

• • •

После беседы с распорядителем она прошлась по магазину при похоронном бюро, похожему на сувенирную лавку, заставленную медными урнами и мемориальными коллажами, карманными часами, хрустальными розами Сваровски и гранитными плитами с выгравированными лицами канувших в Лету Линд. Она бродила по магазину довольно долго, вертела в руках пресс-папье, ставила их на место. Она привыкла привозить сувениры из каждой поездки. **ты знала, что прах**

покойного можно поместить в мяч для гольфа? — написала она подруге. **ты знала, что есть гробы с камуфляжной раскраской? ты знала, что можно распорядиться, чтобы твой прах поместили внутрь черепашки из папье-маше, а черепашку выпустили в море?**

я бы не отказалась

• • •

С ней так горячо

песня мерцала по радио по дороге домой, и ее папа и муж сестры — в своем трогательном, чутком братстве — принялись наперебой превозносить мастерство Карлоса Сантаны как гитариста, мастерство, которое они оба определяли как запредельное и неземное.

Моя tuñequita, моя испаночка,
моя гарлемская Мона Лиза

Мертвый рефлекс всколыхнулся у нее в горле. Ей действительно было смешно? Или смех дожидался снаружи, пока она не сорвется и не присоединится ко всем остальным?

• • •

Мастер в маникюрном салоне представился Гуглом. «Потому что я знаю все», — сказал он, улыбнувшись слепящей стене с образцами всех вообразимых цветов, руке с тысячью наманикюренных пальцев, безмятежным небесам, и спросил: «Собираетесь на вечеринку?» Она прошептала ему правду, и Гугл перекрестился; теперь к его знаниям прибавилось еще одно. «Я вам сделаю лак, светящийся в темноте, хорошо? — сказал он и принялся обрабатывать ее ногти с бесконечно бережной нежностью. — Потом, когда вы войдете куда-нибудь, где темно, вы увидите, как они светятся, все до единого».

• • •

Мужской магазин «Men's Wearhouse», где с мальчиков сняли мерки, чтобы подобрать каждому идеально сидящий костюм, был священным; «T.J. Maxx», где девочки слали друг другу свои фотографии из соседних примерочных кабинок, был священным; и «Обувной карнавал», где они расхаживали по проходам, шатаясь на каблуках и почти смеясь; и «Michael's», где они выбрали

рамки для фотоколлажей; и цветочная лавка, где они заказали букет гипсофил, именуемых в народе «дыханием младенца»; и кондитерская, где они долго присматривались к печенью; и бутик «Clinique», где они покупали водостойкую тушь для ресниц; и «Фабрика чизкейков», где потом, уже после всего, они ели креветки в хрустящем кляре и были очень добры и внимательны друг к другу — все было священным, и светильники, над которыми она всегда потешалась раньше, расцветали, как неземные цветы, на своих металлических стеблях.

• • •

Маленький белый пудель, которого приводили к малышке и который расцеловал ее всю, пришел на вечернее прощание и терся о ноги скорбящих, собравшихся в траурном зале. «Можно с животными?» — спросила она накануне у распорядителя похорон. «С животными можно», — ответил он и рассказал, что однажды на прощание с покойницей привели коня, чтобы он в последний раз уткнулся носом в щеку хозяйки и стал выискивать у нее на лице кубики сахара, вдыхая запах свежесрезанного сена ее волос и все еще ощущая в своем лошадином теле жаркое

«Да», безоговорочную готовность откликнуться на малейшую команду. Но команда была лишь одна: «Отпусти, дай мне уйти», — и все тело кричало «Нет».

• • •

Песика поднесли к гробу, и он поприветствовал малышку с очевидным узнаванием. Все расплакались, глядя на эту сцену, потому что малышка была словно персик на живописной картине, ее лицо закрывала непрозрачная маска косметики, ее теплое тельце давно остыло. Ее глаза были закрыты, веки накрепко склеены, ее ручки больше не повелевали воздухом, ее радостный визг вернулся в обитель звука — так что же узнал этот песик, что в ней еще оставалось такого, что он по-прежнему так сильно любил? Ведь он же узнал ее? Да, узнал. Он настойчиво скреб коготками розовый атлас и вылизывал малышке лицо, чтобы оно снова стало тем самым, какое он знал.

• • •

Я знаю, что я это я, потому что меня узнает моя собака — кто это сказал? Она точно знала, что видела эту фразу где-то в портале, отпечатанную

на фанерной доске, висевшей у кого-то в доме. Пока вокруг шелестели поминки, она вскарабкалась на балюстраду, отделявшую живых от мертвых, и сидела там долго-долго, у нее за спиной множились строки, и она наклонилась к уху малышки, чтобы сказать «до свидания», я знаю, что я это я, потому что меня узнает моя собака.

• • •

Невролог пришла ближе к концу, и она все же спросила, *почему* она выбрала это зеленое поле, чем было обусловлено ее решение заняться изучением мозга. Выбор сиял смыслом, как сиял шрам после трахеотомии — шрам в форме звезды на горле врача-специалиста по респираторной терапии. «Это долгая история, — улыбнулась невролог. — Когда-нибудь я расскажу». Ей представилось, как она стоит босиком на ветвях своего собственного генеалогического древа и белые звездочки, обозначавшие сноски, рассыпаются по плечам ее черного шерстяного пальто.

• • •

Принадлежать к своему поколению означало, что ее сестра надела на похороны розовое секса-

пильное платье, подобрала в тон помаду и туфли на высоченных каблуках, объявив во весь голос: «МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ КРАСИВЫМИ ДЛЯ НАШЕЙ ДЕВОЧКИ!» Принадлежать к своему поколению означало, что гроб тоже был розовым, того новейшего оттенка, которому только недавно дали название, и что кто-то украдкой положил в этот гроб яркий прозрачный аметист. И час, когда гроб опустили в землю, наполнился темнотой посреди светлого дня, и дождь хлестал по земле серыми каплями; и вся семья собралась на улице, во внешнем мире, который все еще существовал, и сбилась в тесный кружок под ветвями какого-то вечнозеленого дерева. На поминках играла музыка в стиле трэп, и после они устроили барбекю, и ее брат ударил себя кулаком в грудь и сказал ее сестре: «Слушай, сестренка, она была настоящей». Так что специфика времени тоже присутствовала на поминках — как нечто живое, как гостья.

• • •

На поминках им с сестрой довелось подержать на руках чью-то чужую новорожденную малышку. Крошечный сверток был таким легоньким, таким простым, что они обе едва сдерживали желание подбросить малышку под потолок и

поймать: они не боялись ее уронить, они точно знали, что она непременно вернется к ним в руки. «Как будто она человек совершенно другого вида», — тихо шепнула сестра, такая юная и красивая в своем розовом платье, и ее руки не ощущали вообще никакой тяжести, потому что чужая малышка была легче перышка.

• • •

Они вернулись домой, и муж сестры встал на колени и поцеловал квадратик дивана, где когда-то жила их малышка, где она дышала в окружении жужжащих машин, где они обнаружили — едва ли не слишком поздно, — что с ней можно играть в ладушки.

• • •

Они случайно выбросили на помойку мячик из тонких резиновых ниточек, и никто из работников мусорной свалки даже не подозревал, что это такое: синяя искрящаяся звезда всего, что они теперь знали, — не потерявшая ни единого лучика.

• • •

Был такой период, когда она плакала навзрыд и подолгу — в кафе и такси, в магазинах и барах; на рекламе, на документалках, на фильмах с Райаном Рейнольдсом; в кабинках общественных туалетов, уткнувшись лбом в колени и издавая животные всхлипы, которые никак не могли выходить из ее горла; когда почтовый курьер назвала ее душенькой; когда сестра сказала: «Ты тоже была ее мамой»; в портале, где вроде бы был представлен весь человеческий опыт, но там не было этого личика в его сияющем несходстве с другими лицами, не было этих глаз, этих волос.

• • •

Изменится ли она после всего, что было? В детстве у нее случались мгновения чистейшей святости, предельной остроты ощущений, подобных ножу, что режет Землю на дольки, словно голубой арбуз. В эти мгновения солнце спускалось к ней, точно лифт, и она проникалась уверенностью, что можно войти в этот лифт и он поднимет ее высоко-высоко, пронесет мимо всех горестей и неудач, мимо всех пропущенных три-

надцатых этажей в каждом здании, построенном людьми. В эти святые мгновения она размышляла, возвращаясь домой из школы: После такого я точно сумею быть милой с мамой, — но не сумела ни разу. После такого я точно сумею говорить только о важных вещах, о жизни и смерти — и о том, что будет потом, — но все равно говорила почти исключительно о погоде.

• • •

Уже потом, ночь за ночью, когда ее ногти светились в темноте, ей снилось, что малышка все-таки дышит, просто так тихо, что они проглядели ее дыхание. Там, в этих снах, кто-то всегда кричал: «ЭЙ!» — и похоронная служба прерывалась на середине. Они поднимали малышку из гроба, целовали ее, обнимали; по дороге домой они бросали из окон машины розовые гвоздики; все это было ошибкой.

Просто им надо было быть чуть повнимательней, чтобы заметить почти незаметное.

• • •

Двери скучных домов в городских предместьях теперь казались исполненными возможностей,

четко очерченными, бьющимися, как пульс, — потому что за каждой из них могла скрываться ярчайшая частная жизнь. Женщина, которую в свое время называли голосом Бога и которая не появлялась на сцене уж двадцать лет, продолжала петь у себя дома, и ее партнер ее слушал. Он говорил, что ему искренне жалко весь остальной мир.

«Просто во мне было много чего-то такого… даже не знаю, как это назвать, — однажды сказала певица в одном интервью. — Наверное, солнца, пропитавшего меня насквозь. Чудесного, дивного солнца!» Двери домов в городских предместьях плотно закрыты, чтобы удержать это солнце.

• • •

Врачи просили оставить им мозг — с такой трепетной надеждой, что это была почти нежность, словно они тоже любили малышку. «Думаешь, она была бы не против?» — спросила у нее сестра, и она прижала к глазам основания ладоней и увидела, как под куполом внутренней черноты мечутся сверкающие ракеты. «Да, я думаю, что не против», — сказала она, и теперь, когда все решилось, это стало для них утешением: пока лю-

ди смотрят на этот мозг, он продолжает активно действовать в мире, задает вопросы и отвечает, узнает что-то новое, радостно вскрикивает, совершая открытия. Врачи уверили их, что ее мозг развивался и рос, пока она была жива.

• • •

Дочитайте, пожалуйста, до конца — и не то чтобы совсем через силу.

• • •

«Моя батарея садится, и становится темно», — объявил марсоход «Оппортьюнити» в портале.

• • •

Фильм дожидался, когда она соберется его посмотреть, мерцал черно-белым в самом центре ее коллекции. Однажды вечером, когда мужа не было дома, она поставила фильм, и лицо Энтони Хопкинса засияло в темноте, когда он впервые увидел Человека-слона: вся красота мира разбилась о его облик, его левый глаз косил, как увядшая фиалка. Она совершенно не ожидала этого ощущения чистого счастья при виде

сложного многослойного грима и выпирающих бутафорских накладок — к ней как будто вернулась малышка, и комната наполнилась до краев ее хрипловатым дыханием. Когда Человек-слон наконец собирается заговорить, все происходит именно так, как в ее мечтах о малышке: он открывает рот, и наружу выходит Библия, Шекспир, Мильтон, вся поэзия мира. Врачи врываются в комнату, когда он заканчивает псалом. «Благость и милость Твоя да сопровождают меня во все дни жизни моей, — говорит он, выпрямившись в полный рост, — и я пребуду в доме Господнем многие дни».

• • •

Где же он, этот дом, где будем мы *пребывать* многие дни? В портале звучали призывы наконец предать земле кости Джозефа Меррика, хотя его семья отдала его целиком для научных исследований.

• • •

В портале мелькала фотография черепа Джозефа Меррика, где кости с правой стороны росли по фрактальному алгоритму, как пещера, кристалл

или плющ, виток за витком, почти подвижные, почти текучие. Он не выглядел странным. Не выглядел страшным. Когда все было сказано и все было сделано, он выглядел черепом, которому все-таки удалось сделать то, что ему изначально хотелось.

• • •

Мелкие корректировки во внешности, которые раньше она проделывала постоянно — приподнимала руками грудь перед зеркалом в ванной, подрезала кончики непослушных кудряшек перед тем, как идти на вечеринку, — теперь утратили смысл. Наверное, ушли туда же, куда ушла малышка. Теперь она находила какое-то извращенное удовольствие в мысли, что в последний раз она выглядела красивой, когда сидела на кожаном диване в отеле в «Мире Диснея», омытая чистым, прозрачным светом, выделявшим каждую морщинку от смеха в уголках ее глаз, и прижимала головку малышки к груди, ощущавшейся облаком. В ее крови текло солнце, что пропитало ее насквозь, чудесное, дивное солнце.

• • •

«Пусть бы все продолжалось хоть миллион лет, — сказала сестра ровным, тусклым голосом. — Я бы делала все, что нужно. Вставала бы каждое утро и давала бы ей все тринадцать лекарств. Теперь мне не легче. Пусть бы все продолжалось». Потом сестра заговорила о больничных счетах на шестьдесят одну тысячу долларов. Потом прислала ей фотографию флакона со снегом, который медсестры собрали в ту ночь, с чистыми жидкими звездочками на страницах, с *ее* снегом.

• • •

Муж сестры сходил на гаражную распродажу и купил сразу полсотни крошечных плюшевых зверят. Это тоже было лекарством от горя. Кто-то рассадил этих зверят на маленьких кукольных стульчиках на их выставочной витрине, чтобы они не устали — или что? — быть плюшевыми игрушками весь долгий день под прямыми лучами солнца. Кто-то о них позаботился. Наверное, каждый из нас — Господь Бог, привечающий малых воробушков. Наверное, каждый из нас собирает коллекцию редких памятных плюше-

вых симпатяг с красным сердечком, нашитым на грудь, которые для него лично дороже всех богатств мира.

• • •

ПОХОЖИЕ ЗАПРОСЫ:
я скучаю по умершему сыну
я так сильно скучаю по сыну цитаты
я скучаю по сыну, который на небесах
мой сын умер, и я скучаю
скучаю по сыну пословицы

• • •

На собрании по результатам вскрытия врач откусил кусок бэйгла и изобразил ртом великое слово «почему». «Когда Иисус встретил слепорожденного, его ученики спросили, почему он родился слепым? Кто согрешил, он сам или его родители? И Иисус ответил, что не согрешил ни он, ни родители его, а слепой он для того, чтобы на нем явились нам дела Божии, чтобы Господь продвигал нас вперед, через этого человека, и в нем, и вместе с ним». Слезы стояли в голубых глазах врача, но не выливались наружу; такова современная медицина, подумалось ей.

«Если я могу что-нибудь сделать…» — сдавленно проговорил он, его усы были испачканы белым сливочным сыром, и поэтому в ней пробудилась любовь к роду людскому, и продвинула ее вперед, через этого человека, и в нем, и вместе с ним, и это тоже был гимн во славу человечности.

• • •

«Почему она столько всего умела? — спрашивали они у врачей. — Как у нее получалось дышать, пить материнское молоко, отвечать, когда с ней разговаривали?» Врачи не знали. Они говорили о невероятной пластичности мозга. Да, она это чувствовала, держала в руке. Она помнила, как однажды размазала по газетной странице теплую «жвачку для рук», и пленка сделалась настолько тонкой, что сквозь нее явственно проступили слова — целый параграф о происходящем, — а потом смяла податливый пластик в прежний ком пустоты.

• • •

«Могут ли призраки изучать новые технологии?» — спросила сестра, размышляя о том, что будет дальше, о бесконечном конвейере про-

гресса, к которому предстоит приспособиться духам, скопившимся на Земле за всю историю человечества. Они обе надолго умолкли, представляя такие картины: призрак в скоростном лифте нажимает на кнопки, ощущая, как что-то колышется в его призрачном животе, когда лифт замедляет движение на донце мира; призрак передает сообщения по всей черной длине телеграфных проводов; призраки в портале, занятые бесконечным чтением, нежно поддерживают призрачные сердца. В полуночном групповом чате, где они перекидывали друг другу видеозаписи с малышкой, вот что они говорили на самом деле: слава богу, теперь у нас есть технологии.

• • •

А что, если тот мальчик с ночного парома *все-таки выложил* ее фотографии в портал? Ей уже было трудно представить, что когда-то она приходила в ярость от этой мысли. Теперь она была бы благодарна, что люди встречали малышку в широком электрическом потоке всего, что есть — что ее фотографии, смазанные, в движении, живут своей собственной жизнью, отличной от настоящей судьбы, в том месте, где образы пребывают всегда.

• • •

«У нее изумительная трава», — написала сестра и отправила ей фотографию густо заросшей травой могилы, зеленого парка, по которому они бродили день за днем, пока она была с ними, потому что в жизни каждого человека есть люди, которых ему назначено опекать. Сестра сорвала несколько травинок и переслала ей почтой, чтобы она брала их с собой в путешествия. Ей представлялось, как эта вольная, дикая, неприрученная трава разрастается по заброшенным пригородам и большим городам, по местам, где мы все жили раньше.

• • •

В галерее ее фотографий среди кадров, тщательно документирующих последние дни малышки, было много всего постороннего: фотография Рэя Лиотты после недавней пластической операции; скриншот новости о том, как фейковый снимок обнаженной женщины-конгрессмена был разоблачен фут-фетишистами; кадр, где рядом с блондинистой дикторшей «Фокс Ньюс» красуется картинка с бейсболкой, надетой козырьком на-

зад, с подписью КЕПКА, КОТОРАЯ НЕ РЕШАЕТСЯ ПОКАЗАТЬ СВОЙ КОЗЫРЕК[4]; плюшевый орел с черными крыльями и мутно-серыми глазами, который, по утверждению ее друзей, выглядит как некое хтоническое существо, которому точно известны день и час твоей смерти; она сама за считаные минуты до того, как все произошло, — в полосатой тельняшке, склонившаяся в темноте над больничной койкой. Через год этот снимок снова возникнет у нее на экране: у вас новое воспоминание.

• • •

глаза всегда движутся туда-сюда

с бесконечным запасом зрения

• • •

Постепенно окружающий мир призвал ее обратно. Когда ее самолет тянул свою пунктирную линию над Атлантическим океаном, она выглянула в окно и снова увидела ту же глорию,

[4] Примечания: 4
На сленге фраза THE HAT THAT DARE NOT SHOW ITS BRIM означает, в самом приличном варианте «женский половой орган, который не решается показать свое отверстие», а неприличный вариант читатель додумает сам.

круглый сверкающий глаз дождя, который никогда не моргает.

Ее взгляд уперся в пространство в двух дюймах перед глазами и тоже как будто пролился дождем. Книга, которую она взяла почитать в полете — с размытой женщиной на обложке, — так и лежала нетронутой у нее на коленях. Она принялась снова листать фотографии: вот малышка улыбается, вот смеется, на хеллоуинской тыквенной вечеринке, в купальнике — окунаемая в океан. Эти снимки всегда были с ней; ее указательный палец онемел навсегда. Однажды она посетила крошечный остров с ослепительно белыми пляжами и зарылась босыми ногами в знаменитый песок, из которого делается стекло для всех наших экранов. Небо над островом было настолько прозрачным, солнце — настолько горячим, воздух на ее коже — настолько плотным и осязаемым, окружающие деревья — настолько тяжелыми от сидящих на них коал, что она никак не могла разобраться в своих ощущениях: то ли она целиком вошла в свой смартфон, то ли, наоборот, полностью вышла.

• • •

Горы выброшенной аппаратуры на мусорной свалке, и где-то там, среди них, — синий мячик из тонких резиновых ниточек все еще мерцает, пытаясь передать сообщение: *прием, прием, ты меня слышишь, ты читаешь?* «Я слышу, — сказала она дрожащему воздуху. — Я слышу, я читаю».

• • •

Ее попросили прочитать лекцию в Британском музее. Лекция была о портале, и, когда она встала перед микрофоном и принялась листать слайды своей презентации, она старательно притворялась, что по-прежнему живет в этом потоке, по-прежнему бьется пульсом крови, которая знает. Она произносила слова «*коллективный разум*» и видела комнату, где вся ее семья собралась вместе, чтобы рассмотреть уникальный серый мозг на МРТ. Она думала о круглосуточном пропуске в ОРИТН в кармане ее пальто, о пропуске, который она сохранила как напоминание, что однажды была гражданкой государства необходимости. Как она вообще оказалась в портале? Что ее привело изначально? Наверное, желание

стать существом чистых запросов и чистого отклика: ей хотелось радовать других и радоваться самой. Она читала с экрана, ее ребра дрожали, ее голос звучал точно так же, как когда ей хотелось порадовать малышку. Ее сердце так бешено колотилось, что, казалось, оно сейчас выпрыгнет из груди. Она читала:

«Ее попросили прочитать лекцию в Британском музее. Это действительно большая честь — и вряд ли заслуженная. В каком-то смысле она пробралась сюда обманом, мало-помалу, шаг за шагом, слово за словом, золотой песчинкой за золотой песчинкой. И все же она стояла на сцене и удерживала зрителей в своем разуме целый час. Ее лицо было свежим принтом ее века. Она говорила слова, которые были всегда под рукой; она надела рубашку единственного фасона, имевшегося в наличии в то время. Было невозможно понять, где она ошибалась и где ошибется еще. Она говорила: *кот гарфилд — икона бодипозитива.* Она говорила: *авраам линкольн — наш папа.* Она говорила: *рыбы в лондонской темзе одуревают от кокаина.* Это было уместно и правильно — наконец выступить в этом месте, показать себя со стороны, как бы издалека, хаотичным коллажем из тела и разума, чудовищем в глазах

будущего, недоумком перед Розеттским камнем, расхитительницей гробниц, ловцом и убийцей трепетных бабочек, которая уже совсем скоро сама ляжет, зажатая между страницами толстой книги, — и говорить о возвышении больших и малых вещей».

Зрители слушали молча, лица людей в первом ряду сияли. Это было не то чтобы очень похоже на реальную жизнь, но в наше время ничто на нее не похоже. Она мысленно представляла, как несет малышку по залам музея и большая малышкина голова совсем не тяжелая в ее руках. Она показывала ей мумий, сажала ее на ступени храма, называла ее по имени, и ей отзывалось гулкое эхо под потолком; она несла малышку сквозь греческий мрамор и шептала ей: «Кто-нибудь в будущем станет думать о нас». Она открывала стеклянные витрины с древними амулетами и надевала их на малышку — для защиты, для оберега. Стоя посреди зала с ассирийскими львами, она уверяла малышку, что бояться не надо — ее не съедят, — она носила ее по музею, останавливалась перед каждым фонтанчиком и давала ей пить, от доисторических времен до наших дней, до того мгновения в вечности, где они стоят вместе и восхищаются чудом: я все

больше и больше склоняюсь к мысли, что весь мир обладает сознанием.

• • •

Уже потом, после многих бокалов спиртного, люди из зала провели ее по извилистым переулкам — в какой-то безымянный клуб. Клуб был как пылкая подростковая влюбленность. Зеркало в глубине коридора, которое она поначалу приняла за дверь в смежное помещение, пока не увидела собственное лицо прямо по центру. Табличка на стене с надписью «OASIS». Сначала она не могла танцевать, а потом не могла остановиться. Песни, которые там играли, были нелепыми и несуразными — ее личный американский стыд, мелодии, что отмечали ее отсталой, дремучей провинциалкой, простоватой и грубой. Там играли «Rock and Roll All Nite». Там играли «Seven Nation Army». Они скакали под эту музыку, как жители Огайо — под «Милую Кэролайн». О, сказала она себе, я и не знала. Эти песни всегда были любимыми. Весь клуб давил на нее, навалившись всей тяжестью, и она вспоминала игру под названием «Легкие касания»; как невидящий взгляд малышки сдвигался на те места, где ее целовали, места, разбросанные по всему миру. Она размышляла,

стоит ли оно того: показаться совсем ненадолго, послушать музыку и потихоньку уйти? В какой-то момент кто-то украл телефон у нее из кармана, и она воспарила над полом, сразу сделавшись легче. Там, в телефоне, все ее «я», если оно вдруг кому-то понадобится. Позже кто-то попробует его разлочить и увидит малышку, открывшую ротик — малышку, готовую заговорить, готовую что-то поведать миру.

Благодарности

Большое спасибо моему редактору, Полу Словаку, который сопровождал меня на этом пути, хотя и не знал, что такое «сючка», и моему литагенту, Молли Глик, нашедшей меня на портале. Спасибо сотрудникам издательства «Riverhead Books»: Алексис Фарабо, Хелен Йентус, Джинн Диллинг Мартин, Мэй-Зи Лим. Спасибо Лиз Хохнадель, которой больше нет с нами, но мы ее помним и любим.

Спасибо всем, кто читал первые черновики: Грегу, Мишель, Джейми, Марианн, Шейле. Спасибо Джейсону, прочитавшему тысячу вариантов этой истории, включая и тот, где муж главной героини состоит в подпольной анархистской организации под названием «Моя малафья».

Спасибо всем людям, с которыми я познакомилась в своих поездках. Здесь они появляются как фотографии, шаржи или фантомы. Я пишу эту книгу на карантине; я скучаю по всем вам. И по всем остальным участникам коллективного разума.

Спасибо журналу «London Review of Books»

и Британскому музею, который в 2019 году пригласил меня прочитать отрывки из этой книги в рамках наименее образовательной из всех лекций, когда-либо звучавших в его стенах. Спасибо моим соотечественникам в «Испанском баре».

Огромное спасибо врачам, особенно доктору Хабли, доктору Смиту и доктору Вотер-Ли. Спасибо медсестрам из ОРИТН, и особенно Джанет, показавшей нам, как правильно держать малышку. Спасибо сотрудникам «StarShine», которые принесли кучу коробок с игрушками.

Информацию о синдроме Протея можно найти на сайте https://www.proteus-syndrome.org. Пожертвования, поступающие в эту организацию, идут на медицинские исследования и на поддержание достойного уровня жизни для людей с синдромом Протея, большинство из которых — дети.

Также можно сделать пожертвования организации «Питомцы для пациентов» (https://www.petsforpatients.org), которая подбирает домашних животных для семей с неизлечимо больными детьми.

Большое спасибо моей сестре и ее мужу, которые разрешили мне разделить с ними радость и боль. И самое главное, самое большое спасибо

— моей любимой малышке Лене. Ты не осталась, чтобы нас научить, но мы научились.